

НАЦИЯ И КУЛЬТУРА
новые исследования

Гасан Гусейнов

КАРТА НАШЕЙ
РОДИНЫ:

идеологема между
словом и телом

О-Г-И

антропология

НАЦИЯ И КУЛЬТУРА / НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
АНТРОПОЛОГИЯ

Гасан Гусейнов
КАРТА НАШЕЙ
РОДИНЫ:

ИДЕОЛОГЕМА
МЕЖДУ СЛОВОМ И ТЕЛОМ

О·Г·И
Москва
2005

УДК 911.3
ББК 60.55
Г96

Редакционная коллегия:

А. С. Архипова (*редактор серии*), Д. С. Ицкович, А. П. Минаева,
С. Ю. Неклюдов (*председатель редакционной коллегии*), Е. С. Новик

Художник серии Н. Козлов
Дизайн обложки: М. Авцин

Гусейнов, Г.Ч.

Г96 Карта нашей родины: идеологема между словом и телом / Гасан Гусейнов. — М.: ОГИ, 2005. — 214, [2] с.: ил. — (Нация и культура: Новые исследования: Антропология).

ISBN 5-94282-161-5

Книга Гасана Гусейнова посвящена картам России. Но это книга не о физической и не об экономической, а скорее о символической географии. Почему мы регулярно встречаем изображения карты России и СССР на предвыборных плакатах, в газетных карикатурах, на татуировках и т.д.? В чем секрет невероятной притягательности подобных образов? Как эти образы и сопутствующие им речевые клише выражают и формируют представления современных россиян о своей стране, о месте России в мире, о ее прошлом и будущем? Гасан Гусейнов ищет и находит оригинальные и неожиданные ответы на все эти вопросы...

УДК 911.3
ББК 60.55

ISBN 5-94282-161-5

© Г. Ч. Гусейнов, 2005
© ОГИ, 2005

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	6
1. Визиотип в дискурсе	9
2. Карта и граница на матрице когнитивной карты	11
3. Железный занавес: пунктир границы	18
4. Железный занавес: пограничный столб	21
5. 'Глобус', 'шарик'; место России на нем	22
6. Одна шестая: геополитическое пространство, или глобальный организм	28
7. Визиотип «Россия-тело»	43
8. Предательство и расчленение	46
9. Визиотипическая достоверность	49
10. Визиотип и война в дискурсе	54
11. Органическая метафорика и исторический маскарад	59
12. Распад СССР и пустотный дискурс	69
13. Дискурсивные ловушки визиотипа	78
13.1. «Остров Россия» В. Цымбурского	78
13.2. «Разбитый компас» Дм. Галковского	86
13.3. «Мистерии Евразии» А. Дутина	89
13.4. «Новая хронология» А.Т. Фоменко	90
14. Визиотип рассеяния	93
15. Россия, или Северная Азия	107
16. Визиотипические мотивы карты родины в поэзии нового века	113
Иллюстрации	129
Указатель	207

От автора

Приношу глубокую благодарность Габриэлю Суперфину, архивариусу Института Восточной Европы в Бремене, за предоставленные им архивные материалы и высказанные замечания; от души благодарю принявших участие в обсуждении первоначального варианта этой работы Изабель де Кегель (Берлин) и Виктора Воронкова (Санкт-Петербург). Большая часть настоящего исследования была в основном написана во время моего пребывания в Хельсинки в июне 1999 года по стипендии Института России и Восточной Европы и опубликована в Хельсинки в 2000 году; сотрудникам Института Аннели Ойала, Маркку Туоминену, его директору Вальдемару Меланко — моя сердечная благодарность. Часть книги, вошедшая в мою докторскую диссертацию, защищенную в Российском государственном гуманитарном университете в феврале 2002 года, стала — по инициативе Сергея Неклюдова — предметом обсуждения в Институте высших гуманитарных исследований; высказавшим ценные для меня критические замечания оппонентам и рецензентам Елене Пенской, Мариэтте Чудаковой, Игорю Кондакову, Татьяне Михайловой, Нине Брагинской, Галине Зверевой, Владимиру Каганскому, Арнольду Макмиллину — хочу высказать свою признательность. Тем, что из стен ИВГИ эта работа нашла дорогу в ОГИ, я обязан Александре Архиповой.

Москва—Бонн, июль 2002

Памяти моей мамы
Марины Давыдовны Гусейновой-Гинблат

1

ВИЗИОТИП В ДИСКУРСЕ

ОТМЕНА или преобразование символов и идеологем сопровождают всякий исторический слом, но отнюдь не всегда объясняют, в чем смысл этого слома. Хорошо уже, если можно узнать, как переживают ее современники или, иными словами, как определяют они свое местоположение в данной исторической точке. Особенно интересно сопоставить различные типы ориентировки¹, когда носители языка переходят с одной системы ценностей на другую. Общий язык их все сильнее разделяет, а общие несловесные символы все сильнее объединяют и наоборот. Как в советской политической риторике, так и в постсоветском дискурсе наглядно-чувственное и абстрактно-словесное измерения этого концепта находятся в постоянном противоборстве, причем зрительные образы часто тяготеют к большей отвлеченности и символизируются (например, клишированные изображения Ленина), тогда как словарное гнездо часто усваивает (иногда — паронимически или анаграмматически) конкретно-телесную семантику. Так, слово *сталь*² и его производные, глагольная форма *ста́ли*, выражение *без устали* в средствах пропаганды брежневской эпохи 'сталинизировались', вызывали принудительную ассоциацию с выведенным из официального пантеона вождем³. Это десятилетнее

¹ Под ориентировкой я понимаю «смещенную преемственность», которая, по словам Вернера Штегмайера, позволяет миру, изменившись «во всем», все-таки остаться для нас «тем же самым» (STEGMAIER W. Weltabkürzungskunst. Orientierung durch Zeichen // Zeichen und Interpretation / Hrsg. von J. Simon. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1994. S. 136).

² Здесь и далее курсивом обозначаются ключевые слова дискурса и идеологемы, в том числе и в цитатах, 'одиночными кавычками' — толкования или вербализации подтекста.

³ См. газетные заголовки к ключевым сталинским датам конца 1960—1970 гг. (типа «Крепче стали!» ко Дню Победы 9 мая и т.п.).

удерживание Сталина в словесной тени нужно видеть рядом с низовым культом Сталина — как святого чистильщиков обуви [‘Сталин — сын бедного сапожника Бесо Джугашвили’], определенной категории водителей и разного рода мелких и крупных начальников [‘Сталин — бог руководителей’]; возможно, отсюда этому сектантскому Сталину легко было переключаться на плакаты коммунистов ельцинской эпохи всех мыслимых направлений. Идеологические расхождения приверженцев нового культа Сталина 1990-х годов и, вероятно, начала третьего тысячелетия меркнут на фоне объединяющего образа ‘доброе к нам и беспощадное в схватке с врагом божества’.

В месте встречи словесного знака и наглядно- и/или телесно-схематического образа складывается изобразительно-словесная идеологема, или, пользуясь неологизмом Уве Перксена, визиотип.

Визиотип — это и стиль мышления, и глобально действующий знак. С одной стороны, это способ зрительского подхода к действительности, тип придания наглядности обобщению. Таковы многочисленные изображения числовых рядов и схем, инструментов и геометрических фигур — визиотипы в широком смысле слова. Кроме того, существуют и такие универсальные визиотипы, как, например, ‘кривая прироста населения’, ‘структура ДНК’ или фотография ‘голубой планеты’; можно было бы назвать такие образы глобальными зрительскими идолами. Но слова *идол, эмблема, символ* исторически заняты, вот почему предпочтительнее неологизм⁴.

В книге Перксена показано, что связь между словесным и наглядным в визиотипе сложнее простого подчинения одного другому или взаимоусиления смыслового напора. Особенно это касается глобальных визиотипов, к числу которых принадлежит политико-географическая карта в разных модификациях. Впечатанная в память поколений со школьной скамьи, карта — одна из первых сложных единиц общественного сознания. Как реальность, более всего изменившаяся за последние годы, карта самой большой по площади страны мира *не могла*, как любил повторять вышеупомянутый отец всех советских народов, *не стать* предметом самого пристального внимания носителей русского языка уже накануне официального распада СССР, а после 1991 года идеологема *карта нашей Родины* оживилась необыкновенно. Это оживление бросается в глаза при обращении к средствам массовой коммуникации 1990-х годов, оно и заставляет обратиться к тому словесно-изобразительному материалу, из которого соткана идеологическая ткань.

⁴ PORKSEN U. Weltmarkt der Bilder. Eine Philosophie der Visiotype. Stuttgart: Klett-Cotta, 1997.

2

КАРТА И ГРАНИЦА НА МАТРИЦЕ КОГНИТИВНОЙ КАРТЫ

С одной стороны, *карта* — лишь изображение, рисунок, схема; с другой — это набор инструктивных категорий и чисел, входящих в поле словесного представления идеологии. Рассмотрим для начала наиболее распространенные словесно-числовые составляющие нашей идеологемы.

Ключевой категорией является здесь *граница*. Государственная граница — не просто часть карты, но вполне самостоятельная категория, которая и очерчивает некую территорию, и проведена внутри каждого индивида, себя с этой территорией отождествляющего. Как единство внутренней оси, центра очерчиваемого мира и его периферии, граница проведена, таким образом, в той области личного опыта, которая в наибольшей степени подвержена воздействию политических перемен. Если до начала XX века господствующей при проведении такой внешне-внутренней границы была знакомая региональная составляющая, то эпоха распространения всеобщего среднего образования и средств массовой информации и пропаганды резко сдвинула границу в область незнакомого и идеального. Не только государства, *зажатые*, а иногда и *делимые* между более могучими соседями (как, например, Польша), но и более крупные страны (как, например, Германия) должны были в XX столетии ставить проблему собственных границ в самый центр политического дискурса⁵. На фоне перемен самого содержания категории *граница* внутри Европейского сообщества 1990-х годов понятен большой академический интерес к соотношению литературно-философского и политико-психологического элементов в освоении темы⁶.

⁵ См. подробнее: SLUSARCZYK J. Granice Polski w XX wieku (koncepcje, realizacja, zagrozenia). Torun: Marszalek, 1994; RITTER J., LAPP P.J. Die Grenze: ein deutsches Bauwerk. Berlin: Chr. Links, 1997.

⁶ Укажу лишь на обширные публикации, появившиеся по следам междуна-

С момента воссоздания на территории бывшей Российской империи нового государственного образования и, в частности, после дальнейшего округления Союза ССР по прежней имперской границе Российская Федерация 1990-х годов впервые для себя сталкивается с опытом, отложенным с 1920-х годов, — опытом радикального пересмотра государственных границ и опытом перехода всего общества в новую для него «пограничную ситуацию»⁷.

Отсутствие дискурсивного опыта 'вопрошания о перечерчивании границ' требует от русского общества 1990-х годов психо-политического напряжения, нуждающегося в сопоставлении с более разнообразным польским или немецким опытом государственного строительства и восстановления в первой и во второй половине XX столетия⁸. Хотя такое сравнение и не входит в мои намерения, все же именно в рамках нашей темы приходится хотя бы в общих чертах учитывать тот контрастный фон, на котором эти страны взаимодействуют в посюветской политической реальности. Несмотря на дружественное политическое и экономическое взаимодействие конца 1980-х — начала 1990-х годов, Россия и Германия расходились в 1990-х годах к полярным точкам своих исторических траекторий; эта полярность видна уже при сопоставлении трех факторов: территориально-демографического, внутри- и внешнеполитического. Германия 1990-х годов — это территориальный и демографический прирост и государственная консолидация; это рост политико-экономического влияния в Центральной и Восточной Европе. Россия 1990-х годов — это происшедшая всего за несколько лет потеря территорий, которые Российская империя и СССР удерживали последние три столетия; это, далее, убыль населения и на оставшейся территории, причем не только из-за военных действий на ней с применением ракет и бомбардировочной авиации; это затяжной внутривнутриполитический кризис, переходящий в банкротство государства как такового; наконец, это отсутствие сколько-нибудь постоянных союзников в так называемом ближнем зарубежье: в частности, невозможно более говорить о бывшем сателлите СССР — Польше —

родных конгрессов в Люцерне (1995) и Берлине (1991): *Grenzen und Raumvorstellungen* / Hrsg. von G.P. Marchal. Zürich: Chronos, 1996; *Literatur der Grenze — Theorie der Grenze* / Hrsg. von R. Faber, B. Baumann. Würzburg: Königshausen & Neumann, 1995.

⁷ См. подробнее: KIRKBRIGHT S. *Border and border experience: investigations into the philosophical and literary understanding of a German motif*. Frankfurt a M.; Berlin etc.: Lang, 1997.

⁸ См. об этом: САВЧЕНКО В. Н. *Восточнославянско-польское пограничье, 1918—1921 годы. (Этносоциальная ситуация и государственно-политическое размежевание)*. М.: Институт славяноведения и балканистики, 1995.

⁹ *Problem granic i obszaru odrodzonego państwa polskiego (1918—1990)* / Pra-

как о союзнице⁹. Рядом с этой сложной внешнеполитической картой не проще выглядит и внутривнутриполитическая карта Российской Федерации.

Другим контрастным по отношению к нашей теме иллюстративным материалом может служить словесно-изобразительный опыт выхода за привычные границы, утраты с детства знакомого окружения, переживания конца эпохи — опыт, отложившийся в эмигрантской поэзии 1920—1940-х годов. Стихотворные тексты берутся в этой работе в качестве непосредственно-наглядного отпечатка личного опыта, словесного выражения идеологического рефлекса или сжатого представления историософской концепции, развернутое изложение коих могло бы потребовать не окупаемых результатом усилий.

Для того, однако, чтобы подступиться к вопросу о том, как ориентируются современники в новой для себя реальности, целесообразно обратиться к простым составляющим той ее модели, что представлена в познавательном и коммуникативном опыте носителей языка. Вернемся поэтому к составляющим концепта или семантического поля *граница*.

В легенде к физической карте СССР для 9-летних школьников говорится:

Это карта нашей Родины. Союз Советских Социалистических Республик — самая большая страна в мире. Она находится в Европе и Азии и имеет очень длинную границу, которая проходит по морям, горам, рекам и равнинам (ил. 1).

Вот как предстает эта протяженность в поэтическом мире Георгия Оболдуева:

Нас астрономически много,
Спаянных пока что в СССР. [...]
Мы горны, долинны, речны, морски и лесны:
Так есть куда силу девать,
Чтоб получить вдвое¹⁰.

Семантическое поле *граница* представлено в языке немногочисленными, но стойкими паремиями. Привожу их в составе почти исчерпывающего гнезда слов:

самая протяженная государственная граница в мире;
граница на замке;

ca zbiorowa pod red. Antoniego Czubiczkiego. Poznań: Wydawnictwo Uniw. Adama Mickiewicza, 1992.

¹⁰ Оболдуев Г. Кантата [1930] // Оболдуев Г. Устойчивое неравновесие:

рубежи, зарубежный, за рубежом, зарубежье;
и даже мглы — ночной и зарубежной — я не боюсь^{10а};
священные рубежи Родины;
на границе тучи ходят хмуры¹¹;
пограничье;
И бойцу на дальнем пограничье / От Катюши передай
привет¹²;
И в каждом пропеллере дышит / Спокойствие наших
границ¹³;
незаконный переход границы;
кордон, за кордоном, уйти за кордон, закордонный;
за бугор, уйти за бугор, забугорный, голос из-за бугра;
КСП — контрольно-следовая полоса;
нейтралка, нейтральная полоса;
А на нейтральной полосе цветы / Необычайной красоты¹⁴;
запретка, запретная зона;
пограничная зона;
приграничная полоса;
погранзаства, погранпост, погранотряд;
пограничник;
пограничная собака;
нарушитель границы, диверсант;
юный друг пограничников;
часовые Родины стоят;
Эй, вратарь, готовься к бою: / Часовым ты поставлен у ворот.
/ Ты представь, что за тобою / Полоса пограничная
идет¹⁵;
На охрану государственной границы Союза
Советских Социалистических Республик заступить!
(*приказ наряду пограничников*);
заграница.

Данный перечень составлен без учета идеологической весомости отдельных единиц. Лишь некоторые предпочтения можно

Стихи. 1923—1949 / Сост. и подготовка текста А.Н. Терезина. Мюнхен, 1979 (Arbeiten und Texte zur Slavistik / Hrsg. von Wolfgang Kasack. Bd. 22). С. 35.

^{10а} Александр Блок, «На поле куликовом», 1908.

¹¹ Борис Ласкин, «Три танкиста», 1937; если не указан другой источник, цитаты приводятся по изданию: Душешенко К.В. Словарь современных цитат. М.: Аграф, 1997 (далее: Душешенко).

¹² Михаил Исаковский, 1938.

¹³ Павел Герман, 1924.

¹⁴ Владимир Высоцкий, 1965.

¹⁵ В. И. Лебедев-Кумач, 1939; цит. по: Вайль П., Генис А. Шестидесятые. Мир советского человека. М.: Новое литературное обозрение, 1996.

отметить, опираясь на опубликованные источники советского времени. Так, судя по «Частотному словарю», составленному Л.Н. Засориной, можно предположить, что *зарубежный* — это несколько более идеологичное слово, чем *заграничный*¹⁶. С другой стороны, само введение — наряду с понятием *заграница* — понятия *зарубежье* было частью стратегии, выраженной одним из девизов так называемой первой волны эмиграции: «Мы не в изгнании, мы в посланьи»¹⁷. Это, пореволюционное, *зарубежье* массовой эмиграции после революции 1917 года мыслилось самими эмигрантами как часть России, унесшая¹⁸ с собой все, вплоть до собственных границ. Напротив, внутри России (СССР) термин этот был в ходу как уничижительно-угрожающее описание местоположения *отщепенцев*.

Основополагающее отличие *зарубежья* от *заграницы* состоит, таким образом, в том, что *зарубежье* — это та заграница, в которой живут выходцы из нашей страны. Позднесоветский дискурс начал было присваивать зарубежности парадоксальную семантическую добавку 'добротной консервативности': в *зарубежье*, согласно этой гипотезе, 'сохранились (или могли сохраниться) некие утраченные здесь, под большевиками, ценности, такие, как чистый русский язык, аристократические повадки, подлинное православие и т.п.'. Но появление в политическом дискурсе посюветской России терминов *ближнее* и — по аналогии с ним — *дальнее зарубежье* вернуло зарубежность в семантическое поле 'чуждости', 'недружелюбия' и даже 'враждебности'. За словосочетанием *ближнее зарубежье* первоначально стояло представление, согласно которому 'границы Российского государства после распада СССР пока нельзя считать окончательными'. Официальные заявления такого рода делались в начале 1994 года членом Президентского совета Андраником Миграняном, заместителем министра обороны Андреем Кокошиным и другими высокопоставленными чиновниками. Сама форма высказывания требует неоднозначного истолкования: 'страны не вполне или не по-настоящему

¹⁶ Из 37 употреблений слова *зарубежный* 35 приходится на «журнальные и газетные статьи» и 5 «на публицистические и научные тексты»; в тех же текстах слово *заграничный* встречается 11 раз, причем 5 из них приходится «на публицистику и научный текст» (Частотный словарь русского языка / Сост. Л. Засорина. М., 1977. С. 196, 213).

¹⁷ Фраза приписывалась Д.С. Мережковскому; ср. в стихотворении Н. Берберовой 1927 г.; см. подробнее: Душенко. С. 37.

¹⁸ Ср. название воспоминаний Романа Гуля «Я унес Россию» (Нью-Йорк: Мост, 1981); ср. также строки из стихотворения Алексея Ачаира: «И за то, что нас Родина выгнала, / Мы по свету ее разнесли» (1925; см. подробнее ниже, разд. 15).

независимые'; 'условно зарубежные страны'; 'свои, но лежащие за границей территории'¹⁹.

В тезаурус *границы нашей Родины* входит и устойчивое словосочетание, имевшее хождение в России во время Первой мировой войны, но международным политическим термином сделавшееся после того, как его применил в Фултонской речи 5 марта 1946 года Уинстон Черчилль, который назвал линию раздела Европы на зоны влияния «*железным занавесом*»²⁰. Описывая СССР извне — как отделенную от остального мира опасную зону, — метафора эта была тут же подхвачена уже советской пропагандой: в докладе о журналах «Звезда» и «Ленинград» 15 и 16 августа 1946 года А. Жданов обвинил Запад в стремлении «воздвигнуть железный занавес, за пределы которого не могла бы проникнуть за границу правда о Советском Союзе»²¹. Для носителей языка советской идеологии *железный занавес* — двоякоприемлемая метафора: 'мы не хотели, но возвели *наши* железный занавес — защиту против поджигателей войны'. Определением так понятой метафоры можно считать строительство Берлинской стены. Официальный подтекст *железного занавеса* вполне вписывался в гнездо государственной *границы на замке* с ее привычной семантикой 'непреодолимости', 'суровости', с постоянно навязываемым носителям русского языка ощущением связанной с границей 'опасности'. Концепт *граница* держится, таким образом, на равновесии эмоций 'полной безопасности' и 'все-

¹⁹ Ср. различные толкования в изданиях: Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ Ltd, 1992 (зарубежье); Краткий словарь современных понятий и терминов / Под ред. В.А. Макаренко. М.: Республика, 1995. С. 139 (ближнее/новое, среднее, дальнее и русское зарубежье); ср. также политическую лексикографию народно-патриотического направления: Эпоха в штампах и жаргоне. Толковый словарь ельцинизма // Ленинский путь. 1996. № 24. С. 3: «В ближнем зарубежье оказалось 25 миллионов русских практически на положении „негров“ (неграждан)». Еще в ходе первой чеченской войны в западном академическом лексиконе появился предложенный Уве Хальбахом (Uwe Hallbach) термин внутреннее зарубежье, описывающий административно-территориальные единицы России, на которые не распространяются законы Российской Федерации

²⁰ Еще до Фултонской речи термин, обозначавший собственно противополитический занавес в театре, разделявший сцену и зрительный зал, стал публицистическим штампом; см. подробнее: Brewer's Dictionary of Phrase and Fable. London, 1970. P. 572; Cohen J.M., Cohen M.J. The Penguin Dictionary of Quotations. Harmondsworth, 1960. P. 111, § 17; p. 400, § 6; в этом же смысле писали о «железном занавесе» В.В. Розанов в 1917 году и советский писатель Лев Никулин 13 января 1930 года в «Правде»; подробнее см.: Коряков М. Живая история 1917—1975. Мюнхен: Echo Press, 1977. С. 118—119.

²¹ Цит. по: Душенко. С. 396.

поглощающего страха'. Это равновесие, или, точнее, это чувство вины на волоске, присутствует и в отношении советских граждан к словосочетанию *государственная безопасность*, особенно в варианте сокращения *госбезопасность*. Вследствие этого, в зависимости от того, у кого как нарушилось психо-семантическое равновесие, словосочетание *открытие границ* попадает у одних носителей языка в понятийное поле 'освобождения', 'отпущенности в открытый мир', а у других — в поле 'оставленности', 'заброшенности', 'беззащитности'; в последнем случае животрепещущей становится задача найти 'виноватых', 'предателей'. Эмоция опредмечивается. В советское время этот процесс приобрел особую остроту в связи с манией безопасности у советского руководства, которое чувствовало себя ответственным за сохранение сразу двух исторических образований — собственно своей страны, Союза ССР, и совпадающей с нею в границах прежней Российской империи (ил. 1)²².

На уровне повседневной рефлексии в позднем СССР, открывавшей себя лишь в камерной, подцензурной ироничности, мотив 'угрозы' и 'невозможности пересечения границы' слышим у Булата Окуджавы, так описывающего переселение на новую квартиру, удаленную от любимого Арбата:

Без паспорта и визы, лишь с розою в руке,
Шагаю вдоль незримой границы на замке,
Кругом чужие лица, враждебные уста,
Хоть флора здесь все та же, да фауна не та.

²² Формулировку и развитие этой темы заимствую из статьи Дитриха Гайера: GEYER D. Modern Imperialism? The Tsarist and the Soviet Examples // Imperialism and After. Continuities and Discontinuities / Ed. W.J. Mommsen, J. Osterhammel. London: Allen & Unwin, 1986. P. 49—62.

3

ЖЕЛЕЗНЫЙ ЗАНАВЕС: ПУНКТИР ГРАНИЦЫ

Поэтическое сознание обеспечивает этот подтекст 'опасности' и 'безопасности' цветом, запахом, вкусом, фактурой. Приведу стихотворение-пророчество о коррозии *железного занавеса* именно как продукта массового сознания; поэтическое откровение придает законченность советскому идеологическому мотиву:

Рабин: бараки, сараи, казармы.
Два цвета времени:
Серый
И желто-фонарный.
Воздух железным занавесом
Бьет по глазам; по мозгам.
Спутница жизни — селедка²³.
Зараза — примус.
Рабин: распивочно и на вынос.
Рабин: Лондон — Москва²⁴.

Выделенный выше сегмент идеологического поля *граница — зарубежье* оживился или, если воспользоваться компьютерным жаргоном, был активирован в ходе перестройки, *парада суверенитетов* и роспуска СССР в результате беловежских договоренностей

²³ Имеется в виду так называемая ржавая селедка — один из атрибутов солдатского, примусного и т.п. быта; ср. бравурную обработку селедочной темы у Евтушенко: «Комсомольская шамовка / Из селедочных голов, / Но — „В коммуне остановка!“ / и — канай без лишних слов» (Евтушенко Е. Братская ГЭС. М., 1967. С. 140).

²⁴ Сатуновский Я. Рубленая проза / Сост., подготовка текста и предисловие В. Казака. Мюнхен, 1994. С. 23 (стихотворение о живописи Оскара Рабина, 10 июля 1963).

(ил. 2)²⁵. Собранные из разных источников массовой коммуникации и, по большей части, карикатурные изображения границы или пограничности содержат понятную для жанра юмористическую или саркастическую интенцию. Но в ней присутствует и политико-исторический подтекст, восстанавливаемый на основе вышеприведенного словесного материала. Поскольку граница — *железная граница на замке* — одна, всякое внутреннее размежевание может мыслиться одновременно и как смешное недоразумение, и как страшное преступление. Как только в советской публицистике 1980-х годов возникла тема распада СССР, картографический пунктир границы замелькал в газетах (ил. 3—11).

Силу принудительной ассоциации категорий 'прочности' и 'непреодолимости' с концептом *граница* можно показать на примере статьи об акционерном обществе «Гранит» под названием «Хрупкая прочность „Гранита“²⁶». Паронимическая игра слов *гранит* — *граница* получает для автора объяснительную силу вопреки тому, что написано в статье о заводе «Гранит»; автор текста показывает, что засилье посредников, неуплата налогов в бюджет и невыплата заработанного сотрудникам объясняют все беды предприятия. Но принудительная ассоциация «Гранит» — прочность — граница — «Гранит» заставляет журналиста объявить причиной упадка завода «экзальтацию парада [местного] суверенитета», а карикатуриста — изобразить, как олицетворяющий завод человек рисует вокруг себя пограничный пунктир (ил. 13).

Навязчивость мотива и капризы принудительных ассоциаций, возникающих вокруг образа границы, прослеживаются и за пределами России. Так, купюра Банка Эстонии достоинством в пять крон несет изображение двух пограничных крепостей — Нарвы и Ивангорода, — соединенных мостом (ил. 12). Пейзаж этот — с Нарвой на переднем плане — является объектом многообразных политических интерпретаций. Находясь в 1998 году в Нарве на конференции на тему «Nomadic Border / Кочующая граница», посвященной восприятию границы и пограничности в постсоветском и восточноевропейском пространстве, я расспросил 7—8 участников (граждан Эстонии,

²⁵ В современной России упомянутые обозначения исторических периодов пока не стали общезначимыми единицами исторического счета.

Ср., как в лексикографии отражается выражение *парад суверенитетов*: «Выражение появилось осенью 1990, после принятия декларации о суверенитете союзными и многими автономными республиками СССР» (Душенинко. С. 146). «Парад суверенитетов — неодобрительно: последовательное принятие рядом союзных и автономных республик, а также некоторыми регионами декларации о провозглашении независимости» (Максимов В. И. и др. Словарь перестройки. СПб.: Златоуст, 1992. С. 150).

²⁶ Марков А. Хрупкая прочность «Гранита» // Вести. 1997. 7 августа.

Латвии и Российской Федерации, в том числе подолгу живущих за границей) о том, что, по их мнению, означает это изображение для автора и заказчиков купюры, а также о том, какой смысл сами они находят в таком, а не в ином изображении пограничной реки. Только один из опрошенных отождествил свое собственное восприятие изображения с той интенцией, которой, по его же мнению, руководствовался художник. Наиболее характерные ответы о собственном понимании:

‘таким образом Эстония выказывает территориальные претензии к России’;

‘Эстония хочет подчеркнуть жизненную важность связей с Россией и окончательность проведения границы по фарватеру реки’;

‘Эстония напоминает собственным согражданам об опасности, исходящей от России’;

‘Эстония подчеркивает независимость и культурно-экономическое превосходство над Россией’;

‘Эстония подчеркивает экономическую зависимость от России’;

наконец, ‘глядя на изображение границы и пограничной реки, убеждаешься в том, что эстонская сторона уже принадлежит Европе (церковь, отреставрированная башня Нарвской крепости), тогда как мрачная приземистая крепость Ивангорода, лишенная окон, олицетворяет безлюдно-безликую Азию’.

Несмотря на хорошо просматриваемый мост, разделительная сила широко разлившейся на купюре реки явно преобладает над любой формальной мотивировкой заказчика и исполнителя. Скрытый подтекст в истолковании символического пейзажа заставляет говорить о двух изображениях в одной картине. Одно есть зеркало политической пестроты наблюдателей, другое содержит общезначимый смысл ‘непреодолимости’. Любой зритель — не только пользователь купюры — вынужден самоопределяться относительно данного изображения, или, пользуясь характерным неологизмом-англицизмом 1990-х годов, позиционировать себя по отношению к денежному знаку недавней колонии России, т.е. принять на себя определенную роль в инсценировке²⁷.

²⁷ См. подробнее: DIE GRENZE: Begriff und Inszenierung / Hrsg. von M. Bauer, Th. Rahn. Berlin: Akademie-Verlag, 1997.

4 ЖЕЛЕЗНЫЙ ЗАНАВЕС: ПОГРАНИЧНЫЙ СТОЛБ

ПОГРАНИЧНЫЙ столб и события вокруг этой оси советского мира становятся одним из любимых сюжетов карикатуристов.

И безграничный пограничник
Стоит
И так и смотрит
Как бы Европа
Не проползла²⁸.

Узнавание России по пограничному или верстовому столбу объединяет издания всех направлений (ил. 14—27). Рассмотрев эти карикатуры, образующие лишь поверхностный слой изображений концепта 'пограничности', понимаешь продуктивность заимствованной четверть века назад историками у географов, геологов и анатомов метафоры «картирования» (mapping) для анализа национально-культурных картин мира, их появления и изменения в разное время на различных территориях²⁹. Изоморфность предмета данной работы и эвристичной исследовательской метафоры когнитивной (или ментальной) карты позволяет считать, что авторы подобных карикатур непосредственно указывают на зоны общественной «озабоченности».

²⁸ НЕКРАСОВ В. Справка. Что из стихов где за рубежом когда опубликовано (1975-1985). М.: Постскрипtum, 1991. С. 14. Пародируется цитата из песни 30-х гг. — „там где пехота не пройдет, где бронепоезд не проползет, могучий танк не проползет, там пролетит стальная птица“.

²⁹ См., например: WOLFF L. Inventing Eastern Europe: the map of civilization on the mind of the enlightenment. Stanford, Calif.: Stanford UP, 1995; Morrissey K. E. Mental territories: mapping the Inland Empire. Ithaca, N.Y.: Cornell UP, 1997 [региональное американологическое исследование]; Mapping the nation / Ed. Gopal Balakrishnan. London a.o.: Verso, 1996.

5

‘ГЛОБУС’, ‘ШАРИК’; МЕСТО РОССИИ НА НЕМ

‘ГЛОБАЛЬНОСТЬ’, ‘БЕЗГРАНИЧНОСТЬ’, ‘БЕСКРАЙНОСТЬ ПРОСТОРОВ’ — другой горизонт идеологемы ‘наша Родина’. Ее опорные точки снова — как слова, так и символы. *Глобус, шарик, вращающаяся Земля, планета, голубая планета* — вот ключевые слова, ее образующие. Независимо от политической ориентации относительно официальной идеологии, образ глобуса с герба СССР или из телевизионной программы постоянно присутствует даже и в самых не похожих друг на друга рассуждениях о мире — от стихотворной агитки Александра Жарова:

Мы за мир! И песню эту
Понесем, друзья, по свету. [...]
Не бывать огню-пожару,
Не пылать земному шару³⁰, —

до баллады Булата Окуджавы, иронически названной «Молитва Франсуа Вийона» —

Пока Земля еще вертится,
Пока еще ярок свет... —

или песни на стихи Леонида Дербенева из кинокомедии «Кавказская пленница» (1967) о Земле, которая «вертится быстрей». Банализованная глобальность — шарик в сетке параллелей и меридианов — держится без заметных перемен от эпохи создания герба СССР³¹ до конца 1980-х годов. Визиотип ‘нашего’ глобуса постоянно поддерживался плакатно-карикатурным официозом (ил. 28—30).

³⁰ Мы за мир, 1949.

³¹ В свою очередь на советский герб он перекочевал с большого герба Российской империи, где был изображением державы.

Обытовление глобуса дошло до того, что даже привычку переходить улицу на красный сигнал светофора советский поэт склонен был истолковывать как жест глобального революционного нетерпения:

Как найти мне нетерпенья меру?
Как мне на прекрасное взглянуть?
Пусть, как добрые милиционеры,
Звезды мне указывают путь.

Знаю — станет явью все, что снится!
Я иду сквозь всех путей узлы,
Пусть меня сопровождают птицы,
Голуби летят, летят орлы. [...]
И сливается в едином гимне
Все, что близко, что живет вдали...
До чего, товарищи, близки мне
Оба полушария Земли!
Мы преодолеем все просторы,
Недоступного на свете нет!
Предо мной бессильны светофоры —
Я всегда иду на красный свет!³²

Почти гротескный метафорический ряд — расширительное толкование мелкого правонарушения как полета над глобусом, а милиционеров (или звездочек на их погонах) — как путеводных звезд на ночном небе, — прочно закрепился в обыденном сознании после полета в космос Юрия Гагарина 12 апреля 1961 года. Глобализм венчал традиционную идеологему, делаясь бытовой банальностью:

Как огородники гряды за грядкой,
Освоили мы тайны всех дорог.
Летит Гагарин. На него украдкой
Глядит скомпрометированный бог. [...]

В чем же судьба моя, судьба поэта?
Мне кажется, что я незаменим,
Мне кажется — подписаны планеты
Великолепным росчерком моим!

Мне эта ситуация знакома,
В течение долгом трудового дня

³² Светлов М. «Для того живем со дня рождения...» [1959] // Светлов М. Стихотворения. Л.: Советский писатель, 1968. С. 314—315.

Из космоса, как из родного дома,
Товарищ русский смотрит на меня.

Как хороша ты, звездная дорога!
Летит Гагарин. Он устал чуть-чуть,
И перед ним торжественно и строго
Блестит кремнистый лермонтовский путь³³.

Широко прочерченная граница, красная или розовая крышка глобуса, занимаемая самой большой страной в мире, делают карту СССР и России особенно мощным символом. На севере граница проходит прямо по океану, страна граничит с космосом, хотя в действительности всякому ясно, что непосредственными соседями России на севере являются Канада и США. Но в реальных картах СССР и России собственно символика господствует над прагматикой, а всякий символ — отчасти фальсификат. Так, например, кроме «границы полярных владений СССР» Советский Союз от неупоминаемых североамериканских соседей отделял третий символический рубеж обороны — «распространение плавучих льдов» (ил. 31).

Пространственный центр карты — Сибирь; это одна из самых безлюдных на свете территорий. Густонаселенные регионы к западу от Урала (прежде всего так называемый Центральный район) занимают не больше четверти карты³⁴. После распада СССР и выделения из состава России Украины, стран Балтии (бывших республик Прибалтики), Южного Кавказа (бывших республик Закавказья) и Центральной Азии (бывших республик Средней Азии и Казахстана) сама структура карты не изменилась. При этом трудность глобального картографирования России оказалась еще более выраженной. На новых картах, вытянувших Россию вдоль Северного полярного круга, центр населенности сместился в еще менее значимую часть картографического поля (ил. 32). Физическая территориальность и глобальная значимость России как географического объекта по-прежнему мыслятся более существенными, чем экономическая, политическая и социальная реальность. В начале XX века

³³ Светлов М. Звездная дорога [1962] // Там же. С. 334. Светлову хочется ступить в след Лермонтова, но поэтический толчок он получил скорее от стихотворения А. Дельвига «Однажды Бог, восстав от сна, курил сигару у окна...».

³⁴ Стоит сравнить ее с воображаемой картой Дании, на которой картографы всякий раз стремились бы уместить в одном масштабе не только Ютландию с островами, но и непременно Гренландию и Фарерские острова.

³⁵ Вспомним легенду к ил. 1: «Эта карта нашей Родины. [...] Она имеет очень длинную границу, которая проходит по морям, горам, рекам и равнинам».

на эту проблему указывал Дмитрий Иванович Менделеев. Великий систематизатор предлагал изменить сам принцип картографирования России, а именно — отказаться от привычной глобалистской проекции ‘протяженности’ с Запада на Восток³⁵ в пользу ‘сосредоточенности’ на более компактной и, главное, релевантной для России оси «юго-запад — северо-восток», дабы не абстрактная географическая середина (Туруханский край), но реальный центр населенности страны (в начале века он лежал возле Тамбова) приблизился к центру карты³⁶. Аргументы Менделеева (о них подробнее будет сказано ниже), почерпнутые им отчасти из американского опыта, никого в советское время не интересовали³⁷. Коммунистическая идеология побеждала не силой практической целесообразности, но тем, что сразу сделала окружающий мир простым, полностью обозримым и ясным. И эта ясность была достигнута при максимальном удалении от предмета разговора: как сказал о себе — представителе первого поколения советских людей — комсомольский поэт Михаил Светлов, «мне Земля видна во все концы»³⁸. И последний крупный советский поэт завершает свою поэтическую антологию стихами о глобусе:

Люблю я зелененький, голубоватый
Наш глобус-волчок со щеками в крови.
Я сам заводной. Я умру не от злобы,
А от непосильной для сердца любви³⁹.

³⁶ Менделеев Д. И. К познанию России. СПб., 1905. Менделеев предлагал, кроме того, новое, укрупненное районирование тогдашней России. Из всех предложений великого систематика советская власть позаимствовала только разделение страны на «края» и «области», лишив их, впрочем, менделеевского смысла.

³⁷ Ср.: Забелин И. М. Очерки истории географической мысли в СССР. 1917—1945 годы. М.: Наука, 1989.

³⁸ Светлов М. Стихотворения... С. 335.

³⁹ Евтушенко Е. Предутро [1995] // Евтушенко Е. Мое самое-самое. М.: АО «Х. Г. С.», 1995. С. 631. Следует добавить, что здесь ключевые колористические признаки прежнего визиотипа вступают в противоречие с не учтенными поэтом, хотя и известными ему в другом контексте, идеологемами 1990-х годов. Так, эпитет «зелененький», удаленный всего половиной строки от «глобуса», может быть понят читателем 90-х скорее всего в значении [‘желанный] доллар’, тогда как эпитет «голубоватый» — в значении ‘наверное, гомосексуалист’. Именно этот семантический сдвиг в русской разговорной речи заставил, например, Иосифа Раскина в его словаре хохм и анекдотов привести стихотворение Е. Евтушенко 1967 года «Монолог голубого песца на аляскинской звероферме» с единственной целью: показать, как конъюнктурное стихотворение (‘голубой — жертва капиталистическо-

Взгляд на Россию как на макушку глобуса воспроизводится и в постсоветском монументальном искусстве. Так, на Манежной площади Москвы в 1998 году сооружен глобус, увенчанный многофигурной композицией 'покровитель Москвы святой Георгий Победоносец закалывает копьём дракона'. Стилизованными под древнерусские буквицами на контуры континентов нанесены названия городов мира; между ними — изображения животных, в основном чужаков: носорогов, верблюдов, слонов и жирафов; над этим звериным окружением возвышается единственный архитектурный ансамбль — бронзовое изваяние кремлевских башен и Покровского собора на Красной площади. Такое изображение Москвы как центра мира и вершины мировой цивилизации едва ли было бы возможно без длительной советской индоктринации (ил. 33): по словам соавтора гимна СССР Сергея Михалкова,

Начинается Земля,
Как известно, от Кремля⁴⁰.

В пику визуальному воспроизведению уже ушедшего глобального концепта — средствами монументального искусства — художник слова рисует образы отчаяния, осиротелости, вызванные распадом СССР. Так, Борис Чичибабин (1923—1994), проведший 5 лет в сталинских лагерях, написал «Плач по утраченной родине», в котором личное сиротство отождествляется с глобальной катастрофой, вызванной происками нечистой силы:

Ее просторов широта
была спиртов пьяней.
Теперь я круглый сирота —
по маме и по ней.

Из века в век, из рода в род
венцы ее племен
Бог собирал в один народ, —
но Божий враг силен.

И чьи мы дочери и сыны
во тьме глухих годин,

го живодерства') всего за тридцать лет может превратиться в автопародию. См. подробнее: Раскин И.З. Энциклопедия хулиганствующего ортодокса. Опыт словаря с анекдотами, частушками, песнями, поэзией, плагиатом и некоторым псевдотворчеством самого автора. М., 1994. С. 132—133.

⁴⁰ Владимир Маяковский, 1927.

того народа, той страны
не стало в миг один.

При нас космический костер
беспомощно потух.
Мы просвистали свой простор,
проматерили дух.

К нам обернулась бездной высь,
и меркнет Божий свет,
Мы в той отчизне родились,
которой больше нет⁴¹.

Мотив ‘утраты страны’, подхваченный поэтом, физически ее не оставляющим, тождествен тому, что за шесть десятилетий до Чичибабина находим в «Стихах о Харбине» эмигранта Арсения Несмелова (1889—1945), впоследствии насильственно возвращенного в СССР и погибшего в пересыльной тюрьме:

[...] Взрывы дальние, глухие,
Алый взлет огня —
Вот и нет тебя, Россия,
Государыня!

Мало воздуха и света,
Думаем, молчим.
На осколке мы планеты
В будущее мчим! [...]⁴²

⁴¹ Чичибабин Б. Плач по утраченной родине [1992] // Русская поэзия. Век XX. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1999. С. 551.

⁴² Несмелов А. Стихи о Харбине // Русская поэзия Китая. Антология / Сост. В. Крейд, О. Бакич. М.: Издательский дом «Время», 2001. С. 328—329 (далее: РПК).

6

ОДНА ШЕСТАЯ: ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО, ИЛИ ГЛОБАЛЬНЫЙ ОРГАНИЗМ

Попытка удержать глобальный взгляд на страну выявляет центральную проблему, общую для СССР и России: любая карта их — не географическая и не политическая, но геополитическая карта; другими словами — идеологическая метафора карты; ею трудно воспользоваться в практических целях ориентации⁴³.

Как идеологический объект карта СССР образовывала конструкцию: звезда с лучами⁴⁴. Структура этого пространства — звезда Спасской башни и стянутая ее лучами периферия — передается ключевыми паремиями советского времени:

От Москвы до самых до окраин,
С южных гор до северных морей
Человек проходит как хозяин
Необъятной Родины своей⁴⁵.

Ходят в небе самолеты,
Всюду флагов алый шелк.
Октябрю сегодня, братья,
Двадцать первый год пошел.

⁴³ Оставляю за скобками вопрос о сознательных искажениях, принятых в советской картографии в целях сохранения государственной тайны и делающих все опубликованные в открытой печати, или несекретные, карты СССР цензурованными изображениями карт.

⁴⁴ Красная звезда на гербе СССР и, впоследствии, над Спасской башней Кремля — это Марс; как советский символ восходит к названию утопического романа А. Богданова «Красная звезда» (СПб., 1908). Подробнее об этой эмблематике см. в статье: Семенов С. И. Эзотерические элементы в латиноамериканской и советской геральдике. Сравнительный анализ // *Общественные науки и современность*. 1996. № 3. С. 153—164.

⁴⁵ В. Лебедев-Кумач, «Песня о Родине», 1935.

Над Кремлем сияют звезды,
Звезды встали над Кремлем.
Все границы, все местечки
О т врагов убережем⁴⁶.

Утро красит нежным светом
Стены древнего Кремля,
Просыпается с рассветом
Вся советская земля⁴⁷.

Отдаленные [стало быть, от Москвы] районы Сибири и Дальнего Востока⁴⁸:

[...] Ты пу степи, ты пу лесу,
Ты к тропикам, ты к полюсу
Легла родимая, необозримая,
Несокрушимая моя!

Нам нет преград ни в море, ни на суше,
Нам не страшны ни льды, ни облака.
Пламя души своей, знамя страны своей
Мы пронесем через миры и века.

[...] Создан наш мир на славу,
За годы сделаны дела столетий.
Счастье берем по праву
И жарко любим и поем, как дети,

И звезды наши алые
Сверкают небывалые
Над всеми странами, над океанами
Осуществленную мечтой⁴⁹.

В России нет дорог — только направления⁵⁰.

⁴⁶ Еврейские народные песни / Сост. проф. И.Д. Добрушин и А.Д. Юдицкий; под ред. академика Ю.М. Соколова. М.: ОГИЗ; Гослитиздат, 1947. С. 252.

⁴⁷ В. Лебедев-Кумач, «Москва майская», 1935.

⁴⁸ Советский административный фразеологизм.

⁴⁹ А. Д'Актиль, «Марш энтузиастов» (песня на музыку И. Дунаевского из кинофильма «Светлый путь»).

⁵⁰ Душенко. С. 449.

Велика Россия, а отступать некуда — позади Москва⁵¹.

Динамика советского пространства — постоянное расширение и постоянное растворение границ — при сохранении нерушимой прочности пограничного столба, выступающего в роли младшего брата главного погранстолба страны — Спасской башни Кремля. Подчеркивая, что Страна Советов занимает одну шестую часть суши, идеологический человек должен был додумывать эту мысль до конца, полагая желаемым и естественным постепенное увеличение этой доли. В представлении об истории как о поступательно-целесообразном развитии не было противоречия с представлением о так называемых *исторически сложившихся границах*, ибо всякое новое расширение могло быть истолковано и истолковывалось либо как *восстановление исторической справедливости*, либо как *исполнение исторических (вековых) чаяний* того или иного народа. Ясно, что в первом случае *историческое* — это границы 'пусть и недавно, но принявшие теперь окончательный вид'; во втором — 'издавна лелеемые и вот только теперь исполненные мечты'. Такая семантическая динамика представлена соответствующими паремиями советского времени:

Для интернационалиста вопрос о границах
второстепенный⁵²;

Те или иные уголки нашей необъятной родины⁵³;

Наши нивы глазом не обшаришь,
Не упомнишь наших городов⁵⁴;

Мой адрес не дом и не улица,
Мой адрес Советский Союз;

По площади наша республика (край) равна Бельгии, Голландии
и Франции вместе взятым⁵⁵;

⁵¹ Слова журналиста А. Кривицкого, приписанные им политруку Василию Ключкову, одному из героев обороны Москвы в ноябре 1941 года. См. подробнее: Там же. С. 170.

⁵² Ленин В. Выборы в учредительное собрание и диктатура пролетариата, 1919.

⁵³ Сталин И. Сочинения. М.: Государственное издательство политической литературы, 1952. Т. 12. С. 212.

⁵⁴ В. Лебедев-Кумач, «Песня о Родине», 1935.

⁵⁵ В. Харитонов, 1972 (цит. по: Душенко).

- С кем граничит Советский Союз?
- А с кем хочет, с тем и граничит⁵⁶;

Шестая [часть] мира⁵⁷;

Шестая часть земли
с названьем кратким «Русь»⁵⁸.

Словесный мотив за несколько десятилетий набил носителям языка порядочную оскомину, и вот по окончании советской истории появляются стихи, сближающие идеологическую пропорцию *одна шестая* с другой, за которой с неприятной неожиданностью встает уже не словесный, но химический наркотик — водка⁵⁹:

Да я и не сплю,
листая
журнал от конца к началу
и думая мало-помалу,
что значит одна шестая
в сравненьи с одной двадцатой —
объема и веса мерой,
примерно равной бутылке
проклятой
белой⁶⁰.

Революционная романтика пересечения границы в порядке экспорта революции и с целью укрупнения доли коммунизма отливается в стихи, сопровождавшие несколько поколений носителей языка:

Мы ехали шагом,
Мы мчались в боях

⁵⁶ Анекдот записан в начале Афганской войны 1979 года, но, возможно, уже был в обиходе после одного из так называемых вводов советских войск (в Венгрию в 1956, в Чехословакию в 1968).

⁵⁷ ЖАРОВ А.

⁵⁸ С. Есенин, «Русь советская», 1924.

⁵⁹ Есть ирония истории в том, что Д.И. Менделеев стоит у истоков не имевших успеха водочно-географических начинаний: предложенная им композиция 40-градусной способствовала лишь все более стремительному спаиванию населения, а карта стала библиографической редкостью, за целое столетие не найдя издателя.

⁶⁰ Салимон В. Красная Москва. Стихотворения 1996 года. СПб.: Пушкинский фонд, 1997. С. 36. Имеется в виду помещаемая на архаизированной этикетке русской «Смирновской водки» (производство возобновлено в постсоветские годы) надпись с указанием меры объема — «одна двадцатая ведра».

И «Яблочко»-песню
Держали в зубах. [...]

Я хату покинул,
Пошел воевать,
Чтоб землю в Гренаде
Крестьянам отдать⁶¹.

Но мы еще дойдем до Ганга,
Но мы еще умрем в боях,
Чтоб от Японии до Англии
Сияла Родина моя⁶².

Через семь десятилетий мотив расширения державы раздваивается. Одни иронически переосмысливают советскую историю как неудачный пример, держась за идеологический ориентир:

Мы ехали шагом, мы мчались в боях,
мы ровно полмира держали в зубах,
мы, выше чернил и бумаги,
писали свое на рейхстаге.

Свое — это грех, нищета, кабала.
Но чем ты была и зачем ты была,
яснее, часть мира шестая,
вот эти скрижали листая⁶³.

Песня «Яблочко», *полмира — Восточное полушарие — в зубах*, — все это развитие одного визиютипа глобальной власти, увядающей во времени, подобно священному плоду.

Родственный образ отечества — ‘драгоценной ноши, которую не удалось уберечь’, — встречаем, например, у поэта Бориса Примерова:

Прощай, простор неповторимый!
По прихоти слепой совы
Остались мы теперь без Крыма,
Без Украины и Литвы. [...]

⁶¹ Михаил Светлов, «Гренада», 1926.

⁶² Павел Коган, 1941.

⁶³ Новиков Д. Россия [1992] // Новиков Д. Караоке. Стихотворения. СПб.: Пушкинский дом, 1997. С. 40; скрижали здесь — надписи советских солдат на Рейхстаге, переснятые и каталогизированные в Германии накануне ремонта здания; большая часть их представляла собою матерные ругательства, вследствие чего публикация так и не была подготовлена.

Молюсь последним синим взглядом
За облик и размеры дней,
Где с ближним зарубежьем рядом
Шли толпы кинутых теней.
Они идут, земные люди,
В страну, которой больше нет.
Прощай, великая держава,
Одна шестая часть земли,
Которую на переправах
Мы сообща не сберегли⁶⁴.

Постсоветские политические деятели стараются восстановить этот романтический пафос, взывая к политобразованию своих сторонников. Именно такова программа В. Жириновского с его «Последним броском на Юг», где бы «русские солдаты омыли свои ноги теплой водой Индийского океана и навсегда перешли бы на летнюю форму одежды»⁶⁵. В этой стратегии соединяются отмеченные выше составляющие комплекса *Родины в нерушимых границах*: «родная страна велика, ее границы нерушимы, но в ней тесно и холодно»⁶⁶. Разумеется, партийный деятель и поэт-элегик дают разные ответы на вопрос, как «уйти от тесноты и холода»; их объединяет, однако, общий образ людей, которые «своей закончили поход»⁶⁷.

Нерушимость границ и парадоксальная новая, *советская теснота* в них отмечались многими художниками, наблюдавшими, как эти границы запирались изнутри:

5.3.1920. Русское искусство — это улица, площадь, город и весь мир. [...] Может быть, и неспроста в России произошла такая революция, и не без следа для творчества пройдет закупорка границ⁶⁸.

Страна хоть и велика, но она и должна, по замыслу большевиков, быть несколько тесна для ее жителей, как бы широко ни раскинулись ее границы,

⁶⁴ ПРИМЕРОВ Б. Прощальный диптих // Русская поэзия. Век XX. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1999. С. 685.

⁶⁵ Жириновский В. Последний бросок на Юг. М., 1993. С. 70.

⁶⁶ Ср.: «России и лету союзу нету», «Русь под снегом закончена» (Пословицы русского народа. Сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий и пр. Владимира Даля. СПб.; М.: Издание М.О. Вольфа, 1879. Т. 1. С. 405).

⁶⁷ «И на Тихом океане свой закончили поход» (П. Парфенов, 1922); см.: Душенко. С. 284.

⁶⁸ СТЕПАНОВА В. Человек не может жить без чуда: Письма. Поэтические опыты. Записки художницы. М.: Сфера, 1994. С. 106.

Чтобы в мире без России, без Латвий
Жить единым человечьим общежитьем⁶⁹.

Только с уничтожением всех границ прекратится эта стесненность.

Другой поэт, бесконечно удаленный от приязни к советской идеологии⁷⁰, сетует на тесноту советского мира из иных соображений — как на путь в пустоту (см. ниже, разд. 12 о пустотном дискурсе):

Для наших русских — русичей иль россов —
среди помойных ям и собственных отбросов
мир оказался тесен, и в ничто
они себя спихнуть старались разом⁷¹.

Советский поэт, ожидающий торжества мировой революции, держит под прицелом весь глобус. Приведу целиком поэтическую программу большевиков в представлении Михаила Светлова:

С утра до заката,
Всю ночь до утра
В снегу большевичит
Мурманский край.

Немного южнее
Суровой страны
Бока Ярославля
От крови красны.

А дальше к востоку
Встречает рассвет
Верблюжьей спиною
Уральский хребет.

Эльбрус на Кавказе
Навстречу весне
Грузинскую песню
Мурлычет во сне.

⁶⁹ В. Маяковский. Мотив «инкубатора размером в одну шестую земной суши» находим у поэта и публициста 1970-х годов. (Иверни В. Соцреализм с человеческим лицом // Континент. 1976. № 7. С. 393).

⁷⁰ «В стране советов я живу, / так посоветуйте же мне, / как миновать мне наяву / осуществленное во сне» (1956) (Николев А. Елисейские радости. М.: ОГИ, 2001. С. 43)

⁷¹ Там же. С. 45.

Земля под прицелом,
Под пальцем курок:
Житомир - на Запад,
Ейск - на Восток..

Шумит над Китаем
Косая гроза,
Я вижу сквозь жерла
Косые глаза.

Я вижу, я вижу:
По желтой стране
Китайский Котовский
Летит на коне.

Котовский к Шанхаю
Летит и летит,
Простреленным сердцем
Стучит и стучит.

Друзья! Собирайтесь,
Открыты пути.
Веселая песня,
Смертельный мотив!

Но есть еще Запад
За нитью границ,
Там выцвели вспышки
Походных зарниц.

Там пулями грозы
Еще не шумят,
Народные бунты
Под Краковом спят.

Но только лишь мертвый
Трубач заиграл -
Котовский на Запад
Коня оседлал.

Вельможная Польша
Не сдержит напор,
Стоит на коленях
Варшавский собор.

Шумит над Парижем
Потоком камней
Последняя паперть
Взметенных церквей.

Земля не устанет
Знамена носить...
Веселая песня,
Военная прыть!

Простреленным сердцем
Котовский стучит.
И песня с Востока
На Запад летит⁷².

Фактура нарисованной здесь карты *экспорта революции* визиотипически соединяет элементы узнаваемости политического плаката («желтизна и косые глаза Китая», «вечноскачущий конь Котовского») со следами карикатурного зооморфизма («Урал-верблюды»). Но она не является чем-то новым. Всего за десять лет до Светлова десятки поэтов Европы расцвечивали эти мотивы, в том числе и во вполне пацифистских целях⁷³.

Задерживаясь на плакатной фактуре разработки этого мотива у советского поэта, приведу в pendant к нему стихотворение поэта — современника Светлова, но, в отличие от него, эмигранта. Арсений Несмелов следующим образом воспринимает китайцев, которые по ту сторону идеологической границы воспеваются как «братья навек»:

А в деревнях, у детворы
Раскосой, с ленточками в косах,
Вновь по-весеннему остры
Глаза, кусающие осы⁷⁴.

Но вернемся от антропологической фактуры к карте и идеологии. Помнившие, что за пятьдесят лет географические контуры революционной романтики протянулись в Северном полушарии от Кубы и Никарагуа до Северной Кореи, постсоветские радикалы наци-

⁷² Светлов М. Песня [1927] // Светлов М. Стихотворения... С. 113—115.

⁷³ Вспомним знаменитый «Зверинец» Осипа Манделштама (1916), написанный в разгар Первой мировой войны («Германец выкормил орла, / И лев британцу покорился, / И галльский гребень появился / Из петушиного хохла...»).

⁷⁴ Несмелов А. Наша весна // РПК. С. 338.

онального или коммунистического толка — Виктор Анпилов, Владимир Жириновский или Эдуард Лимонов-Савенко — сокрушены угасанием воодушевления, выгоранием флагов, которые, вопреки надеждам М. Светлова, «устала носить земля».

Приведу еще один пример парадоксального соединения советского глобализма с изоляционизмом из поэмы Бориса Корнилова «Тезисы романа» (1932—1933):

И если ночью вдруг из-за границы
потянет сладким, приторным дымком,
война на наши села и станицы
через границу налетит рывком. [...]
Танкисты,
дегазаторы,
саперы,
кавалеристы,
летчики,
стрелки —
запрут страну свою на все запоры,
войдут во все земные уголки⁷⁵.

Карта экспорта революции, или даже карта перманентной революции, представленная поэтом 1920-х годов, и способ борьбы за нее, описанный поэтом 1930-х, — уже чужие для постсоветского политического истеблишмента, чьи интересы сузились до размеров собственного государства, правда, очень большого государства. Но вместо построения с боя «Земшарной Республики Советов» (Павел Коган)⁷⁶ приходится сосредоточиться на собирании и сохранении рассыпавшейся и продолжающей рассыпаться дальше империи. Однако «когнитивная карта», закреплённая революционным поэтом, осталась уполитических деятелей прежней. В ее архаичности можно наблюдать развитие, например, важного для Жириновского мотива «молодых волков демократии». Так, в стихотворении Арсения Несмелова «Пять рукопожатий» (1931) молодыми волками представлена вся эмигрантская поросль, разъезжающаяся от родителей учиться:

[...] Кто осудит? Вологдам и Бийскам
Верность сердца стоит ли хранить?..
Даже думать станешь по-английски,
По-чужому плакать и любить.

⁷⁵ Корнилов Б. Стихотворения и поэмы. М., Л.: Советский писатель, 1966. С. 357—358.

⁷⁶ Письмо, 1940; см.: Душенко. С. 171.

Мы — не то! Куда б ни выгружала
Буря волчью костромскую рать,
Все же нас и Дурову, пожалуй,
В англичан не выдрессировать.
Пять рукопожатий за неделю,
Разлетится столько юных стай!..
...Мы — умрем, а молодняк поделят
Франция, Америка, Китай⁷⁷.

По Жириновскому или, точнее, согласно гербу Либерально-демократической партии, эта громадная Россия предстает в никогда не имевших места границах, одновременно включая Польшу, Финляндию, Туркестан и Аляску, ко времени утверждения России в Туркестане давно уже проданную американцам (ил. 35)⁷⁸. Несмотря на захватывающий простор, эта Россия должна быть, однако же, по выражению Жириновского, «с запашком портянок»⁷⁹. Не исключено, что и «запашок портянок» — след романтической энергии 1930-х годов:

Мое поколение — это зубы сожми и работай.
Мое поколение — это пулю прими и ружни.
И если соли не хватит — хлеб намочи потом,
Если марли не хватит — портянкой замотай тухлой⁸⁰.

Детским картографическим подмалевком предания Жириновского можно считать идеологема *добровольного присоединения, воссоединения, пути и первопроезда* — эвфемизмов для обозначения роста империи за счет вновь завоевываемых колоний. Так, в легенде к школьному атласу по истории СССР для 5-го класса все войны названы «походами» или «совместными действиями против захватчиков». Касательно расширения империи применяется следующая терминология:

⁷⁷ Несмелов А. Пять рукопожатий // РПК С. 323.

⁷⁸ «Если каждый народ выбирает для себя любимый год в истории, русские тоже могут выбрать золотой год в истории Российского государства. Январь 1913 года» (Жириновский В. Как выйти из кризиса? // Либерал. 1992. № 4/5). Как известно, в официальной советской пропагандистской статистике именно предвоенный 1913 год был выбран для сравнения с последующими индустриальными достижениями СССР. Отсюда — аберрация Жириновского в отношении русского «золотого века», выпавшего на единственный «золотой год» между первой русской революцией и Первой мировой войной.

⁷⁹ Жириновский В. О собирательской роли России и молодых волках // Известия. 1994. 23 апреля.

⁸⁰ Павел Коган, «Письмо», 1940.

Киевская Русь в IX—XI веках: с окружающим миром связана исключительно «торговыми путями»;

Образование и расширение Российского государства (XIV — первая половина XVI века): показаны земли, «присоединенные к Московскому княжеству»;

Российское государство в XVII веке (европейская часть): показаны «русские, украинские и белорусские земли, воссоединенные с Россией»;

Российская империя в XVIII веке (европейская часть): показаны «земли, вошедшие в состав Российской империи после войны со Швецией», и «земли, вошедшие в состав Российской империи в XVIII веке.»;

Территориальный рост России с середины XVI века до 1914 года: на карте Российской империи показаны «земли, вошедшие в состав России» за три столетия, а также «пути русских землепроходцев».

Итоговая, или, по той же терминологии, *исторически сложившаяся*, Россия мыслится и видится поэтому в естественных, или органических, границах, которые послушно укладываются в складки гор и сопровождают бег рек (ил. 36—38). Естественная, природная зелень роста тождественна колориту карты⁸¹.

При всей разнородности разобранных выше концептов: 'органичности', 'естественности роста' и — 'глобальности', 'всемирности' и 'планетарности' России и СССР, — оба эти измерения были укоренены в советском сознании в едином визиотипе. В смертельно серьезном или шутовском контексте 'глобальное' и 'органичное' сходятся в образе сверхчеловека, гиганта, стоящего на карте, или атланта, держащего на плечах глобус (вместо неба, традиционно изображавшегося в виде сферы). На заре советского мира этот сверхчеловек мог быть *Рабочим, Лениным* или *Сталиным*, к закату СССР личные черты мало-помалу стираются:

Землю всю охватывая разом,
видел то, что временем закрыто⁸².

Живет не человек — деянье:
Поступок ростом с шар земной⁸³.

⁸¹ Подробнее о конструировании концепта органичности границ см.: NORDMANN D. Des limites d'Etats aux frontières nationales // Les lieux de Mémoire / Ed. P. Norat. Paris, 1986. Vol. II. P. 35—62; SCHULZ H. -D. Deutschlands «natürliche» Grenzen // Deutschlands Grenzen in der Geschichte / Hrsg. von A. Demandt und R. Hansen. München: Beck, 1999. S. 33—55.

⁸² В. Маяковский, «Владимир Ильич Ленин», 1924.

⁸³ ПАСТЕРНАК Б. Мне по душе строптивый норв // Известия. 1936. 1 января; герой стихотворения — И. В. Сталин.

Врага окружая огнем и кольцом,
медлительны танки, как слизи,
идут коммунисты, немея лицом, —
мое продолжение жизни.
Я вижу такое уже наяву,
хотя моя участь иная, —
выходят бойцы, приминая траву,
меня сапогом приминая.
Но я поднимаюсь и снова расту,
темнею от моря до моря.
Я вижу земную мою красоту
без битвы, без крови, без горя.
Я вижу вдали горизонты земли —
комбайны, качаясь по краю,
ко мне, задыхаясь, идут...
Подошли.
Тогда я совсем умираю⁸⁴.

Так стою:
Прекрасный, мудрый, твердый,
Мускулистый, плечистый.
От земли вырастаю до самого солнца. [...]
Так стою:
Я, человек,
Я, коммунист⁸⁵.

Уже в советское время это планетарное сознание было объектом пародии — если не за свою планетарность, то уж во всяком случае за непомерную гордость «первых», «авангарда»:

А также в области балета
Мы впереди планеты всей⁸⁶.

Перестроечные мотивы «задыхающегося глобуса», балансирования на грани бездны более глубокой, чем сам хаос (ил. 39—40), сменяются мотивами «глобальной» же опустошенности страны и ее жителей:

Мы выпендривались планетарно,
а распались на племена. [...] ⁸⁷

⁸⁴ Борис Корнилов, «Продолжение жизни», 1932.

⁸⁵ Эдуардас Межелайтис, «Человек», 1962; пер. Бориса Слуцкого.

⁸⁶ Юрий Визбор, 1960-е.

⁸⁷ Евтушенко Е. На смерть абхазского друга [1995] // Евтушенко Е. Мое самое-самое... С. 622.

Меня ты выплакала, Россия,
как подзастрявшую в глазах слезу,
и вот размазанно, некрасиво
по глыбе глобуса я ползу.
Меня засасывают, как Сахары,
слезам не верящие города.
Я испаряюсь, я иссыхаю.
С планеты спрыгнул бы, да куда?!⁸⁸

Затухание глобальной миссии и скукоживание постсоветского мира усиливают в визиотипе России концепт 'органическое'. То, что на уровне политической риторики представляется поиском вербализуемой, т. е. словесно выразимой национальной идеи, визиотипически предстает как попытка сразу очутиться на горизонте цельной 'телесности'. Словесный продукт такого поиска с легкостью соединяет глобальное и бытовое, как можно было видеть это у Михаила Светлова (разд. 4), а теперь широко наблюдается в любительской поэзии.

Прошла Россия сквозь огонь.
Ее сынов огнем сжигали.
Ее морили, распинали.
Не слышен был в застенках стон.

Но зря злорадствуют враги.
Грядет возмездья миг священный.
И к нам придут на пироги
Друзья со всей большой Вселенной⁸⁹.

С другой стороны, как раз появление в постсоветской России реальных «друзей со всей большой Вселенной» или прежних сограждан по СССР, бежавших в более благополучную часть бывшей империи, усилило ощущение вавилонизации (ил. 41). В этой точке — «нарушен не только привычный ход вещей, но и с детства обещанный мировой порядок» — воспроизводится схема эмигрантского переживания расставания с родной страной. 'Было два своих мира — ареал родного края и школьная география. Из одного ты изгнан, вместо другого тебе предоставили совсем другой мир'. Возвращение домой происходит как бы в футляре воспоминания о школьном уроке географии. Так, в стихотворении Алексея Ачаира «Эмигрантка» 1925 года читаем:

⁸⁸ Евтушенко Е. Слеза России [1995] // Евтушенко Е. Мое самое-самое... С. 622.

⁸⁹ Краснов А. [Москва, 15 лет]. Письмо в редакцию // Истоки. М., 1993. № 1 (17).

О, мысли, куда занеслись вы
в скитаньях судьбы вихревой!
К обрывистым подступам Лысьвы,
на берег реки Чусовой..
Ты маленькой девочкой учишь
про Анды, про Альпы... Вокруг
стоят живописные кручи,
родные, как лица подруг.
А там на востоке — Березов
лежит на сибирской земле.
Там снег аметистово-розов,
а зори рубинов алей. [...]

А дальше, а дальше — как много
людей на Московском тракту!
Идет бесконечно дорога —
в Иркутск, в Забайкалье, в Читу.
Волконская и Трубецкая,
чьи жизни в едино слиты.
«Я тоже хочу быть такая», —
мечтая, подумала ты..
Сбылось. Не Сибирь. Заграница.
Шанхай. Сан-Франциско. Харбин.
Знакомые, прежние лица,
лишь больше морщин и седин. [...]
А помните серые кручи
и синюю реку у ног?
А помните, — девочка учит
про Альпы и Анды урок?⁹⁰

⁹⁰ Ачдир А. Эмигрантка // РПК. С. 78—79.

ВИЗИОТИП «РОССИЯ-ТЕЛО»

Опорные точки этого горизонта идеологемы наша Родина — ключевые или влиятельные паремии, гипостазирующие Россию-тело. Приведу лишь некоторые из них:

О, Русь моя! Жена моя... (А. Блок);
 С добрым утром, милый город, / Сердце Родины моей;
 Как невесту, Родину мы любим, / Бережем, как ласковую мать
 (В. Лебедев-Кумач);
 Среднеазиатское подбрюшье России (А.И. Солженицын);
 Россия, я твой капиллярный сосудик (А. Вознесенский);
 Моя фамилия — Россия, а Евтушенко — псевдоним (Е. Евтушенко);
 — Дай, я тебя, родную, / Мертвую и живую, / В эту тропинку
 лесную / Горестно поцелую⁹¹;
 Надсада сгибает все ниже — я вовсе не чую державу. / Я снег
 разгребаю — земля! — в холодные губы целую. / Чужая державная
 твердь сама себя побеждает — / восстала дремотою
 всей — летящие камни уснули...⁹²;
 Мы поднимем Россию с колен (предвыборный лозунг В. Жириновского в 1995 году);
 Великая Россия поднимается с колен (Ельцин, речь при вступлении
 в должность президента в 1991 году);
 Россия беременна преступностью⁹³;

⁹¹ Е. М. Где ты, моя Россия? // Sternenfahl. Vierzig religiöse Gedichte aus Rußland / Hrsg. von R. Bohren. Zürich: Arche, 1981. S. 54—55.

⁹² Банников А. Держава-твердь // Нестоличная литература. Поэзия и проза регионов России / Сост. Д. Кузьмин. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 526 (далее: НЛ).

⁹³ Аргументы и факты. 1994. № 15 (704). С. 1.

Россия беременна. Фашизмом⁹⁴,
Меня ты выплакала, Россия (*Е. Евтушенко*).

В так называемом патриотическом сознании 1980—1990-х годов господствует образ России-женщины, России — страдающего организма⁹⁵. Именно он навязывает политическим деятелям стиль оплакивания безвинной жертвы. «Россия сегодня больна душой», — называет свою статью⁹⁶ Александр Ципко, проделавший за годы перестройки и после нее эволюцию от коммуниста-реформатора и бескомпромиссного критика марксизма в умеренного националиста. Русская нация «утеряла инстинкт самосохранения», жалуется заместитель председателя одной из конституционно-демократических партий и сопредседатель 1-го Всемирного русского собора Наталия Нарочницкая⁹⁷.

Авторы предоставляют читателям и сторонникам весьма архаичную картину мира, весьма близкую европейцам, но — жившим несколько десятилетий назад⁹⁸.

Аналогии поэтического образа оставленного, оскверненного или обезображенного тела Родины находим в стихотворениях эмигрантов так называемой первой волны. Так, в стихотворении «Мы» 1934 года, впервые опубликованном в 1939 году, Валерий Перелешин пишет об эмигрантах-белогвардейцах, оказавшихся сразу после бегства из советской России в Константинополе:

Нас миллионы — вездесущих,
Бездомных всюду и везде,
То изнывающих, то ждущих,

⁹⁴ Юрий Тарасов в беседе с Татьяной Куликовой // Куранты. 1993. 22 сентября.

⁹⁵ См. также тексты, приведенные в главе «Персонификация» в издании: БАРАНОВ А. Н., КАРАУЛОВ Ю. Н. Словарь русских политических метафор. М.: Помовский и партнеры, 1994. С. 10—34.

⁹⁶ Труд. 1993. 12 октября.

⁹⁷ НАРОЧНИЦКАЯ Н. А. Россия и Европа. Исторический и геополитический подход // Наш современник. 1993. № 12. С. 95. Автор пользуется словосочетанием, преобразующим карамзинскую «Историю...», и называет Россию «историческим Государством Российским».

⁹⁸ Подробно о мотиве 'Европа-женщина' и 'Европа — мой континент' в европейской культуре XVI — конца XVIII века см.: DANELZIK-BRUEGGEMANN C. Ereignisse und Bilder. Bildpublizistik und politische Kultur zur Zeit der französischen Revolution. Berlin, 1996. Ср. также статью: REITINGER F. Mapping relationships: Allegory, Gender and the Cartographical image in Eighteenth Century France and England // Imago Mundi. 1999. № 51; резюме статьи см.: <http://ihr.sas.ac.uk/maps/IM51contents.htm>.

То приучившихся к беде.
Земные ветхие границы
Мы исподволь пересекли;
Мы прежние свои столицы
В столицу мира отнесли. [...]
Пусть мы бедны и несчастливы
И выбиваемся едва,
Но мы выносливы и живы,
И в нашем образе жива —
Пусть звезды холодны чужие —
Отрубленная голова
Неумирающей России⁹⁹.

В новейшей русской поэзии нередки примеры литоты, когда мотив 'сокращения' развивается в направлении полного исчезновения:

Даже когда Родина осталась
Размером с родинку лишь
На теле тебя (мишень их пуле)
Терпи дли и укрой
Рукой родимое пятно¹⁰⁰.

⁹⁹ Перелешин В. Мы // РПК. С. 386—387.

¹⁰⁰ Черный Дмитрий, 11 мая 2000 // <http://muon.polyn.kiae.su/zal/cherny.htm>.

8

ПРЕДАТЕЛЬСТВО И РАСЧЛЕНЕНИЕ

Ключевые слова, наполняющие абстракцию катастрофы зримым образным содержанием, — *предательство* и *расчленение*. Там, где холодный внешний наблюдатель видит 'болезненную трансформацию социальной системы на определенном этапе ее стагнации или слома', патриотическая риторика обнаруживает 'катастрофу расчленения исторической России'. То, что западники считают 'трудностями вхождения в цивилизованное мировое сообщество', патриоты истолковывают как 'войну за российское наследство' (идеологема *самая богатая страна мира*). Один из идеологов русского почвенничества, заместитель главного редактора «Нашего современника», сочетает метафорику войны с психо-физиологической метафорикой:

Идет бой не только за русские пространства и русские недра, объект борьбы — русский человек. Покорят его душу — сокровища земли сами упадут в руки наших врагов. Они хотят отсечь нас от великого наследия Рублева и Пушкина, Достоевского и Толстого¹⁰¹.

Военно-метафорический элемент в визиотипе карты естественным образом усилился после распада СССР. Сравним изображения Германии, обложенной странами — поставщицами беженцев в схеме из журнала «Шпигель» (ил. 42), и России — жертвы наркоагрессии 'неверных стран СНГ' — бывших «братских республик СССР» (ил. 43). Поскольку очаг интереса в обоих случаях — собственная страна, вопрос о судьбе стран-соседей вовсе не возникает. Особенность визиотипа в том, что он сразу подает естественное течение или цепь событий как заговор, сознательно направленный против соответствующей страны.

Ил. 42 восходит, по мнению Уве Перксена, к исторической метафоре «окружения» (Einkreisung) Германии странами Антанты

¹⁰¹ Казинцев А. Переоценка // Наш современник. 1993. № 12. С. 138.

после отставки Бисмарка в 1890 году. В дальнейшем эта метафора претерпела изменения: во время Первой мировой войны об армии, попавшей в окружение, говорили, что она попала в «котел» («Einkesselung»); нацисты называли Германию «бастионом (цитаделью, крепостью) Великой Германии» или «цитаделью Европы» (Festung Großdeutschland, Festung Europas). Статья же в «Шпигеле» от 9 сентября 1991 года носит название «Натиск бедных» («Ansturm der Armen»). Как пишет У. Перксен, указываемые в схеме цифры — десятки тысяч беженцев на десятки миллионов жителей Германии — ни в малейшей степени не соответствуют соотношению размеров силуэта страны и грозных атакующих стрел.

Ил. 43 навязывает читателю представление о настоящей войне, развязанной поставщиками наркотических веществ против России, и по своему строению тождественна школьным картам гражданской войны и интервенции — привычному визиотипу каждого советского человека (ср. ил. 44). Название карты — «Поставщики и потребители наркотиков на территории бывшего СССР» — и легенда к ней, в которой сырьевая база представлена как типы вооружений, а регионы — как места дислокации иноземных армий, создают прочную уверенность в том, что Украина, Кавказ и Средняя Азия, Алтай, Бурятия, Тува и Дальний Восток — только страны-поставщики, тогда как города Центральной России, Сибири и Крайнего Севера — только скопления потребителей. Сравним эту карту с изображением словесным:

Из Средней Азии — гашиш и опий, с Украины — маковая соломка, из Азербайджана — синтетика. Из дальнего зарубежья в страны СНГ валом пойдет крэк — страшный наркотик, привыкают к которому с первого раза. [...] Сырье мадам С. получала из Средней Азии, в частности из Туркменистана и Таджикистана — опий-сырец, известный на жаргоне как пластилин. Потом варила, кубировала его, то есть разливала по кубикам в пузырьки, и продавала¹⁰².

Здесь, как видно, речь идет уже не о 'виновниках' и 'жертвах', но дифференцированно — о поставщиках сырья с Юга, их партнерах и изготовителях с Севера, т.е. из самой России. Визиотип наркоагрессии и наркотерроризма, представляемый картой с 'боевыми стрелами', не дает даже приблизительного представления о международной роли России как в первую очередь транзитного узла распространения наркотиков с юго-востока на северо-запад или как одной из стран — производителей синтетических наркотиков¹⁰³.

¹⁰² Анненкова А. Маков цвет наркомафии // Преступление и наказание. 1994. № 3. С. 12—13.

¹⁰³ Ср. такое, например, суждение: «У нас до недавнего времени не было организованного наркобизнеса, да и сейчас этот рынок еще не пол-

Карта-схема воспринимается читателем как документ, уже в силу технической сложности его изготовления 'более весомый' или 'ближе стоящий к раскрываемой науками истине'. Поэтому даже либеральная журналистика не может удержаться от соблазна картографической индоктринации. Хотя страны, представленные на карте в роли поставщиц наркотиков, официально не являются соперницами России, в подтексте карты прочитывается новообретаемое отчуждение, а наркоагрессия соседей с юга истолковывается как следующая фаза заговора, развалившего империю.

Отсутствие военно-политической цензуры, заменявшей в советское время политическую корректность, сократило расстояние между подтекстом и прямым сообщением. Так, приступая к серии публикаций о национальных преступных группировках Москвы, «Известия» поместили «Карту расположения по Москве грузинских преступных группировок» (ил. 45). Публикация карты сопровождается оговоркой:

Редакция, публикуя «карту», ни в коем случае не хотела бы покушаться на честь и достоинство владельцев и сотрудников ресторанов, кафе и гостиниц, на ней обозначенных. Они ни в коем случае не несут ответственности за людей, их посещающих.

Несмотря на эту оговорку в примечании, визиотипический контекст ее определяется советской пропагандистской традицией — например, школьными картами-схемами разрастания революционного движения или установления советской власти в Москве (ил. 46). Подобно тому как в 1917 году из нескольких очагов большевистской активности вырос новый режим, десяток московских гостиниц и ресторанов, в которых среди прочих посетителей бывают и грузины, предлагается рассматривать как сеть явок, брошенную на город с его 'ни о чем не подозревающими законопослушными москвичами'. Опыт вчитывания подтекста мешает ученому читателю газеты всерьез отнестись к разумному словесному предупреждению редакции.

Итак, в точке расхождения словесного и зрительного образа обнаруживается росток новой государственной идеологии — самозащиты от коварного и до сих пор удачливого врага. На той стадии государственного строительства, где Российская Федерация провела первое посюветское десятилетие, или период президентства Бориса Ельцина, подобные карты играли роль общественных лоций: по ним читатель приучался видеть свою территорию не только в новых административных границах, но и в противостоянии 'новым чужим'.

ностью контролируется. Единственное, что было организовано, — это транзит» (Беседа с Романом Медведевым, председателем Братства «Новые паломники» // Пчела [альманах, издаваемый при поддержке Европейского союза в рамках программы Tacis-Democracy]. 1996. Август. С. 54—55).

ВИЗИОТИПИЧЕСКАЯ ДОСТОВЕРНОСТЬ

Визиотип карты-схемы говорит о себе: 'я обнажаю истинное положение вещей, скрываемое за словами', — и используется в равной мере как либеральными, так и национал-коммунистическими органами печати. При этом вовсе не обязательно, чтобы подпись под картой соответствовала изображенному на ней. Само событие опубликования карты-схемы обладает для автора и его читателей сверхзначением. Карта — визиотип истины. Таково сверхзначение ил. 48: 'Если кто не верил нашим словам о распродаже Москвы, практикуемой мэрией, то вот вам карта-схема, доказывающая нашу правоту'.

Выходящий многомиллионным тиражом еженедельник «Аргументы и факты» публикует «Карту зон неблагоприятного состояния столичной атмосферы» (ил. 49), сопровождая ее подробным списком «валового выброса и основных ингредиентов», но никак не комментируя конфигурацию зачерненных пятен — очевидно, очагов локальных экологических катастроф.

В московской городской газете «Куранты» помещаются угрожающие карты-схемы радиационного загрязнения города и подробные указания адресов или местоположения временных складов радиоактивных отходов. Текст статьи уже в самом ее начале опровергает ключевые сообщения заголовка, подзаголовка и иллюстрации к ним:

Пугаться не надо. Есть в мире города, радиационный фон которых во много раз превышает московский. Например, самый высокий фон в Европе — в некоторых городах Германии, практически целиком выстроенных из радиоактивного гранита.

А вот в Индии человек вообще в повышенном фоне не виноват...¹⁰⁴

¹⁰⁴ Минаева О. Ее «сиятельство» Москва. Радиационный фон в нашем городе специалисты называют удовлетворительным. Однако проблем радиационной безопасности более чем много // Куранты. 1993. 2 августа. С. 8—9.

Но карта-схема, снабженная грозным символом радиационной опасности и врезкой с анекдотом времен Чернобыльской аварии, придает материалу характер сенсационного разоблачения десятилетиями замалчиваемой истины о городе (ил. 50). Число точек, собранных для карты-схемы концерном Геологоразведка (точнее, его подразделением под названием Геоэкоцентр), производит столь угрожающее впечатление, что к концу даже самого беглого просмотра читатель в панике пытается запомнить телефон организации, готовой за мзду провести «радиационную оценку» земельного участка или строительного объекта. На языке средств массовой информации России такого рода скрытые рекламные материалы, оплаченные заказчиком, называются *джинсой*¹⁰⁵.

Карта как визиотип катастрофических ожиданий общества выполняла в первой половине 1990-х годов свою рекламную роль тем успешнее, чем более общей и слепой она была в советское время, когда даже путеводители по хорошо известным городам публиковались с цензурными вымарками целых улиц или кварталов. Как видно, однако, полная свобода и бесцензурность не избавили поссоветский дискурс от подтекста, этого основополагающего свойства русской общественно-политической коммуникации. Только подтекст визиотипа — в данном случае, возможно, достоверной или научной карты-схемы — лежит в области не политического интереса держателей идеологии, но материального интереса заказчика¹⁰⁶.

Полезно рассмотреть этот визиотип в исторической ретроспективе. Так, в Германии 1920-х годов — той самой «Веймарской Германии», с которой было модно сравнивать поссоветскую Россию в первой половине 1990-х годов¹⁰⁷, — географическая карта использовалась как рекламный символ 'полного контроля', 'знак всеобщей схваченности' (ил. 51—54). Карта-схема как устройство остается, таким образом, идеологемой-визиотипом: здесь, как и в рекламном клипе телевизионной эпохи, живо используется фасеточный принцип видения. Привычка участников общения к такому фасеточному видению и выявлению основного содержания через подтекст всякий раз возобновляет прежний способ общения: сама наглядность и даже, весьма вероятно, надежность и достоверность отдельных частей образуют недостоверное в целом сообщение.

¹⁰⁵ Пуляевская А. «Джинса» // Среда. Русско-европейское журналистское обозрение. 1995. № 4. С. 7.

¹⁰⁶ Ср. научное исследование сравнительных характеристик различных районов г. Карлсруэ: HÖLLHUBER D. Die Mental Maps von Karlsruhe: Wohnstandortpräferenzen und Standortcharakteristika. Karlsruhe: Geographisches Institut, 1975.

¹⁰⁷ Янов А. После Ельцина. «Веймарская» Россия. Москва: Крук, 1995.

Именно таковы фактуристые (*джинса!*) рекламные карты-откровения финансовой пирамиды «МММ», опубликованные в рамках подготовки к «экологическим программам» этого акционерного общества под рубрикой «Экологические ситуации на территории Российской Федерации» (ил. 55—56). Визиотип-идеологема сообщает потребителю сложное переплетение простых представлений:

— ‘достоверность’ (или ‘научная объективность’: карты «выполнены по заказу „МММ“ специалистами Министерства природы России и других государственных организаций»);

— ‘всеохватывающая катастрофичность’ (как «острые» и «очень острые» на карте заштрихованы все населенные территории Российской Федерации);

— ‘утверждение всеобщей вины’ («Мы нашли врага, и враг этот — мы»).

Картограф — АО «МММ» — выступает в роли правдивого и мудрого третейского судьи в споре читателя-зрителя с самим собой: читатель-истец — жертва разрушения природы, читатель-ответчик — ее разрушитель. Опираясь исключительно на зрительский навык вчитывания подтекста, глава АО «МММ» Сергей Мавроди воспользовался визиотипом одновременно и как портретом собственной честности, и как знаком всеобщей связанности каждого вкладчика в общей финансовой «панаме», большинство замешанных в которой — и жертвы, и соучастники.

Вкладчики — соучастники и жертвы — финансовой пирамиды были очарованы телевизионной рекламой, построенной как репортаж из очень похожей на Россию, но сказочной страны быстрого всеобщего обогащения, где вместо денег ходили «мавродики»¹⁰⁸ — чеки АО «МММ», а идеальными жителями были новый Иванушка-дурачок, простой парень Леня Голубков, его семья и соседи. Вместе с жертвами других подобных финансовых образований (например, «тибетцами» — вкладчиками банка «Тибет»¹⁰⁹) «обманутые вкладчики», а точнее — те, кто ‘ошибочно сочли, что сумеют обмануть всех остальных’, собирались в Москве многотысячными толпами. Мес-

¹⁰⁸ «Мавроди знают все. А теперь — благодаря ТВ — в лицо, которое раньше видели только на бумажках АО „МММ“, получивших в народе любовное прозвище „мавродики“. Владельцы „мавродики“ — не акционеры, а взрослые люди, следовательно, ни АО „МММ“, ни государство ответственности за их действия не несет» (Петровская И. Мавроди при народе. Как и следовало ожидать, г-н Мавроди, едва выйдя из одной камеры, немедленно попал в другую: телевизионную. Точнее — в ее объектив // Общая газета. 1994. № 43 (68)).

¹⁰⁹ Ср. начало выступления Андрея Черкизова по радио «Эхо Москвы» 20 сентября 1994 года: «И вы, мавродианцы, тибетцы, чаровники [клиенты банка «Чара»,] ленинцы [клиенты «панамы» Л.Е.Н.И.], занятые своими финансами [...].»

том встречи «мавродианцев» была площадка возле дома по адресу Варшавское шоссе, дом 26, получившая название «Мавродистан». Одновременно с публикацией карты России под рекламной рубрикой «„МММ“ информирует» высказывались опасения превращения в Мавродистан всей России¹¹⁰.

Черты этой страны, хорошо знакомые носителям русского языка по осколкам старосоветских и новорусских клише — как чисто словесным, так и изобразительным, — имеют парагеографический подмалевок. Вот одно из сжатых словесных представлений виэоти́па посоевской утопии:

Завиральную сказку о тридевятом царстве коммунизма сменила Большая Папуасская Мечта, согласно которой шесть соток¹¹¹ острова Невезения¹¹² покрывает толстый-толстый слой шоколада¹¹³, Леня Голубков сдирает пробку с бутылки «Тюборга» об ажурный переплет Эйфелевой башни, а чудо-богатыри из банка «Эх, прокачу!»¹¹⁴ грузят «лимоны» бочками по вашему адресу. [...] Ну, вздерните на первом суку счастливчика Леню Голубкова, а на втором — ту банковскую кассиршу, которая может хапнуть беспроцентную ссуду в десяток миллионов¹¹⁵.

В перечне Алексея Ерохина реальный топологический ориентир советской мечты — участок земли размером 600 м² — сведен с ориентирами спиритуальными (коммунистическая утопия будущего; мечты главного разрешенного авантюриста советской эпохи Остапа Бендера о Рио-де-Жанейро; элегический «остров Невезения» из советской эпохи прозябания-процветания, конец 1960-х годов; наконец, рекламный «Париж» для новых русских 1990-х). Журналист, пишущий о волшебной стране Сергея Мавроди, и ре-

¹¹⁰ «Все сильнее тревожит мысль: что, если и вся доверчивая Россия добровольно перекрасится в „Мавродистан“ — сказочную страну, где не надо думать и работать, достаточно лишь верить демагогическим речам, зажигающим толпу?» (ДЕРНОВОЙ Г. [Протвино; письмо в редакцию] // Новое время. 1994. № 46. С. 2).

¹¹¹ Шесть соток — стандартные размеры садового участка в последние десятилетия существования СССР.

¹¹² Топоним из популярной в 1960—1970-е годы песни Леонида Дербенева в фильме «Бриллиантовая рука» (1969).

¹¹³ Слова из рекламного клипа 1990-х годов.

¹¹⁴ «Фирма» Адама Козлевича из романа И. Ильфа и Евг. Петрова «Золотой теленок»; далее обыгрывается текст телеграммы Корейко из того же романа («Грузите апельсины бочках» и т.д.).

¹¹⁵ Ерохин А. Хромоножки в стране лжецов // Столица. 1994. № 24 (186). С. 15.

жиссер Бахыт Килибаев, создавший эту страну по заказу «МММ» вместе с актером Владимиром Пермяковым¹¹⁶, и «специалисты государственных эпидемиологических служб», изобразившие рекламные карты экологической катастрофы в России, — действуют в общем поле визиотипа-идеологемы. Для каждого из них она раскрывается по-своему, но видят они общую карту-визиотип изменившейся в абрисе и в чертах повседневности России.

Успешность телевизионного Мавродистана опиралась, возможно, на прочность зрительских навыков, восстановленную у граждан России массивным ретроспективным показом старых советских кинофильмов по телевизору — по-новорусски этот показ можно было бы назвать сбросом (или сливом) позитива¹¹⁷. Наглядность, топографическая достоверность моей памяти, встреча с моим прошлым и невозможность ухватить эту странную виртуальность руками — вот что создает психологические условия управляемости массового сознания. А между тем именно здесь требуется общее согласие в том, что только часть твоего прежнего мира образует новое целое¹¹⁸.

¹¹⁶ Пермяков В., Поляков А. Как я стал Леной Голубковым. М., 1994.

¹¹⁷ По аналогии с более привычным словосочетанием — слив компромата.

¹¹⁸ Такой визиотип — место действия народного героя: в историческом прошлом Лени Голубкова — Василий Теркин, в политическом будущем — Владимир Путин.

10

ВИЗИОТИП И ВОЙНА В ДИСКУРСЕ

Когда визиотипический подтекст (например, карта боевых действий) совпадает с реальным развитием событий, он вызывает современников на принудительное истолкование: визиотип этот был либо пророчеством, либо зна́ком заговора (вольным или невольным). Вера в мистическую силу слова, в завораживающую силу знака заставляет некоторых участников общественного диалога подозревать других в злонамеренном желании сглазить мирную жизнь, неосторожным словом накликать беду. Так, оправдывая название национал-большевистской организации «Фронт национального спасения», автор коммунистической газеты «Солидарность» обвиняет журналистов «Известий» в раздувании из семантической искры настоящего военного пожара и выгналкивает своего оппонента из поля политической дискуссии. Наследник победителей в Гражданской войне (1918—1921) опасается, что от «новых победителей» — отпавших от России стран — волна пересмотров итогов века перекинется и на Россию:

Где фронт — там война [«Известия» от 27/28 октября 1992 года, третья полоса, тоже крупными буквами]. Это какой же, интересно, фронт? Под Гератом? Оказывается, Фронт национального спасения, организация такая. Фронт, действительно, есть, это факт. Но где война-то?

А война будет. Именно к войне, войне гражданской, нас «Известия» и готовят. Совершенно очевидно, что такая милитаризованная подача информации об обычной (не с оружием в руках) политической борьбе направлена на психологическую подготовку читателя к неизбежности гражданской войны. И не там, где она давно уже идет — на окраинах, а здесь, в Москве, в Центральной России. [...] Демагогический заголовок «ГДЕ ФРОНТ — ТАМ ВОЙНА» рожден текстом «Обращения группы народных депутатов и представителей демократической интеллигенции» [«Известия» от 26/27 октября 1992 года

с призывом применить силу против оппозиции], в точности повторяющим демагогию КПСС начала «перестройки» — теми же словами тогда клеймили Народные фронты Прибалтики: «Где фронт — там война. А с кем собирается воевать Народный фронт Эстонии, Народный фронт Латвии?»¹¹⁹. [...] Зачем формировать атмосферу готовности к гражданской войне? Допустим, захотелось пострелять — так поезжай в Абхазию, в Таджикистан, в Карабах, в Приднестровье...¹²⁰

Этот ход мысли и общественное взаимодействие, сформировавшееся за время между попытками переворотов августа 1991-го и октября 1993-го, усугубляют трудности взаимопонимания. Относительная точность прогноза А. Тарасова подтвердилась не только октябрьскими событиями 1993 года, имевшими некоторые признаки гражданской войны, но и чеченской войной 1994—1996 годов. Маска политически корректного журналиста спадает с автора, когда он заговаривает об «альтернативе формированию готовности к гражданской войне»: «Захотелось пострелять, так поезжай в...» — следует злорадное перечисление стран ближнего зарубежья, отложившихся от СССР и, стало быть, России, чтобы погрязнуть в войнах. Текст А. Тарасова приводит читателя к выводам, исключаящим внешний замысел статьи, — предостеречь от сглаза, не дать накликать беду; автор попадает в выстроенную им самим ловушку: «можно сказать «фронт»¹²¹, но нельзя говорить «война»; кто говорит «война», тот хочет войны; хочешь войны, уходи на настоящий фронт».

Событие добровольного роспуска СССР, отсутствие — до начала войны против Чечни в 1994 году — вооруженных конфликтов между Россией, главной держательницей империи, и ее отложившимися колониями представлялось в СМИ как словесно, так и наглядно со все возрастающим драматизмом. Подтекстуальная эквилибристика была при этом даже в большей мере присуща зрительным образам. Понимание централизованной государственной власти в Российской Федерации в духе традиции советского абсолютизма заставляло участников политического взаимодействия в первые же месяцы независимости демократической России откликаться на законодательные акты субъектов федерации как на попытку совершить такой же

¹¹⁹ Ср. определение понятия Народный фронт: «Массовая общественная организация, созданная в целях национального возрождения и содействия перестройке» (Максимов В. И. и др. Словарь перестройки. СПб.: Златоуст, 1992. С. 128). Согласно подтексту времен перестройки, национальное возрождение могло пониматься как «восстановление права наций на самоопределение», а перестройка — как «первый шаг к реализации права республик Прибалтики на выход из СССР».

¹²⁰ ТАРАСОВ А. В августе не догеройствовали? О языке заголовков газеты «Известия» // Солидарность. 1992. № 30.

¹²¹ Имеется в виду экстремистский «Фронт национального спасения».

уход от России, какой совершили республики, подписавшие Беловежское соглашение о роспуске СССР.

Так, на фоне сообщений об автономиях, захотевших откусить себе слишком много суверенитета — в духе совета президента Ельцина «взять столько, сколько смогут проглотить», — еженедельник «Аргументы и факты» помещает коллаж с изображением полковника-пограничника, не рискующего вмешаться в события и только опустившего лицо на сжатые кулаки, точно стыдясь висящей за его спиной карты: на ней — грубые трещины, разрушающие российское государство (ил. 57). На этой карте даже не показана Москва — самый значительный и в финансовом отношении наисувереннейший регион России, зато мятежные Грозный, Петрозаводск, Уфа, Якутск и Улан-Удэ представлены как очаги разломов России-льдины. Сопутствующий коллажу текст собирает под заголовком «Россия — это не воображаемая линия на карте» сюжеты, связанные с разными способами преодоления некогда прочной советской границы. Политические и житейские обстоятельства свободного пересечения границ сводятся в единый блок советской идеологемы «нерушимой границы»; вот краткий конспект описания действительности и отклика на нее автора статьи, построенной на презумпции совершенства старой советской системы «нерушимости»:

а) японские браконьеры и американские фирмы ловят рыбу в наших водах...

— до каких пор наши пограничные катера будут оставаться без керосина?

б) китайские предприниматели уже сегодня расселяются на пустующих угодьях Амурской области...

— а что мы будем делать через 30 лет?¹²²

в) вирус исламского фундаментализма губит Таджикистан...

— как России закрывать дыру в афгано-таджикской границе?

г) Украина все дальше убегает от Беловежской Пути...

¹²² В данном случае действует стереотип отношения к китайцам, сложившийся после Второй мировой войны. Вот как представляли себе Китай участники осторожных открытых батальей эпохи оттепели: «Китай был козырной картой в общественной борьбе 60-х. „Левые“ заклинали власти маоизмом, предостерегая от возрождения сталинизма. „Правые“, шантажируя Кремль китайской угрозой, требовали консолидации партии и народа. [...] Для одних Мао был врагом идеологическим, для других — государственным. „Левые“ считали, что спастись от Китая можно, только придав коммунизму „человеческое лицо“. „Правые“ видели выход в укреплении „империи“» (Вайль П., Генис А. Шестидесятые. Мир советского человека. М.: Новое литературное обозрение, 1996. С. 280—281). «Правые» в советском политическом языке до 1991 года — ортодоксальные коммунисты, «левые» — либералы.

— как быть с украинскими погранично-таможенными отрядами на украино-российской границе? создавать свои?

д) русские пограничники охраняют границу между Грузией и Турцией, но мечтают о возвращении домой, лишь бы не попасть в лапы бандитам...

— какие новые испытания ждут нас на Кавказе?

— наглухо перекрыть границы?

— или лучше построить несколько новых военных баз по ту сторону?

е) единственные страны ближнего зарубежья, с которыми возможны цивилизованные отношения, — прибалтийские Литва, Латвия и Эстония...

— впрочем, и здесь идеальному типу отношений мешают реальные притязания Латвии и Эстонии на русские города и земли Псковской области¹²³.

Хотя пограничность — общий знаменатель всех перечисленных в статье проблем, — ни одна из них не решаема с помощью простого ужесточения одного лишь пограничного режима. Непосредственные условия взаимодействия населения и органов власти России с соседями диктуют особый и свободный режим обеим сторонам. Так, американские и японские рыбаки (а) заинтересованы лишь в ловле рыбы, но едва ли даже при каких-то чрезвычайных обстоятельствах в обозримой перспективе переселятся в Россию, тогда как китайские крестьяне (б) не только с удовольствием торгуют с русскими, но и готовы сами поселиться в русском государстве; однако если для местных жителей и даже для местных властей такое переселение — часть их нормальной повседневности, то идеологически окрашенная журналистика, политики-националисты и центральные власти¹²⁴ мысленно по-прежнему обслуживают идеологему

¹²³ Граница — это не воображаемая линия на карте // Аргументы и факты. 1993. № 2 (639). С. 2.

¹²⁴ Из сообщения известного советского милиционера видно, какую роль отводила советская верхушка проблемам эвентуальной 'китаизации': «Как только институт проблем безопасности при КГБ заработал и мы стали выходить на крупные проблемы, такие, как международный терроризм и наркомания, китаизация Дальнего Востока, информационные диверсии западных и восточных религиозных сект типа «Аум Синрикё», институт сразу же прихлопнули, преобразовав в центр научных исследований при ФСК. Я написал рапорт и ушел в отставку» (Поздравим себя: мы построили криминальное государство. Доктор юридических наук, крупнейший отечественный специалист в области борьбы с организованной преступностью Александр Иванович Гуров отвечает на вопросы полковника налоговой полиции Бориса Булгакова // Литературная газета. 1996. 20 ноября. С. 13).

священных рубежей; они не хотят смириться ни с какой формой пересмотра знакомого визиотипа: граница — абсолютная ценность, а все остальные жители должны поверять свое гражданское достоинство мерой правопослушности в пограничной полосе¹²⁵.

Таким образом, визиотип (ил. 57) не воспроизводит реальность, представимую формулами: 'относительно мирное (до начала чеченской войны 1994—1996 годов) размежевание бывших республик СССР' или 'интеграция России в мировое экономическое пространство развивающихся стран посредством торговой миграции'. Визиотип воспроизводит происходящее в головах у носителей ритуального опыта советской жизни, в том числе языкового опыта этой эпохи — 'разрушение священных рубежей'.

Точкой кристаллизации нарушителя границы оказывается *черный* (*черножопый* и т.п.) человек — выходец с Кавказа, так, в сущности, и не ставший вполне своим (ил. 47). В рисунке Юрия Токарева происходит встреча расхожих советских плакатных персонажей различной социокультурной стратификации (рабочий, интеллигент, служащий, женщина, кавказец) с новыми, постсоветскими персонажами — бастующим шахтером, вышедшим из типа рабочего, казаком, заменившим здесь обычного для советского периода настоящего военного, и, наконец, вооруженным террористом в любимой кавказцами так называемой кепке-аэродроме. Иронический лозунг («Хартия — наш рулевой!» вместо привычного советского «Партия — наш рулевой!») заставляет читать все изображение как одновременную игру на двух планах — старой и новой структуре общества: если раньше источник опасности виделся приходящим извне, то здесь он представлен как внутренняя угроза. Составляющие этой угрозы — 'похотливость' и 'вооруженность' — только взаимоусиливаются.

Драматическое развитие получил и визиотип *чеченского узла*. Называя так¹²⁶ события в Чечне и вокруг нее, «Известия» публикуют распространенную агентством «ТАСС-графика» карту-схему военных действий российских войск против Чечни, объявляя не просто чужой, но прямо вражеской территорией республику, официально входящую в состав России как один из субъектов федерации (ил. 58), — задолго до того, как события в этой стране приобрели столь трагический оборот.

¹²⁵ См. подробнее: Воскресенский А. Д. Современные концепции русско-китайских отношений и погранично-территориальных проблем в России и Китае (80—90-е г. XX в.). М.: РНФ, 1994.

¹²⁶ Ср., например: Ермолин В. Двое российских военнослужащих уже спасены. Есть надежда, что «чеченский узел» удастся развязать за столом переговоров // Красная звезда. 1994. 6 декабря; Макаренко В. В свете трагедии // Новое время. 1996. № 17. С. 12: «Если бы президент Ельцин мог решиться на уход из Чечни, он развязал бы горский узел российской истории, освободил бы Россию от бремени Кавказа, которое все острее ощущается в России».

ОРГАНИЧЕСКАЯ МЕТАФОРИКА И ИСТОРИЧЕСКИЙ МАСКАРАД

ДАВНО сказано, что художественная эмфаза, стиль поэтического внушения вообще характерны не только для русского исторического и политического мышления и не только для мышления национально окрашенного¹²⁷. Политик или философ русской истории не может писать спокойно: простая речь, по укorenившемуся в писательском сознании представлению, не в состоянии достоверно передать то, что происходило в России в прошлом столетии. Политические события описываются в сильных выражениях, уже на уровне метафоры искажающих историческое протекание события:

Самый крупный народ Европы стал неожиданно для него разорванной нацией, разбросанной по всему пространству бывшего Союза¹²⁸.

Отсутствие в современном русском языке плюсквамперфекта, или «давнопрошедшего», порождает характерную ошибку сознания: 'разбросанность' нации «по всему пространству бывшего СССР» была следствием 'разбрасывания', или 'засевания ею этого пространства', — следствием, иными словами, военно-хозяйственных преобразований 1920—1980-х годов, с их массовыми перемещениями целых народов и социальных слоев (украинцев или крестьян, казаков или корейцев); 'разорванность' же — это восприятие статуса прежде разбросанного народа, живущего после 1991 го-

¹²⁷ WHITE H. Auch Klio dichtet Oder die Fiktion des Faktischen. Studien zur Tropologie des historischen Diskurses. Aus dem Englischen. Stuttgart: Klett-Cotta, 1986.

¹²⁸ ПЕЧЕНЕВ В. Новое российское зарубежье: проблемы и перспективы // Этнополис. Этнополитический вестник России. 1993. № 1 (3). С. 120—122.

да на территории нескольких государственных образований. Оба термина восходят к представлению о населяющих страну людях как массе или массах, как человеческом материале, который и описывается в процитированной статье как «самый крупный народ в Европе». Значение слова ‘крупный’ таково, что, применяемое к народу, оно выражает не количественную, а качественную характеристику («крупный писатель» — ‘значительный, известный писатель’; ср. «крупная клубника» — ‘клубника больше обычного’):

То, что произошло в феврале 1917 года, язык иногда сопротивляется назвать революцией (хоть, конечно, это неверно — революции бывают самые многообразные), настолько это выглядит *самокрушением* самодержавия, великим *оползнем проточенной червями* истории, *изъявленной пустотами* российской власти и последовавшим за ним едва ли не мгновенным *распадением* империи, до которой вдруг почти что никому не стало дела¹²⁹.

Принцип такого метафоризма — в персонификации образа страны; дальше с неизбежностью следует принудительное одушевление места, улицы, завода, шахты:

Граждане России! В нашем общем российском доме — беда. О ней говорят на умирающих заводах и в холодных школах...¹³⁰

Но не только *заводы умирают, а школы остывают* — как люди. Чертами живых существ из волшебной сказки наделяются все мировые силы, и в дальнейшем сознание оперирует уже не абстрактными моделями реальности, но своими поэтическими образами, оживленными легендой или историческим преданием. Этот образный подмалевок — общий для всех политических лагерей:

Зимой ей мешает холод, летом — жара. На бананы детишкам у нее не хватает, а на ядерные боеголовки — вполне. Лжесирота, лжебедняга, лжесвятая... За ее небесными блоковскими чертами видны острые зубки вурдалака¹³¹.

Разрабатывая образ России-матери, России-жены по мотивам Александра Блока, радикальный демократический политик поддается на провокацию и призывает своих противников к «вымира-

¹²⁹ Болдырев Ю. Русский век // Дружба народов. 1993. № 7. С. 155.

¹³⁰ Зорькин В. Д., Руцкой А. В. и др. Объединить патриотов — спасти Россию // Завтра. 1994. Март. № 11 (16).

¹³¹ Новодворская В. Принцип оборотня // Столица. 1994. № 4 (166). С. 3.

нию», избрав для них биологический облик, легитимирующий, говоря по-новорусски, вымирание:

Они — ящеры. Мы — млекопитающие. Они должны были вымереть. Пусть возвращаются в свой мел. Мы очень деликатно и тактично должны помочь вымереть динозаврам.

А самим, стало быть, надо начинать от Адама:

Мы должны найти способ исправить механизм эволюции на нашем плато¹³².

Нет стран, в которых живут люди, а есть некие сказочные фигуры, которые в новорусском дискурсе именуется «геополитическими реалиями». Расчленяемая Россия-страдалица не одинока. Вот как рядом с нею — из-под пера одного из самых популярных «русских советских писателей» 1970—1980-х годов — появляются неверные сестры-славянки:

Куда денете вы окатоличенную Польшу, доизнашивающую в себе славянские черты, с ее вековой подозрительностью к России, какой бы она ни была... Как быть с иноверной Чехо-Словакией с ее немецко-австрийской дрессированностью, свысока глядящей на свою крайность — русскую импульсивность?.. Болгария никак не разберется, кому отдать руку и сердце, чтобы в качестве приданого ей был предложен порядок... Сербия с оружием в руках защищает православие против папской Хорватии [...]¹³³.

Варшава, мучимая раздвоенностью между славянством и латинством, — вторит писателю профессиональный историк и политическая деятельница, — интригует против России, у нее же ища защиту от тевтонского духа¹³⁴.

В том же духе и Украина отказалась «от общерусской ответственности за судьбу мира» и за это прозябает в знакомых тисках между галицийскими крестоносцами и крымско-татарскими экстремистами, поощряемыми из Стамбула и Львова¹³⁵.

¹³² Новодворская В. Принцип оборотня // Столица. 1994. № 4 (166). С. 3.

¹³³ Распутин В. Что дальше, братья-славяне? // День. 1992. № 15 (43).

¹³⁴ Нарочницкая Н. Россия и Европа. Исторический и геополитический подход // Наш современник. 1993. № 12. С. 102.

¹³⁵ Там же; любопытно, что этот мотив (заговор исламских экстремистов и галицийских, или львовских, крестоносцев против России) был впоследствии использован в качестве историко-философского фона одного из популярных серийных детективов, повествующего, среди прочего, о не-

Стереотипы массового сознания и в Польше, и в России могут быть описаны так, как это делают Нарочницкая и Распутин, разве что в порядке поэтического сгущения. Но здесь, в этой суггестивной форме, исторические традиции национальной противостояния предлагаются публике в качестве основополагающих принципов сегодняшней политической программы. Мозаичный словесный образ нынешней социально-политической реальности искусно складывается из советских ярлыков («крымско-татарские экстремисты») и призванного к новой политической жизни исторического маскарада («галицийские крестоносцы»). На карте мира предлагается видеть не страны, но живые существа, в духе карты времен Франко-прусской войны и советских политических карикатур недавнего прошлого (ил. 59—62).

Этот визиотип, конечно, необыкновенно оживляется в моменты больших исторических сдвигов. Вспомним карту Первой мировой войны в «Европе» Осипа Мандельштама, опубликованной в 1914 году в журнале «Аполлон»:

Как средиземный краб или звезда морская,
Был выброшен водой последний материк.
К широкой Азии, к Америке привык,
Слабеет океан, Европу омывая.
Изрезаны ее живые берега,
И полуостровов воздушны изваянья;
Немного женственны заливов очертанья:
Бискайи, Генуи ленивая дуга.
Завоевателей исконная земля,
Европа в рубище Священного Союза —
Пята Испании, Италии медуза,
И Польша нежная, где нету короля.
Европа цезарей! С тех пор, как в Бонапарта
Гусиное перо направил Меттерних —
Впервые за сто лет и на глазах моих
Меняется твоя таинственная карта!¹³⁶

Обратимся ненадолго к тому же визиотипу карты в исторической ретроспективе: те табачные концерны, что в 1920-х изображали «завоевание Востока» в видах получения оттуда лучших табаков для своих сигарет (разд. 8), к началу Второй мировой войны выпускали

ких дьявольских экспериментах над «народным телом» (Маринина А. Иллюзия греха. М.: ЭКСМО, 1997. С. 362, 469).

¹³⁶ Мандельштам О. Собр. соч.: В 3 т. / Под ред. Г.П. Струве и Б.А. Филиппова. Вашингтон; Мюнхен, 1967. Т. I. С. 41—42.

пропагандистские альбомы, разоблачающие британский колониализм (ил. 63). Но пропустим еще тридцать лет: к 1970-м недавние исторические подтексты до такой степени выхолащены из немецкого дискурса, что визиотип карты легко занимает нишу 'забавного', 'смешного' (ил. 64—67)¹³⁷. Визиотип, как и всякая идеология, привязанная к злобе дня, устойчив, по всей вероятности, лишь в рамках одного-двух близко лежащих поколений, переживших общий опыт. Зато его гораздо легче, чем идеологему словесную, извлечь из культурного слоя чужой эпохи для новой злобы дня¹³⁸.

Вернемся в Россию 1990-х. Другой политический мыслитель сохраняет в подтексте своей речи трагический образ России-женщины, тела которой вожделяют все, и в одном из первых же крупных политических выступлений предлагает своим сторонникам «сексуальную», как он ее назвал, историю СССР:

- ленинский этап — изнасилование (захват власти, Гражданская война и т.д.); одна из тысячи женщин смирится;
- сталинский этап — эпоха гомосексуализма, когда коммунисты уничтожали друг друга; мог ли быть плодотворным этот период?¹³⁹
- последний период хрущевского этапа — это форменный онанизм;
- брежневский этап — свальный блуд, «групповуха», многие могли «балдеть», но на базе разгула коррупции, всеобщей вакханалии;
- и наконец, нынешний этап — всеобщая политико-экономическая импотенция. И верхи, и низы многого хотят, но ничего или почти ничего не могут...¹⁴⁰

¹³⁷ Ср. также: WENZ D., UNGERER T. Die Grenzen in den Köpfen: Deutschland, Frankreich und andere Probeläufe am Rhein. Brühl-Moos: Elster-Verlag, 1992.

¹³⁸ См. подробнее о мобилизации искусства в целях политической идентификации: GERMER S. Retrovision: Die rückblickende Erfindung der Nationen durch die Kunst // Mythen der Nationen. Ein europäisches Panorama / Hrsg. von M. Flacke. München: Koehler & Amelang, 1998. S. 33—52.

¹³⁹ Бредовость описываемой периодизации не мешает ей оказывать определенное влияние на художников слова. Так, Владимир Сорокин в исторической дистопии «Голубое сало» описывает гомосексуальный союз Сталина и Хрущева, возможно, навеянный метафорикой Жириновского; см.: Сорокин В. Голубое сало. М.: Ad Marginem, 1999. С. 336—338.

¹⁴⁰ Жириновский В. Формула политической жизни // Либерал. Орган Либерально-демократической партии Советского Союза. 1990. 20 июля. № 1.

Эту поэтику — с ее ключевой метафорой тела, обычно подвергаемого насилию, — мы найдем, однако, и у либеральных авторов; например:

Был тяжкий период в нашей истории, когда *раковая опухоль лагерей расплзлась по всему телу* страны¹⁴¹.

К середине 1990-х архаико-поэтический стиль политической речи перенимают и политики, называемые реформаторами:

Каждый раз [в истории России] в экстремальной ситуации государство насильовало общество, обкладывало его разорительной данью. «Узда железная» быстро ржавела и становилась цепью, впившейся в *живое мясо страны*. [...] Страна отставала от *свободного дышавшего мира*¹⁴².

Выше (разд. 7) говорилось уже об идеологеме *расчленения* — одной из центральных в рассуждениях о новом социально-политическом устройстве экс-СССР. Могучие слова отправляют мысль в заранее подготовленное русло и не выпускают сознание носителя языка из метафорической ловушки.

Идея разрушения *органических* многонациональных образований («сколько наций, столько государств») со времен Французской революции принадлежит поборникам вовсе не национальных самобытных ценностей, а планетарных идеологий и революционных теорий. [...] Подчинению космополитическим абстракциям и единым стандартам служит и нынешнее *расчленение* нашего Отечества. Закон о *расчленении* России, принятый конгрессом США в 1959 году, — закон о порабощенных нациях, в котором уже совершенно откровенно акцент борьбы с большевизмом подменен борьбой с русским империализмом, причем на самой территории исторического государства Российского. Она *расчленена* [...] ¹⁴³.

Россия вместе с Северным Кавказом — не случайное нагромождение территорий. Это исторически сложившийся *единый организм*, который не поддается произвольному *расчленению*. Части территории России и Северного Кавказа связаны взаимопонима-

¹⁴¹ Снегов С. Философия блатного языка // Даугава. 1990. № 11. С. 73.

¹⁴² Гайдар Е. Новый курс. Возвращение государственного регулирования обогащает богатых и разоряет бедных // Известия. 1994. 10 февраля.

¹⁴³ Нарочницкая Н. А. Россия и Европа. Исторический и геополитический подход // Наш современник. 1993. № 12. С. 98—100.

нием, в том числе и духовно-культурным. Это государственное и стратегическое единство. Это *узловая точка*, эпицентр, это пространство европейско-азиатского мира и равновесия с давно *переплетенными межнациональными человеческими связями*. Попытки расчленив Северный Кавказ, *оторвать* его от России означали бы ввергнуть регион и страну в бесконечные столкновения и конфликты¹⁴⁴.

Существование в мире огромного российского государства накладывает на нас особый отпечаток. Мы очень зависимы от этого пространства, этой необъятности, *до мозга костей включены в нее*. Россия всегда *держала вокруг себя контролируемое пространство*, все время расширяясь. Вокруг нас сейчас — *промежуточное, неустоявшееся пространство СНГ*. На самом деле у России путь один — быть гарантом мира. То есть тем *«большим человеком»*, который не только обязан не сталкиваться ни с кем на улице, чтобы не нанести вреда, но и *смотреть поверх голов*, охранять всех идущих рядом¹⁴⁵.

Столь продолжительный экскурс позволяет увидеть за словесным выражением наглядно-телесные образы прошедшего и давнопрошедшего времени (ср. материализацию метафоры, исполненную в той же технике, что у Ельцина, но — в английской карикатуре конца XVIII века: ил. 68). От них трудно избавиться посредством одних риторических упражнений, хотя предпринимаются и такие опыты. Так, одна из самых радикальных публицисток поздне- и посюветской эпохи, глава Демократического союза Валерия Ильинична Новодворская в короткой статье успевает сравнить Россию с *Кинг-Конгам*, *акулой-людоедом* из фильма Спилберга *«Челюсти»*, *Медным всадником*, *Летучим голландцем*, *«демоном на бушприте»* которым назван Жириновский; сами бывшие советские граждане — это *носороги* из пьесы Э. Ионеско и *скифы* Александра Блока; цитируются Иосиф Бродский и Хулио Кортасар. В конце газетной статьи высказывается сожаление, что России *«не обломали рога»* — как *Гитлеру* и как уже упомянутым *носорогам*¹⁴⁶.

¹⁴⁴ Лозовой В. Д. [глава Временной администрации на территориях Северо-Осетинской ССР и Ингушской республики] «Верю — здравый смысл победит» [доклад на Втором съезде народов Северной Осетии, 29 октября 1993 г.] // Вестник Временной администрации на территориях СО ССР и Ингушской республики. 1993. 4 ноября. № 65.

¹⁴⁵ Ельцин Б. Записки президента / Литературная запись Валентина Юмашева. М., 1994. С. 393—394.

¹⁴⁶ Новодворская В. Не люблю державу // Известия. 1994. 4 марта.

Идеологема *расчленения* присутствует, как видно, и здесь, но теперь уже — на уровне построения текста, на уровне авторского намерения говорить о России-чужачке и набирать ее портрет как мозаику из пестрого историко-культурного материала, торопливо меняя маски, а то и надевая их все одновременно на общий каркас. Мы имеем здесь дело не с отдельным высказыванием о расчленении России, но с самим дискурсом *расчленения*. Изоморфизм предмета обсуждения и формальных признаков текста («единство формы и содержания») притупляет самокритичность. Фактически автор говорит прямо противоположное тому, что хочет сказать: требуя от своих оппонентов отказа от химер в сознании, она оперирует химерами же — только более разнообразными и взятыми из посторонних обсуждаемому предмету источников.

На критическое осмысление литературщины, возникающей в оптике внутреннего эмигранта, который не желает смириться с реальной властью других в его стране, у автора просто нет времени, а публицистическое присутствие здесь и теперь заставляет прибегать к крепким историческим выражениям, сиречь вовлечение в политдискуссию о текущем процессе кинг-конгов, крестососцев, гитлеров или носорогов. Располагавший временем для рефлексии эмигрантский поэт зарегистрировал контрастную картину: опыт полной утраты связи с живой родиной, сохраненной в памяти как фонд отечественных литературных персонажей и названий школьных учебников:

Свою страну, страну судьбы лихой,
Я вспоминаю лишь литературно:
Какой-то Райский и какой-то Хорь;
Саводников кладбищенские урны!
И Вера — восхитительный «Обрыв», —
Бескрылая, утратившая силу..
И может быть, ребенком полюбив,
Еще я вспомню дьякона Ахиллу.
Конечно, список может быть длинней,
Но суть не в нем: я думаю, робея, —
В живой стране, в России этих дней,
Нет у меня родного, как в Бомбее!
Не получить мне с родины письма
С простым, коротким: «Возвращайся, милый!»
Разрублена последняя тесьма,
Ее концы разъединили — мили.
Не удивительно ль: страна —
В песках пустыни, что легли за нами, —
Как скользкая игла, обронена,

Потеряна, как драгоценный камень!
Уже печаль и та едва живет,
Отчалил в синь ее безмолвный облак,
И от страны, меня отвергшей, вот —
Один пустой литературный облик¹⁴⁷.

Хотя попытки осмыслить мозаичность предпринимаются, конечно, не только идеологами и риториками расчленения, все же жажда однородности, единства, воспитанная централизмом, объясняет остроту переживания распада даже у самых сдержанных его современников; слишком многие пребывают в отчаянии при виде прерванного четырехсотлетнего продвижения, а иногда и полета над континентами.

Продвигаясь на восток, захватывая и осваивая все новые территории, которые отнюдь не были «свободными», то есть пустыми, русские несли с собой более передовую сельскохозяйственную технику и «отодвигали» аборигенов на задний план исторической сцены. Начинаясь необратимый процесс ассимиляции, которую называем теперь ненасильственной. [...] Наш народ, «этнос», не доформирован еще. В нем столько всего перемешано, и эта смесь не стала пока однородной¹⁴⁸.

Понимание 'прерванности' некоего 'имевшего идеальную цель процесса', 'неисполненности' некоего 'завета' — вот что обостряет чувство опустошенности у добросовестно исповедующихся современников распада СССР. Карта — иногда единственный материальный объект, где некоторым удастся словесно обозначить эту совершенно новую пустоту. В ил. 69 с предельной отчетливостью сформулирована та общественная потребность в перемене — задним числом — национальной исторической задачи, которая выдвигает требование переписать историю методами «ретровидения».

Там, где нации образуются вследствие разложения более крупных донациональных образований, мифам предписывается растворить прежние обязательства и лояльности, лишиться силы существующие иерархические отношения, дабы создать новую общность, новое пространство жизненного опыта, новые опознавательные знаки. С этой целью предпринимаются истори-

¹⁴⁷ Несмелов А. Свою страну, страну судьбы лихой... [1931] // РПК. С. 318—319.

¹⁴⁸ Черемисина М. Заметки о русских и их отношении к другим народам, языкам и культурам нашей страны // Рубежи. 1996. № 2. С. 130.

ческие и географические переоценки, доказывающие, что национальные фрагменты важнее той донациональной целостности, из которой они выпали¹⁴⁹.

В нашем случае возникает требование из похода в пустую и недостижимую даль вернуться к себе, к точке 'равенства с самим собой'.

¹⁴⁹ GERMER S. Op. cit. S. 39.

12

РАСПАД СССР И ПУСТОТНЫЙ ДИСКУРС

Применяя к анализу советского и посоветского русского дискурса литературные приемы французского постмодернизма или его русских адептов и переводчиков, Сергей Медведев за короткий посоветский период обнаружил, что Советский Союз — это лишь нежно-розовая карта масштаба 1:1, развернутая силами внутренних войск¹⁵⁰, или «симулякр», а отдельные предметы (такие, скажем, как отсутствовавшая в продаже «колбаса за 2 рубля 20 копеек», мечта советского гражданина) — лишь главы и параграфы большого текста СССР, который, по мнению С. Медведева, никогда не был реальностью:

По Бодрийяру, знак (карта) оказывается прочнее, долговечнее и в конце концов реальнее своего референта (страны). Более того, карта превращается в единственную реальность («гиперреальность» называет он ее), в мир таинственных линий и символов, которые существуют совершенно независимо, сочетаясь и пересекаясь по собственному произволению. Эту прихотливую игру эмансипированных знаков он именуется «символическим обменом». [...] Огромная карта цвета семги [ср. ил. 70], покрывающая одну шестую часть суши, дотлевала на глазах. Гиперреальность СССР готова была разрушиться, рассеяться, раствориться — хотя может ли исчезнуть гиперреальность, может ли несуществующее — прекратить существовать? «Распад СССР» — весьма условное обозначение, ибо субъекта распада не было. Была нереферентная знаковая система, симулякр, не только искажающий реальность, но прикрывающий полное ее отсутствие. Подняв полуистлевшую карту, обнару-

¹⁵⁰ МЕДВЕДЕВ С. СССР: деконструкция текста (к 77-летию советского дискурса) // Иное. Хрестоматия нового российского самосознания / Ред.-сост. С.Б. Чернышов. М.: Аргус, 1995. Т. 3. С. 317—346.

жили, что под ней ничего нет: ни империи, ни державы, ни даже пустыни¹⁵¹.

Карта-цитата из учебника истории и школьного атласа советского времени вызывает у автора сильное колористическое переживание, которому можно найти интересные параллели у представителей того же поколения — родившихся в 1950-х годах. Различные оттенки официальной красноты — от бело-розового до бурого — важны при реконструкции культурно-исторической оптики этого поколения, в большой степени воспитанного на стихах, например, спортивного содержания:

Я не знаю, как сказать об этом
(речь моя корявая бедна), —
что загара красноватым цветом
вся покрыта лучшая страна!¹⁵²

Поверхность исторической советской жизни, той жизни, которая составляла непосредственный опыт автора, воспроизводится им весьма наглядно, даже с обонятельной достоверностью (так, «Столовая» колбаса стоимостью 2 рубля 20 копеек за килограмм отличалась куда менее приятной пахучестью от колбасы «Докторской» по 2 рубля 30 копеек за килограмм). Ради красного слова объявляя бывшее небывшим, С. Медведев указывает на литературный источник этого приступа солипсизма: словесной параллелью пустоте, обнаруживаемой под «полуистлевшей картой», оказывается для него известная цитата из В.В. Розанова — автор приводит в своей работе знаменитые слова писателя о Руси, которая «слиняла в два дня. Самое большее — в три» и оставила после себя только «подлый народ»¹⁵³.

То, что осталось после СССР, образует, по Медведеву, еще большую степень *пустоты* — тот пресловутый *вакуум*, который живет в дискурсе поссоветского периода слишком полнокровной

¹⁵¹ Там же. С. 317, 333.

¹⁵² Корнилов Б. Физкульт-ура! [1932] // Корнилов Б. Стихотворения и поэмы. М.; Л.: Советский писатель, 1966. С. 155. Ср., например, воспоминания Михаила Поздняева о том, в какой цвет красились парты в школе его детства («ранжувый» и «бурду»). В том же визиотипическом контексте оживает и стародавняя расистская составляющая русского дискурса. Так, Виктор Ильин пишет об «экспансии желтых», о «давлении пресса цветных» на «белых» русских (Ильин В.В. Россия и Европа — путь в будущее: вместе или врозь (политологические заметки о России и ее национальных интересах) [окончание] // Вестник МГУ. Серия 12: Социально-политические исследования. 1994. № 6. С. 23—32). Интерес к 'правильным национальным цветам' обострился в ходе отделения от Союза ССР независимых государств и должен быть предметом специального исследования.

¹⁵³ Розанов В. Апокалипсис нашего времени, 1918; глава «Рассыпанное царство».

для называемого им предмета жизнью. Поистине оргиастический восторг царит вокруг этого дискурсивного вакуума. Так, в стихах Александра Белякова носителем пустотной идеи выступает Ленин:

Это Новый Царьград
На варяга расставил объятья.
Это музы галдят,
примеряя персидские платья.
Это, лисий лукум
В дальнобойных глазницах лелея,
Протопоп Вакуум
Прорастает из недр Мавзолея¹⁵⁴.

Рассматривая срез того фрагмента дискурса, который имеет дело с пустотой, вчитаемся в нижеследующий набор развернутых цитат из произведений различных жанров. Не связанные сюжетной общностью, приводимые цитаты принадлежат одному гипертексту, восстанавливаемому по подчеркнутым узловым точкам.

24.04.1982. Замечательное свойство советских людей — их ни в чем нельзя убедить. Сломав в душе самое важное, чтобы стать безоговорочными приверженцами государственной лжи, они компенсируют это предельной недоверчивостью к частным сведениям и соображениям. Быть может, это обратная сторона рабского смирения. [...] Тут есть своя бессознательная логика. Этот огромный, внешне могучий и насквозь изгнивший нравственно мир должен оставаться нетронутым, иначе он развалится от малейшего толчка и погребет под своими неопрятными руинами столь же хрупких, пустотелых насельников. [...]

2.05.1983. Сейчас все духовное выключили, как электричество в пустой комнате¹⁵⁵.

Да, владыку несли, он мог быть разделен на щепотки,
он мог быть расщеплен на щепотки, щепотки, щепотки,
он мог передан быть по цепочке, цепочке, цепочке,
он — пылинкой по космосу мог быть и частью твоей красоты,
территория ты или дева — в дичающем слове не важно!
Расщепляясь, он мог бы себя уточнять до самой пустоты!¹⁵⁶

Мчится, мчится запущенный трактор,
Но кабина пуста — погляди!

¹⁵⁴ Беляков А. [Ленинская Москва] // НЛ. С. 576.

¹⁵⁵ Нагибин Ю. Дневник. М.: Книжный сад, 1995. С. 411, 500, 541.

¹⁵⁶ Парщиков А. Перенос // Парщиков А. Фигуры интуиции. М.: Московский рабочий, 1989. С. 79.

Где же ты, человеческий фактор?
Ну куда же запрятался ты?¹⁵⁷

Нациобесие начинается там, где зияет вакуум личной инициативы индивида, не умеющего себя ни с чем идентифицировать¹⁵⁸. Нас охватила духовный вакуум, и следствием этого стало то, что мир завоевало стремление прожить и взять все от этой одноразовой жизни¹⁵⁹.

Стратегической общезначимой утопии с исторической перспективой в идейном и ценностном вакууме России пока не возникло, и пресса восполняет этот дефицит, создавая утопии «одноразового пользования»¹⁶⁰.

Сбылись самые заветные мечты художников-модернистов: искусство и культура не только заполнили ценностный вакуум, образовавшийся в результате политического, экономического и духовного хаоса, но и проникли в самую сердцевину властных структур, получив наконец возможность участвовать в преобразовании жизни¹⁶¹.

Андеграунд возник неожиданно и неизбежно — среди хлама замешкавшегося светлого будущего. Его надуло к нам со стороны Атлантического океана в период запоздалой гульбы с сильной подозрительной публикой, свалившейся со своей богатой экипировкой в наш богатый бедствиями край. В пустоту закрытых театров, разрушенных зданий и оперированных душ ворвалась специальная команда в карнавальных одеждах, принесшая с собой звуки, достойные оформлять конец мира. Это невруб в социальную конкретность как вывод из духовных исканий¹⁶².

¹⁵⁷ Кибиров Т. // Личное дело. Литературно-художественный альманах / Сост. Лев Рубинштейн. М.: Союзтеатр, 1991. С. 55.

¹⁵⁸ Аннинский Л. Муки герцога Брауншвейгского. Категория нации в меняющемся мире // Воскресенье литературное (Литературно-художественное издание журнала «Воскресение (Советский Союз)»). 1992. № 1. С. 252.

¹⁵⁹ Красовский Ю. [Донецкая область]. Письмо в редакцию // Московские новости. 1992. 15 ноября.

¹⁶⁰ Лисюткина Л. Самиздат и агитпроп. Гласность перед вызовом свободного рынка // Общественные науки и современность. 1993. № 4. С. 111.

¹⁶¹ Медведев А. Прощание с президентом Гавелом. О «бархатном тоталитаризме» // Независимая газета. 1992. 16 сентября.

¹⁶² Бастиан И. Как живут в пространстве андеграунда? (для некоторых) // Ключка. Альманах. М.: Всесоюзный гуманитарный фонд им. А.С. Пушкина, 1990. С. 80, 85—87.

Но в этой стране сейчас есть группа людей, способных сделать «шаг в пустоту», свободных от рефлексии. Тот же «Трехпрудный»; они выдают какой-то особый художественный продукт¹⁶³.

Сейчас у нас положение, как у Сталина в конце двадцатых. Развал хозяйства, пустая казна, потеря окраин¹⁶⁴ (ср. ил. 71—73).

Изображен на монументе, натурально, Лукич: большой палец левой руки прославленным жестом заткнут в пройму жилета, а правая рука, десница, застыла, как бы протягивая что-то собеседникам; она словно яблоко держит, а на деле в ней пустота¹⁶⁵.

Слепая державная твердь! — тебя я несусь как надсаду.
Но тяжесть равна пустоте, если она неподъемна¹⁶⁶.

Великопостный звон вечерний...
А где-то рядом — ушлый сброд,
И кутежи чиновной черни,
И презентации пустот¹⁶⁷.

Приведенная подборка содержит, как нетрудно увидеть, и гипотезы для собственной интерпретации; они — в повторяемости тем: «утопия одноразового пользования», «новая власть художника», «невруб в социальную конкретику». Эти гипотезы можно было бы

¹⁶³ Кто есть кто в искусстве Москвы, 1993. М.: Album, 1993. С. 85—86. Имеются в виду художники, работавшие в конце 1980-х годов в мастерских дома в Трехпрудном переулке.

¹⁶⁴ Жириновский В. О собирательской роли России и молодых волках // Известия. 1994. 23 апреля.

¹⁶⁵ Турбин В. *Ехegi monumentum*. Записки неизвестного лабуха // Знамя. 1994. № 2. С. 59. Ср. появившиеся в 1970-е годы истолкования описанной позы Ленина, подчеркивающие пустотный характер жеста вождя:

- а) в Горьком (Нижний Новгород) аналогичный памятник назывался «Мясо в Москве»;
- б) — Владимир Ильич, где вы покупали эту жилетку?
— Эту? (Закладывает палец за пройму.) Там! (выбрасывает руку вперед);
- в) — Василь Иванович, че это Ленин так долго руку с броневику тянет?

— Ждет, когда у него под мышкой яйца вырастут.

¹⁶⁶ Банников А. Держава-твердь // НЛ. С. 526.

¹⁶⁷ Чистяков Б. Стихи // Нева. 1996. № 9. С. 4.

в сжатом виде сформулировать так: ‘сперва — в результате ошибочных коллективных действий, лишенных творческого импульса, — создаются условия *пустоты*; постепенно развивается синдром *опустошенности*, сопровождаемый нежеланием понимать и завершающийся отказом принять конкретные условия собственного существования’.

Другая плоскость пустотного дискурса — представление об *исчезновении* прежней страны и появлении на ее месте страны совсем другой, новой. Вот как этот концепт представлен в стихотворении ленинградского поэта Ильи Фонякова:

Есть две страны: одна — в которой вырос,
Та самая, которой больше нет,
Чья карта, устарев для наших лет,
Свернулась, как египетский папирус.
Другая — эта: где бушует вирус
Наживы, где смешались тьма и свет,
Где бывший атеист-обществовед
По воскресеньям ходит петь на клирос.
К той — тьма претензий. К этой — ни одной:
Все так закономерно под луной,
Что грех роптать, но ты меня не выдай,
Когда тебе признаюсь во хмелю:
Всей болью, всей тревогой, всей обидой
Ту я любил. А эту — не люблю¹⁶⁸.

Другой поэт регистрирует уход прежней страны под землю:

и вот это случилось
то о чем никогда не думали
то чего так долго ждали
то во что сразу не всем поверилось
РОССИЯ ПРОВАЛИЛАСЬ ПОД ЗЕМЛЮ
ню-йорк таймс сообщает — это случилось вечером
айриш таймс голосит — ну что же делать нечего
шпигель сконфуженно — куда выслать гуманитарную помощь
и никто не знал на поверхности
что жизнь под землей продолжается
GRAD-KITEZ уже возрождается
в третьем риме земля не нуждается
[...]

¹⁶⁸ Фоняков И. Сонет собутельника [1997] // Русская поэзия. Век XX. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1999. С. 644.

и подумала подземная россия
взирая на беспомощный глобус
грядет грядет грядет мессия
вот только опаздывает автобус¹⁶⁹.

Наконец, для контраста приведу стихотворение эмигрантского поэта 1920-х годов. В стихотворении Леонида Ещина (1897—1930) «Про Москву» *золотая, шафранная, медная* Москва из памяти белого юнкера торжествует над *пламенно-яркой красной* Москвой большевистского Кремля. Достигается эта победа, правда, лишь в индивидуальном опыте.

Обратимся к упомянутому выше понятию «невруба» в социальную реальность. Возможно более точное истолкование важного для позднесоветского разговорного (значит — свободного, неподцензурного) языка 1980-х годов понятия «невруба» совершенно необходимо: значение слова (как и близких к нему слов «въехать», «просечь») содержит в себе ключевой для нашей темы метафорический компонент ‘телесного действия’, ‘физического проникновения в предмет понимания’, усиливающего метафору ‘схватывания’ (be-greifen).

В этой фанзе так душно и жарко.
А в дверях бесконечны моря,
Где развесилась пламенно-ярко
Пеленавшая запад заря.
Из уюта я вижу, как юно
От заката к нам волны бегут.
Паутинятся контуры шхуны
И певучий ее рангоут.
Вот закат, истлевая, увянет, —
Он от жара давно изнемог, —
И из опийной трубки потянет
Сладковатый и сизый дымок.
Этот кан и ханшинные чарки
Поплывут — расплываясь — вдали,
Там, где ткут вековечные Парки.
Незатейливо судьбы мои.
«Ля-иль-лях», — муэдзин напевает
Над простором киргизских песков,
Попираемых вечером в мае
Эскадронами наших подков.
И опять, и опять это небо,
Как миража дрожащего страж.

¹⁶⁹ Аявенго. Андерграунд Раша // НЛ. С. 489—490.

Тянет красным в Москву, и в победу,
И к Кремлю, что давно уж не наш.
А когда, извиваясь на трубке,
Новый опийный ком зашипит,
Как в стекле представляется хрупком
Бесконечного города вид. ¹⁷⁰
Там закат не багрян, а янтарен,
Если в пыль претворяется грязь
И от тысячи трубных испарин
От Ходынки до неба взвилась.
Как сейчас. Я стою на балконе
И молюсь, замирая, тебе,
Пресвятой и пречистой иконе,
Лица Божьего граду — Москве.
Ты — внизу. Я в кварталах Арбата,
Наверху, посреди балюстрад,
А шафранные пятна заката
Заливают лучами Арбат.
А поверх, расплываясь медью,
Будто в ризах старинных икон,
Вечной благодатью радостно вея,
Золотистый ко всенощной звон...¹⁷⁰

Вернемся к рассуждениям Сергея Медведева и сопоставим теперь этот словесный фрагмент 'пустотного дискурса' с интересующим нас визиотипом — *картой нашей Родины*. Отвлечемся от установки автора на гиперреальность продуктов воображения и от его готовности объявить мнимостью собственный опыт или продукты пищевые. Сосредоточимся на медведевском тексте только как на документе современного русского дискурса, и мы увидим: за визиотипом «нежно-розовой карты цвета семги» не только реальная, бумажная, розовая поверхность карты СССР из школьного атласа (ил. 74), но и приведенные выше хрестоматийные строки В. Лебедева-Кумача:

Утро красит нежным цветом
Стены древнего Кремля,
Просыпается с рассветом
Вся советская земля...

Сводя, в порядке постмодернистского стеба, историческое толкование к риторическому упражнению, С. Медведев работает с тем же материалом, что и публицисты патриотического направления, апологеты величия державы. И патриотическое оплакива-

¹⁷⁰ Ещин Л. Про Москву // РПК. С. 181—182.

ние империи у Н. Нарочницкой или В. Распутина, переходящие в проповедь глобального величия России, и описанная Б. Ельциным подоплека русской внешней политики, и интеллектуальный стеб Медведева, призывающего «не верить только что прочитанному тексту»¹⁷¹, отталкиваются от общей идеологической матрицы, от одного визиотипа. Это — силуэт карты СССР — такой же, как на предвыборной листовке 1995 года у генерала Бориса Громова (ил. 75), или на обложке журнала «Новая Россия» 1994—1996 годов, или в марке газеты «Серп и молот» (ил. 76) — это тот абрис, что сперва узнается носителем языка без слов («без рефлексии»), а потом заполняется или окутывается готовыми идеологическими клише или новейшими речениями политиков, ненадолго вошедшими в оборот (ср. ил. 77).

*Заполнение пустоты: «территория ты или дева,
в дичающем слове не важно»¹⁷²*

Носителю языка, желающему понять идеологическую матрицу, первую помощь оказывает не словесное, но изобразительное искусство. Раскрепощение политического бессознательного дает увидеть картину переработки целым поколением недавнего идеологического опыта. Предлагаемый ниже фрагмент галереи политико-географических карикатур из «Советской России» и родственных ей изданий так называемого народно-патриотического направления дает некоторое представление о масштабах этой переработки (ил. 78—110). Здесь налицо архаический характер современной русской медийной среды.

¹⁷¹ Медведев С. СССР: деконструкция текста (к 77-летию советского дискурса) // Иное. Хрестоматия нового российского самосознания / Ред.-сост. С.Б. Чернышов. М.: Аргус, 1995. Т. 3. С. 333.

¹⁷² Парщиков А. Перенос // Парщиков А. Фигуры интуиции. М.: Московский рабочий, 1989. С. 79.

13

ДИСКУРСИВНЫЕ ЛОВУШКИ ВИЗИОТИПА

13.1. «ОСТРОВ РОССИЯ» В. ЦЫМБУРСКОГО

Впустоту идеологического объекта врубаются по-разному. Одни неререфлексивно воспроизводят его на своих знаменах, как генерал Громов (ил. 75) или издатель «Серпа и молота» (ил. 76), другие впадают над *картой нашей Родины* в политико-поэтическую гиперрефлексию.

Первые памятники такой рефлексии — это географические татуировки советских заключенных, представшие на всеобщее обозрение только к началу 1990-х годов¹⁷³. Именно благодаря публикациям перестроечного времени¹⁷⁴ выяснилось, что как раз на «прекрасное, мудрое, твердое, мускулистое, плечистое»¹⁷⁵ тело наносились в СССР несмываемые татуировки, изображающие Россию как архипелаг ГУЛАГ (ил. 111—115). Устрашение других собственным изуродованием, превращение собственного тела в текст и карту делают человека не просто носителем, но настоящей вещью идеологии.

¹⁷³ Существовавшая и прежде ведомственная литература публиковалась исключительно для служебного пользования работников карательных органов; см.: Бронников А. Г. Татуировки осужденных. М., 1980; одна из первых открытых публикаций: Знание — сила. 1989. Декабрь. С. 48—49; ср. также: Васильев С. Супруги поневоле // Уральский следопыт. 1993. № 2. С. 74—75; Vasiljev S. Zona-Zone. Fotografien aus den Straflagern Rußlands / Hrsg. von A. und A. Klamt. Berlin: ex pose verlag, 1994. S. 48, 51, 54—59; Горюнов В. Е. Татуировки кистей рук: Учеб. пособие. Челябинск: Челябинский юридический институт МВД РФ, 1999 (см. библиографию на с. 77—79).

¹⁷⁴ Maruste R. Kuritegelik subkultuur tätoveeringutes, estides, slängis. Tartu, 1988 (татуировки: с. 27—123; словарь: с. 130—167).

¹⁷⁵ Слова из удостоенной Ленинской премии поэмы Эдуардаса Межелайтиса «Человек» в переводе Бориса Слуцкого; ср. также ил. 29.

Карикатуры и татуировки предъявляют носителям языка предельно упрощенную, но достоверную иллюстрацию к подтексту их повседневному дискурса, овещаются метафоры социального существования. В духе риторики постмодерна можно сказать, что татуированный идеологемами человек есть персонаж самой идеологии или даже герой ее сновидения; вся жизнь его, в таком случае, — известный феномен спектакля в спектакле¹⁷⁶. Татуировка (в том числе, например, с изображениями икон, обнаженных красавиц, котов и т.п.) мыслится здесь как нанесение тела на тело, повторение, как называлось это на советском жаргоне, *самбой жизни*. Для заключенных, на долгие годы отрезанных от нормальной человеческой жизни, такая татуировка становилась несмываемым личным документом, удостоверением полноты существования¹⁷⁷. Родственным личным картографическим документом, сопровождавшим советского человека — действительного обладателя крутого жизненного опыта или играющего в такового, — была пачка папирос «Беломорканал» с изображением маршрута первой стройки эковского социализма.

Перестройка обесмыслила все принесенные на алтарь социалистического отечества гекатомбы (ср. ил. 141), и бывшие *кальщики* (мастера татуировки) взялись за политическую карикатуру: обращает на себя внимание татуировочная стилистика Т. Поляковой (ил. 102) и П. Кириллова (ил. 116).

На фоне непосредственно телесного врубания, или накалывания, смысла на кожу становятся понятнее мыслительные процедуры, сопровождающие производство некоторых историко-ософских и геополитических концепций новейшего времени. В литературно-художественной публицистике мыслительные конструкции выстраиваются вокруг стоящих перед глазами политолога тел. Политический мыслитель, думая о том, что ему надо «подать страну как целостность, представляя ее единым „игроком“ в отношении к внешнему миру»¹⁷⁸, попадает в ту же дискурсивную ловушку: органическая метафорика из подсобного приема становится содержательной опорой мысли. Россия-тело — это «мы»; а «мы не хотим быть смиренными и поднадзорными маргиналами».

¹⁷⁶ Мотив расписанного тела как собственности писца, а не личности, см. в фильме Питера Гринуэя «Записки у изголовья» (The Pillow Book, 1996).

¹⁷⁷ ENGELHARDT D. Das Bild auf der menschlichen Haut. Motive und Motivationen der Tätowierung. München: Moos, 1972.

¹⁷⁸ Цымбурский В. Л. в дискуссии: Проблемы российской геополитики. Университетская трибуна // Вестник МГУ. Серия 12. Социально-политические исследования. 1994. № 6. С. 3.

Отечественная геополитика, осмысливая причины сжатия страны, должна от «домашних» причин перейти к лежащим за ними причинам миросистемным, чтобы определить для трансформированной России стратегию в этом мутирующем мире¹⁷⁹.

Вдохновенное не критически подхваченными метафорами мышление не чувствует себя обязанным рационально объяснить, в каком смысле распад СССР означает «сжатие» России между Европой и Китаем, почему политические перемены — это «мутация», что может означать выражение «отношение России к пространству». Отсюда — стремительное разрастание, наряду с органическими, и всякого рода оккультных словесных узоров:

Россия как бы стиснута между двух воинственных (о чем свидетельствует опыт истории) теллурократических стихий: западной — Германией и восточной — Китаем. Для контрфорса можно использовать славянскую связку: Россия — Сербия, Черногория, Болгария, берущую Западную Европу в своеобразный клинч; и связку Россия (включая Монголию) — Индия, Вьетнам, сжимающую Китай¹⁸⁰.

Ход мысли автора строится, несмотря на его исторические оговорки, вокруг того же визиотипа карты, что мы видели в стихотворении Михаила Светлова об экспорте революции. Мистическая категория «теллурократической стихии» сменяется метафорами из области архитектуры («контрфорс») и/или альпинизма («связка») и упирается в метафорику рукопашного боя («клинч», «сжатие»). Автор видит перед собой подвижное тело карты и, подобно эпическому поэту древности, поет о картинах, проплывающих перед его умственным взором. Исторический подмалевок для этой политической мысли мы снова найдем в советском школьном атласе (ил. 36). Киевская Русь IX—XI веков представлена здесь как страна гуляров, землепашцев, кузнецов и гончаров, совершающих мирные торговые походы в чужие края и обороняющихся от агрессивных кочевников. Миролобиво-округлые *наши витязи* стоят, гордо подняв в небо копыя и сдвинув оборонительные щиты; мелкие и быстро мчащиеся конники *врага*, ошетилив копыя, одолевают *наших* исключительно своей превосходящей численностью (ил. 117).

¹⁷⁹ Цымбурский В. Л. в дискуссии: Проблемы российской геополитики. Университетская трибуна // Вестник МГУ. Серия 12. Социально-политические исследования. 1994. № 6. С. 4.

¹⁸⁰ Ильин В. В. Россия и Европа — путь в будущее: вместе или врозь (политологические заметки о России и ее национальных интересах) [окончание] // Вестник МГУ. Серия 12. Социально-политические исследования. 1994. № 6. С. 26.

Проследим, далее, ход мысли, как он запечатлен всего на трех страницах текста из университетского политологического журнала первого посюветского времени (выделены слова, описывающие ключевые действия олицетворенных географических единиц):

наш трехвековой *натиск* на Запад...;
отход России с *промежуточных территорий* Восточной Европы;
нам не интересно насаждать демократию в Средней Азии;
сплотившаяся Европа при поддержке России *отторгает* от себя американцев, *вытесняя* их за Атлантику;
Украина *облегчает нам жизнь*;
Русский Восток начинает демохозяйственным вакуумом *всасывать потенциалы* Китая.

Одной из остановок такого хода мысли становится общее представление, согласно которому, «мы» — это остров, люди стоят на нем, как на геологической платформе (ил. 118), а государства-соседи — это лишь кайма территорий-проливов, которая сейчас представляет собой зону государств с разрушенными экономиками, эфемерными валютами и уровнем жизни ниже российского¹⁸¹.

Мотив *России-острова* — основополагающий для идеологии *нашей Родины*. Не приводя текстов XIX столетия (от Чаадаева до Константина Леонтьева), укажу только на одну из ключевых политических паремий советского времени:

Заграница — это миф о загробной жизни. [...] И вообще последний город — это Шепетовка, о которую разбиваются волны Атлантического океана¹⁸².

Именно от этой паремии, правда, с привлечением пышного поэтического камуфляжа, отталкиваются и авторы некоторых концепций пути России, широко представленных как в печатных изданиях¹⁸³, так и в Интернете, этом, как могли бы сказать современные конспирологи, опасном спутнике американского талассократического господства. Представление о «кайме» восходит к основополагающей идеологеме непроходимой границы, расширившейся

¹⁸¹ Цымбурский В.Л. в дискуссии: Проблемы российской геополитики. Университетская трибуна // Вестник МГУ. Серия 12. Социально-политические исследования. 1994. № 6. С. 6.

¹⁸² Ильф И., Петров Е. Золотой теленок, 1928; гл. XXXII.

¹⁸³ См. обсуждение за круглым столом: Проблемы российской геополитики. Университетская трибуна // Вестник МГУ. Серия 12. Социально-политические исследования. 1994. № 6. С. 3—22.

в последние несколько лет, но не изменившей своей стародавней идеологической функции. Объектом пародии эти представления стали еще до их политологического оформления (ил. 119).

Чем отчетливее политолог видит свою страну как живое существо, тем легче представить ему страны чужие как предметы низшего порядка, противопоставляя, например, «население» России китайским «антропомассам»¹⁸⁴. На ил. 36 русская дружина противопоставит полчищам Золотой Орды как люди — с лицами, усами и бородами (а один — так даже с грустным конем) — неразборчивой кочевой массе, силуэтам всадников, слившихся со своими лошадьми и копьями. Так, согласно сообщению Ларисы Емелиной (ил. 105), только Россия — человек, другие страны и народы — лишь скопища гадов разной степени противности. В подтексте этого сегмента гипертекста — лозунг «Раздавите гадину!». Здесь риторическим чудовищам национал-патриотической газеты сопутствуют «ящеры»-коммунисты из упомянутой статьи Валерии Новодворской «Не люблю державу». Общий визиотип врага объединяет больше, чем разъединяет. В дискурсе 1990-х вместо критического анализа пространственного мистицизма в патриотическом сознании, как бы примитивны ни были и это сознание, и его анализ, русская демократическая публицистика предлагает ответ на эмблему Жириновского в его же стиле:

Мы зря столько препирались из-за российского герба. По совести, мы должны были бы изобразить на нем свое затерянное плато [имеется в виду «Затерянный мир» А. Конан Дойля] и парящего над ним птеродактиля: видимо, символ той благой вести, которую Россия несет человечеству, выглядит именно так¹⁸⁵.

Уж очень похож этот птеродактиль на румынско-молдавского дракона-агрессора или дракона под каской ООН работы того же художника (ил. 120—121). Слова В. Новодворской о гербе указывают на другой важный визиотип, требующий отдельного разговора. Здесь упомяну лишь о том, что поиск опорного образа в чужом историческом времени характерен, как видно, для различных политических движений России: одни видят его слишком далеко позади, другие забегают вперед. Позиции, по которым найдено общее решение, — трехцветный флаг России и двуглавый орел — свидетельствуют, казалось бы, о согласии большинства участников политического процесса в одном: Россия отказалась от имперства и становится одним

¹⁸⁴ Цымбурский В. Л. Метаморфоза России: новые вызовы и старые искушения [статья первая] // Вестник МГУ. Серия 12. Социально-политические исследования. 1994. № 3. С. 9.

¹⁸⁵ Новодворская В. Принцип оборотня // Столица. 1994. № 4 (166). С. 3.

из национальных государств, раскинутым на двух континентах. Византийский двуглавый орел в этом смысле — менее имперский символ, чем тот государственный герб Российской империи, который в слегка измененной форме (глобус вместо державы) возродился в гербе СССР. Триколор и вовсе можно было бы рассматривать как знак векового примирения России с Европой, ее двухсотлетней традицией национальной государственности и уважением — после Второй мировой войны — достоинства малых стран.

Однако, как уже не раз было сказано, временная составляющая русско-советского политического сознания развита чрезвычайно слабо. И наоборот, для значительной части общества пространственный распад империи — вневременная несправедливость; у носителей языка нет дискурсивного устройства для обсуждения нынешнего времени как периода неизбежных, необратимых и относительно приемлемых исторических перемен. Практические неудобства, связанные с прочерчиванием настоящих границ по бывшей священной советской земле, воспринимаются оскорбленным сознанием как кара за святотатство, страшное преступление. На вопрос, чье же это преступление, даются слишком разные ответы.

Вернемся к рассуждениям Вадима Цымбурского о китайских «антропомассах». В том же ключе Россия и окружающие ее страны разводятся на урвне текста: традиционное русско-иностранное академическое двуязычие превращается в стилистический прием, когда политолог заговаривает о напряжении между российской умеренной *рождаемостью* и *фертильностью* южных республик, которое стало вторым по значению стимулом к демонтажу СССР вслед за перенапряжением от нашего «похищения Европы» (имеется в виду удержание восточноевропейских стран-сателлитов)¹⁸⁶.

Даже отвергая лозунг «Россия — остров!», другой политический мыслитель не выходит за рамки общего представления о России, «зажатой где-то между Литвой и татарами»¹⁸⁷, а в наиболее карикатурной форме готов вернуться в «научной оценке всего современного политического процесса» к геополитическим моде-

¹⁸⁶ Цымбурский В. Л. в дискуссии: Проблемы российской геополитики. Университетская трибуна // Вестник МГУ. Серия 12. Социально-политические исследования. 1994. № 6. С. 5.

¹⁸⁷ Мошес А. Л. в дискуссии: Проблемы российской геополитики. Университетская трибуна // Вестник МГУ. Серия 12. Социально-политические исследования. 1994. № 6. С. 19.

¹⁸⁸ HAUSHOFER K. *Weltpolitik von heute*. Berlin: Zeitgeschichte-Verlag, 1934; Haushofer K. *Grenzen in ihrer geographischen und politischen Bedeutung* Heidelberg [u. a.]: Vowinckel, 1939.

лям Х. Маккиндера и К. Хаусхофера¹⁸⁸ и незаметно, но вполне всерьез, отождествить геоморфологические и политические единицы:

Геополитические контуры «острова-России» не совпадают с государственной границей Российской Федерации. *На западе* эти контуры доходят до Карпат — *граница СССР была почти естественной*. Это, конечно, не мешает «острову» как бы отдать проливу не только все еще удерживаемый «польдер» Калининградской области, но и уже признанные неостровными побережья в виде Прибалтики, Беларуси, Украины и Молдовы.

Еще серьезней проблемы на востоке. Здесь геополитические «проливы» вполне определенно намечаются уже на территории России. Если брать геоморфологические показатели, то рубежом становятся Алтай, Саяны и Среднесибирская возвышенность, если бассейновые, то рубеж сместится восточнее, но все равно заставляет признать российский Дальний Восток проливом¹⁸⁹.

Рассматриваемому способу политического мышления присуща необыкновенная легкость смены метафорических прототипов. Так, от чисто зоо- или антропоморфного образа страны-тела или страны-организма политологическая мысль отпрыгивает к стране — лакомому куску (ср. ил. 85—87, 90, 91) или миропорядку как конкурсу силачей:

Ходом истории России отведена роль держателя как мирового цивилизационного, так и силового баланса сил. Сейчас эта земля начинает растаскиваться на куски. [...] С новой силой встал вопрос о четырех островах Южно-Курильской гряды. Любая часть территории государства независимо от ее размеров есть символ суверенитета государства, неотъемлемая часть как *живого организма*, его истории, его чести и достоинства¹⁹⁰.

Концепт *органичности*¹⁹¹, перенесенный на область политического как абсолютизируемая ценность, делает беспредметной

¹⁸⁸ Ильин М. В. в дискуссии: Проблемы российской геополитики. Университетская трибуна // Вестник МГУ. Серия 12. Социально-политические исследования. 1994. № 6. С. 21—22.

¹⁹⁰ Поздняков Э. А., профессор, академик Академии естественных наук России, в дискуссии: Проблемы российской геополитики. Университетская трибуна // Вестник МГУ. Серия 12. Социально-политические исследования. 1994. № 6. С. 7, 9.

¹⁹¹ См. на эту тему подробнее: Маркштейн Э. Три словечка в постмодернистском контексте [адекватный, аутентичный, органичный] // Вопросы литературы. 1996. № 2. С. 87—102.

любую отвлеченную критику излагаемых взглядов: быть органичным (естественным) значит быть 'хорошим', а все придуманное, занесенное извне, неорганичное — 'противоестественно' и 'дурно'¹⁹². Таков, например, противоестественный для России корсет «социализма» в ил. 101.

Участники научных споров такого рода попадают в дискурсивную ловушку идеологии: избегая определения собственной роли, авторы следуют цепочке саморазвивающихся метафор и пытаются выступить одновременно в нескольких обличьях, обнаруживая пустотный характер геополитического дискурса. Геополитика быстро обнаруживает в таком споре свою, по выражению министра культуры России в 1995—1997 годах Евгения Сидорова, «эстетическую несостоятельность»¹⁹³.

Так, завершая один из основополагающих трактатов, Вадим Цымбурский пишет:

Я настаиваю на неразрывности триады мотивов, которые должны лечь в основу российской геополитической стратегии на ряд десятилетий: принятие сегодняшних границ государства; приоритет внутренней геополитики; приоритет русского востока вместе с его этническими автономиями. Россия в нынешних границах сможет решить задачи на своем востоке, отложенные на века империей. Видя у России европейскую, евразийскую, «римскую» и подобные континентальные миссии, мы кончим тем, что потеряем Сибирь, а с ней потеряем и Россию¹⁹⁴.

¹⁹² Ср. фрагмент органического гипертекста: «Обе системы — и капитализм, и социализм — не органичны для России, а потому и бесплодны. [...] Органическая неспособность к терпимости, к солидарности: вот что экс-коммунисты унаследовали от самих себя в момент сдачи своих партбилетов» (Линник Ю. Погружение в хаос // Посев. 1992. № 2. С. 98, 99); «Второй — этап наращивания экономического потенциала и естественного, органичного вращивания рыночных структур в народное хозяйство» (Андреев А. Третья сила // Наш современник. 1992. № 8. С. 114); «Если в века взглядеться, / Это не пришлое Прошлое. / Оно органично, как сердце, / великое, а не пошлое» (Кузнецов В. Еще о прошлом [стихи] // Совесть: Общественно-политическая газета [СПб]. 1993. № 10 (44)).

¹⁹³ Рахалева Ю. Черное море мое. И море тоже. Начнем с воссоздания единого культурного пространства. А там посмотрим // Новое время. 1994. № 43. С. 40—41 (название статьи — цитата из популярной песни М. Магусовского «Черное море мое», 1958).

¹⁹⁴ Цымбурский В.Л. Метаморфоза России: новые вызовы и старые искушения [статья первая] // Вестник МГУ. Серия 12. Социально-политические исследования. 1994. № 3. С. 11. Намек на ставшее публицистическим штампом название фильма С. Говорухина «Россия, которую мы потеряли», 1991.

Автор приведенного пассажа является одновременно и жертвой, уже однажды потерявшей нечто (выражение «мы кончим тем, что потеряем Сибирь», предполагает: «начало событий лежит за обрезом данного повествования»), и все еще весьма дееспособным бойцом, который берет за определенную стратегию гигантского государства на несколько десятилетий вперед. Его «Россия» — это нуждающееся в ученых советах лицо, вынужденное «расклебывать чужие недоделки» («решить задачи, отложенные империей»). Наконец, завершающее пассаж неопределенно-патриотическое «мы» указывает на солидарное множество поводырей России, которому — в порядке прорицательского шантажа — грозят потерей главного территориального завоевания прадедов и дедов: «Если вы не будете слушаться *меня*, *мы с вами* не только Украину и Прибалтику, но и Сибирь потеряем!» (ср. ил. 103). Органическая метафорика обнаруживает свой смысл в заполнении пустоты обсуждаемого предмета.

13.2. «РАЗБИТЫЙ КОМПАС» ДМ. ГАЛКОВСКОГО

Нежелательная перспектива ошибочных действий на поприще реальной геополитики уводит других мыслителей к прихотливым превращениям визиютипа карта нашей Родины. Публицист Дмитрий Галковский поместил на обложке своего журнала гибридную карту части Европейской России в контуре современной Франции и снабдил этот образчик политологической мысли толстовским вопросом «Много ли человеку земли нужно?» (ил. 122). Не угрожая читателю прямо сокращением жизненного пространства, Галковский переводит разговор в иную плоскость — сосредоточения, тесноты в своем литературно-философском материале, готовности к полной сдаче ради спасения всего. Мастерская интеллектуальная наколка Галковского — тоже ответ на школьную географическую арифметику («СССР занимает площадь, в 40 раз превосходящую по площади Францию») и фантомную боль на месте развалившейся еще в 1917 году империи.

Этот мотив «своей Франции», «слишком хорошо знакомого и насквозь понятного Парижа, ставшего немного назойливым клише русского культурного разговора», широко представлен в русской поэзии последних лет:

париж, париж..
так хочется домашних щей¹⁹⁵.

¹⁹⁵ Тогунов И. // НЛ. С. 44.

франция искусственна как осень
затянувшаяся до апреля
в середине западной сибери
например так на урале я
бесполезно к франции тянулся
чтобы трогать пальцами культуру
на белесо-рыжем языке
прочь с работы и семье мешая
франции от этого-то что?
эхо океана ветром дышит
океан как франция далек
и такой же сине-бело-красный
желтый и зеленый светофор
перед ярко-красным загорелся
пропасть перед ней остановись
далеко от франции до ветра
далеко от ветра до меня¹⁹⁶.
новости таковы что Ханой что Париж
что Свердловск пребывают все
где-то очевидно что исключительно в жопе и
выбираться желанья нет никакого
желанья просто нет [...] ¹⁹⁷.
У меня на кофте
Надпись одна:
«PARIS».
Вот я и парю
над Коммунальным мостом, Оперным театром, молодежью
напротив, работами всякими, коммерсантами...
Интересно, а каково им в городе их французском?!
Столице всемирной Моды и Бляди.
Я думаю, то же самое:
находчивая молодежь, коммерсанты, иногда коммунисты
в галстуках..
Нет, уж лучше парить в Н-ске,
Чем хуй сосать в городе без работы,
Где никого не знаешь¹⁹⁸.
Накопить бы денег
да съездить в Париж..
а то какой же я получаюсь
к чертям собачьим

¹⁹⁶ Анкудинов М. // НЛ. С. 82.

¹⁹⁷ Бахрушев И. // НЛ. С. 87—88.

¹⁹⁸ Просеков И. // НЛ. С. 337.

русский писатель
если не был
в Париже¹⁹⁹.
Все на месте. Пьют боржом.
Бомж беседует с бомжом. ▸
Подхожу поближе...
Снова о Париже²⁰⁰.

Итак, топос с обложки журнала Дмитрия Галковского — литературный штамп эпохи. Устами своего лирического героя Галковский так описывает распавшуюся связь с исторической советской родиной:

Я не имею никакого отношения к Русскому Государству. Даже Хайдеггер, роющий противотанковый ров в нацистской Германии, полностью ощущал причастность к своему миру. А я говорю: я-то тут при чем? Возьмите историю последних 75 лет России — меня там нет вообще. Да когда мне говорят «вы — русские», мне просто смешно. Зулус, забравшийся в сгоревший остов «форда» посреди африканской саванны, имеет большее отношение к знаменитой американской компании, чем русский к русской истории. [...] Я хочу вырваться из этого отвратительного русского мира [и] оказаться в ситуации располагающего некоторыми средствами джентльмена, снимающего виллу в Швейцарии²⁰¹.

Сначала он готов был ждать, «пока не разрушится РФ, как правопреемник СССР, и не восстановится русское государство, уничтоженное в 1917 году»²⁰². Ждать приходится невыносимо долго, и, как «белый человек, попавший в азиатскую историю»²⁰³, Галковский в отчаянии спешит отыскать на карте свою европейскую белую Россию:

Но как мне этого добиться? Я с железной последовательностью использую единственный имеющийся у меня инструмент — мой разум. Да, это похоже на схему движений искалеченного краба, ведущего борьбу одной клешней²⁰⁴.

¹⁹⁹ Маслов А. // НЛ. С. 378.

²⁰⁰ Калакин Е. // НЛ. С. 400.

²⁰¹ Разбитый компас. Журнал Дмитрия Галковского. 1997. Январь—сентябрь. № 3. С. 113.

²⁰² Там же. С. 9.

²⁰³ Там же. С. 114.

²⁰⁴ Там же.

Этим комментарием публицист конца двадцатого столетия возвращается к метафорике времен Первой мировой войны, знакомой и русской поэтической картографии:

Как средиземный краб или звезда морская,
Был выброшен водой последний материк.
К широкой Азии, к Америке привык,
Слабеет океан, Европу омывая...²⁰⁵

Между тем, возможно, что Галковский втискивает Европейскую Россию в силуэт Франции в рамках совсем другой традиции восприятия этой страны в России начала XX века. В 1910 году Владимир Иванович Вернадский пишет жене из Франции:

Париж всегда так тесно связан с столь многим в моей молодости. Я так много здесь передумал и потому я всегда возвращаюсь к нему с удовольствием. И странно, как-то жаль, что время движется — а между тем ведь вся красота Парижа в этих сохранившихся наслоениях огромной былой, культурной и созидательной жизни. Странно, отчего жаль прошлого — когда в сущности все миг один!..²⁰⁶

13.3. «МИСТЕРИИ ЕВРАЗИИ» А. ДУГИНА

Если стембарь-постмодернист доходит в своем освоении визиотипа до минималистских решений в духе окукливания России до размеров Франции у Дмитрия Галковского, то неоокультист-евразиец отвечает на вызов времени и распад империи вторичной, или виртуальной, глобализацией Руси. Лидер этого направления в посоевской России — «конспиролог» Александр Дугин — предлагает в своей книге²⁰⁷ совершенно новую концепцию мистической роли России в мире (древнем и новом). В рамках нашей темы особый интерес представляют украшающие труд Дугина карты. Они преобразуют визиотип *карта нашей Родины* с невиданным доселе размахом. Привожу здесь оккультную картографию А. Дугина в том виде, как она представлена в указанной книге, и с авторскими подписями к схемам (ил. 123—129).

Оснащенная всепобеждающим мифологическим арсеналом сакральная география Дугина отражает картину мира, бесконечно

²⁰⁵ МАНДЕЛЬШТАМ О. Собр. соч.: В 3 т. / Под ред. Г.П. Струве и Б.А. Филиппова. Вашингтон; Мюнхен, 1967. Т. I. С. 41—42.

²⁰⁶ Страницы автобиографии В.И. Вернадского. М.: Наука, 1981. С. 234—235.

²⁰⁷ Дугин А. Мистерии Евразии. М.: Арктогея, 1996.

далекую от школьных учебников географии, но спиритуально близкую той, что мы увидели на глобальном пяточке Манежной площади в Москве (ил. 33—34) или на живописном полотне Ларисы Емелиной (ил. 105). Такая картина мира способна выдержать любые исторические испытания, поставляя пустотному дискурсу неисчерпаемые риторические ресурсы. Дугина интересуется не плоская повседневность, но бездонная глубина того, что он называет Nirukta; Дугин объясняет эту нирукту так: «индуистский принцип сакральной лингвистики, учитывающий не этимологию слов, а их созвучие мантрическим фонемам»²⁰⁸. «Мантричность» русских фонем позволяет найти для любого географического названия в любой точке мира сакральное русское пра-имя, и это заставляет Дугину представлять карту всего Восточного полушария как сакральную геометрию России, из напряженных дуг²⁰⁹ или сомкнутых кругов которой извлекаются все более захватывающие и всеобъясняющие символы.

13.4. «НОВАЯ ХРОНОЛОГИЯ» А. Т. ФОМЕНКО

Жажда непротиворечивой всеохватывающей картины исторического мира обуревают и других мыслителей, когда те восполняют словесными средствами господствующий в сознании визиотип. Так, зачарованный симметрией исторических описаний математик предлагает наглядный срез исторического пути России и Европы в трех соотносимых формах — как хронологическое древо, живописный полиптих и, наконец, этимологический экскурс²¹⁰. Эстетическая предпосылка исторической концепции Фоменко, — как бы ни оценивали ее профессиональные историки, — вскрываемость смысла как ‘сознательно утаенной от нас с вами истины’. Эта истина должна ‘обнажиться после того, как исследователь разобьет скорлупу лишнего’, отменит обман фальсификаторов. Тогда станет ясно, что

Батый — это попросту слегка искаженное слово «батьа» = отец. У казаков до сих пор их предводителя зовут «батькой». Итак, Батый = казачий батька, русский князь. [...] Мамай — это христианское имя, до сих пор присутствующее в наших святцах в форме Мамий. *Совер-*

²⁰⁸ Дугин А. Мистерии Евразии. М.: Арктогея, 1996. С. 61.

²⁰⁹ Похоже, что дугинские «дуги» тоже несут в себе мантрические черты, шифрующие от непосвященных имя самого автора-мистагога (см. разъяснения Дугина к ил. 115).

²¹⁰ Фоменко А. Т. Критика традиционной хронологии античности и средневековья (какой сейчас век?). Реферат. М.: Механико-математический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 1993. С. 192—193, 209—224.

шенно ясно, что это слегка искаженное «мама», «мамин», т.е. «сын матери». Таким образом, имеем классическую пару имен: Батый — от слова «батька», «отец», а Мамий (Мамай) — от «мамы», «матери»²¹¹.

После этого не приходится удивляться геополитической логике автора, согласно которой происходит расширение России от Китая до Балтийского моря. «Монголия» — это, по Фоменко, искаженный греческий перевод слова «Велико-Россия», а Литва — это «Латинская Россия»²¹². «Совершенная ясность», как он говорит, смысла подобных высказываний лежит не в плоскости истории или языка, а на поверхности изобразительной картины мира, в которой Советская Россия накрыла своим розовым единством евразийский мир от Клайпеды до Улан-Батора:

Пойдем,
мимоходом с тобой говоря,
что наши и лес,
и река,
и моря,
и горы до самой вершины,
что наши на эту планету права,
уверены — это не только слова,
конечно — ненарушимы²¹³.

Советская идеологическая матрица не нуждалась, как видно, ни в какой этимологической легитимации. А.Т. Фоменко не удовлетворен словесно-схематическим представлением этой картины и в приложении к хронологическим выкладкам воспроизводит черно-белую копию собственной историософской живописи (ил. 130).

Для того чтобы лучше понять осваиваемый Фоменко механизм «обращения в сыновья Батыя», попробуем вслушаться в стихотворение Николая Алла, эмигрировавшего в 1920 году, двадцати с небольшим лет, в Китай:

Куда летят мои мечты,
былое воскрешая...
Родные степи, Кремль, Батый —
то ты, о Русь святая.

²¹¹ Фоменко А. Т. Критика традиционной хронологии античности и средневековья (какой сейчас век?). Реферат. М.: Механико-математический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 1993. С. 175—177.

²¹² Там же. С. 172—173, 179.

²¹³ Корнилов Б. Красная поляна [1936] // Корнилов Б. Стихотворения и поэмы. М.; Л.: Советский писатель, 1966. С. 260; ср. новую поэтическую ориентировку в разд. 17.

Средь ночи слышу перезвон
московских колоколен...
Москва, Москва — ты мой амвон,
люблю тебя до боли²¹⁴.

Трудно заподозрить автора в метонимии, толкуя имя Батые, например, так: 'подвиги, совершенные предками, защищавшими Русь от набегов'. Здесь в нерасторжимом единстве представлена глубоко усвоенная школьная историческая матрица: свое и чужое культуровые имена образуют прочную амальгаму. Возможно, именно это настроение руководит людьми, когда они отвергают излишне критичный, по их мнению, не столько различающий взгляд на русскую историю советского периода, сколько разящий, оскорбляющий ее.

При всем несовпадении словесных, математических или историософских ресурсов, привлеченных для построения конструкций А. Фоменко, Д. Галковского, А. Дутина и В. Цымбургского, в самой их установке на цели и способы выявления геополитической истины можно увидеть общую исходную составляющую — географическую карту-картину мира. Карта — ориентационное поле, подвергшееся катаклизму, каких не происходило с их страной с самого 1917 года. Эмоционально-интеллектуальную реакцию на такой катаклизм полезно держать перед глазами как символ, который если и не ключ, то уж во всяком случае — замочная скважина, через которую можно увидеть самосознание русских людей после исчезновения остановившейся во времени сверхдержавы. Стоит вспомнить, как в эпоху другого планетарного катаклизма — после революции 1917 года и последовавшей Гражданской войны, в России из-под пера ученых-естественников выходили родственные по пафосу и разоблачительным целям памфлеты, предлагавшие новую картину мира и распространявшие среди читателей глубокое презрение к наблюдаемой действительности²¹⁵.

²¹⁴ РПК. С. 43.

²¹⁵ Именно таков был, например, К.Э. Циолковский: Забелин И. М. Очерки истории географической мысли в СССР. 1917—1945 годы. М.: Наука, 1989. С. 158—162.

14

ВИЗИОТИП РАССЕЯНИЯ

Сколь ни ярки рассмотренные выше фантазмагорические картины нового мира, не они одни определяют поссоветский идеологический дискурс. Слишком прямо в них совпадают интериоризированное идеологическое клише и зрительный образ, выстраивающийся в свободном речетворческом акте. Но бывает и иначе, когда визиотип освобождается от идеологического поучения слова. Такова судьба идеологемы *велика Россия, а отступить некуда*, — позади Москва. Черт И. Колгарева (ил. 85), умаявшийся с разделкой слишком крупной туши, — это одна из возможных крайностей непосредственного ернического переживания происходящих в России перемен.

Уйдем, однако, от карикатуры и философствующего оккультизма к прагматической картографической публицистике. На ил. 131 — карта к статье под названием «Велика Россия, в ней всем должно хватить места», изображающая основные миграционные потоки поссоветского времени. Читатель стоит перед необходимостью прочитать три различных послания, содержащихся в прямом значении текста статьи, в заголовке и в подробно описываемой в статье карте.

Название ее — фразеологический оксюморон: слова «Велика Россия...» требуют принудительного продолжения: «...а отступить некуда — позади Москва»²¹⁶. Принудительная ассоциация становится подтекстом слов «в ней всем должно хватить места»; подтекст, далее, выходит на поверхность уже в самой статье:

Из 17 миллионов квадратных километров российской территории лишь на 40 процентах земель люди могут обосноваться. [...] Потенциал размещения больших масс населения у нас весьма ограничен.

²¹⁶ Подробнее см. в словаре: Душенко. С. 170.

Наконец, в карте-схеме читателю предстоит отличать происходящее в действительности от того, что представляется желательным составившим ее специалистам «Гипрогора». Так, если вертикальной штриховкой на карте показана реальная основная полоса расселения, то расчерченные пунктиром квадраты показывают области, наиболее желательные для равномерного и полезного народному хозяйству расселения беженцев, — земли, «которые можно и нужно теперь возродить к жизни». Установка 'где бы и как бы так расселить людей, чтоб это оказалось полезно стране', восходит к старосоветской схеме расселения депортированных, сосланных, помещенных в «исправительно-трудовые» лагеря или отправленных на комсомольские стройки (ил. 132). Обе схемы были опубликованы в близких по политическому направлению газетах с разрывом в три года. Они снабжены комментарием и поддаются сравнению именно как визиотипы-идеологемы, характеризующие различные способы взаимодействия с читателем.

В комментарии к ил. 132 сообщаются ставшие к 1991 году достоянием гласности сведения о числе людей, перемещенных в СССР только по этническому признаку (в задачу авторов карты-схемы и комментария к ней не входил учет, например, миллионов раскулаченных или представителей других истребленных сословий). Здесь сообщено, в частности, о депортации в 1937 году 120 000 корейцев с Дальнего Востока в Казахстан, в 1941-м — 400 000 поляков из оккупированных областей Польши, Украины и Белоруссии в Сибирь, в 1944-м — более 750 000 балкарцев, карачаевцев, крымских татар, ингушей и чеченцев, огульно обвиненных в «пособничестве немецким оккупантам» более 1 миллиона советских (поволжских, кавказских, украинских) немцев в 1941—1942 годах. В общей сложности речь идет не менее чем о трех миллионах насильственно перемещенных людей. Исторические события, стоящие за картой-схемой О. Глезер и П. Поляна, разыгрываются как внутреннее дело СССР и обнаруживают определенную логику. Наряду с раскулачиванием и высылкой в Сибирь миллионов крестьян, депортации компактно проживавших этнических групп представляли собой попытку ударного заполнения *человеческим материалом* малозаселенных районов. Это были первые шаги на пути создания — как казалось, всего через 2—3 поколения — однородной массы нового населения, призванного превратить пустыню и бывшую *тюрьму народов* в цветущую новую родину. Идеологическое визионерство (в данном случае, разумеется, не авторов карты — профессиональных географов, — но недоброй памяти авторов проекта депортации!) представлено здесь как продолжение Советским Союзом исторического продвижения России на восток, пусть и ценой неимоверного насилия и расхищения ресурсов.

К середине 1990-х годов, или пятьдесят лет спустя после завершения процессов, отраженных в ил. 108, Россия и другие страны — наследницы СССР снова превращаются в поле перемещения значительного числа людей, причем поначалу большинство попадает в вынужденные переселенцы снова по этническому признаку. Если Советский Союз 1930—1950-х годов, включая в себя или в сферу своего влияния все новые территории, перераспределял их население внутри своих обширных, но островных просторов, стараясь, если говорить на вышеописанном языке мыслителей-органиков, «переварить» их в «перистальтике архипелага», то в посюветской России идут события другого рода. Это и обширная собственная эмиграция (в США, Израиль, Германию), и еще более обширная транзитная миграция (ее потоки шли с конца 1980-х из Казахстана в Германию, из Афганистана, Средней Азии, с Кавказа в Европу и США и т.д.), и иммиграция (в основном с юга и юго-востока). Сакраментальным числом в посюветском политическом лексиконе стали 25 миллионов — столько русских, по последней советской переписи, проживало вне Российской Федерации накануне распада СССР²¹⁷. Это число держат в уме и создатели карты из «Гипрогора», и, например, автор статьи в «Известиях» — после распада СССР эти 25 миллионов мыслятся выпавшими из гнезда или оказавшимися за бортом:

За пределами России в СНГ и странах Балтии сейчас проживают около 25 миллионов собственно русских и еще более 10 миллионов человек, связанных с ними родственными и иными узами. Далеко не все из этого множества людей желали бы покинуть места своего нынешнего пребывания²¹⁸.

Подчеркивая, что речь пока не может идти о возвращении переселенцев на их историческую родину, автор статьи говорит о возможностях управлять потоками грядущей массовой миграции. При этом авторы карты-схемы предлагают наблюдателю разную степень наглядности: пониже — для обслуживания того, что уже происходит, повыше — для указания на предвидимое развитие событий:

Тонкие стрелочки, устремленные остриями вовне, это направление эмиграционных потоков — в Западную Европу, на Ближний Восток [имеется в виду Израиль], к берегам Американского континента [...]

²¹⁷ Ср., например, такое суждение: «В Ближнем Зарубежье оказалось 25 миллионов русских практически на положении „негров“ (неграждан)» (Эпоха в штампах и жаргоне. Толковый словарь ельцинизма // Ленинский путь. 1996. № 24. С. 3).

²¹⁸ Беликов В. Велика Россия... // Известия. 1994. 10 декабря.

Острые ветвящиеся стрелы, со многих направлений проникающие в глубь российской территории, обозначают пути вынужденной стихийной миграции соотечественников из бывших союзных республик. Они дополняются массивными черными треугольниками, показывающими передислокацию наших армейских контингентов из Прибалтики, Восточной Европы и Закавказья. Вдоль широкой дуги, охватывающей все Приполярье, видны символы, обозначающие «волны» возвращающихся в более теплые края россиян, *живших и работавших* долгое время на Севере²¹⁹.

Представив такую картину, авторы могут далее развить основную тему: Россия вынуждена расселять вновь прибываемых соотечественников в «рекомендуемых для приема переселенцев регионах». На западе это Нечерноземье от Пскова до Костромы, в центре — южные районы Западной Сибири, на Дальнем Востоке — малозаселенное пограничье Хабаровского и Приморского краев. Итак, теперь уже потомки тех, кто однажды — в порядке целенаправленного освоения так называемых отдаленных районов — был рассеян за пределами России, сами должны, по изложенному в статье замыслу, селиться на новых местах, которые можно и нужно теперь возродить к жизни:

[...] В качестве приоритетных регионов и рекомендованы области, позволяющие наиболее полно сочетать условия расселения мигрантов с потребностями новой, развивающей свои производительные силы России.

Итак, в рамках предлагаемой идеологии «достойным возрождения» объявляется территория, место, а «производительные силы России» вынужденно противопоставляются живым людям, их, эти силы, собственно, и переводящим на благо отечества.

Не случаен в этом контексте и всплывший в статье фразеологизм, перекочевавший в литературный язык из жаргона сотрудников НКВД: *жить и работать*²²⁰. В центре планирования по-прежнему — не нужда и воля отдельных людей или даже пересе-

²¹⁹ Беликов В. Велика Россия... // Известия. 1994. 10 декабря.

²²⁰ Обозначу некоторые этапы укоренения этого редко теперь узнаваемого административного жаргонизма: «Хорошо у нас в Стране Советов. / Можно жить, работать можно дружно. / Только вот поэтов, к сожаленью, нету, / Впрочем, может, это и не нужно» (В. Маяковский, «Юбилейное», 1924); «Мы снабдили деревню десятками тысяч тракторов и сельхозмашин, разбили кулака, организовали колхозы и дали крестьянам возможность жить и работать по-человечески. Теперь деревню уже нельзя назвать мачехой для

ленческих масс, но административно-хозяйственно отчеканенные «потребности новой России».

Реальность ушла в сторону от этих прогнозов. Выясняется, в частности, что основную массу внутренних мигрантов составляют отнюдь не только этнические русские, бегущие от межнациональных конфликтов и нищеты. Поток беженцев, или тех, кого на бюрократическом языке называют *вынужденными переселенцами*, воспроизводит всю этнокультурную пестроту советского времени, с ее высокой долей смешанных браков, а главное — с необычайно высокой подвижностью тех, кого на бюрократическом языке называют *торговыми меньшинствами* (ил. 133), а в просторечии — *черными, чурками, чучеками* (см. ниже, разд. 15) или *черножопыми*, — выходцев с Юга — как с российского Северного Кавказа, так и из-за Кавказского хребта, из других отложившихся колоний²²¹. Старая советская идеологическая матрица принимается идеологами «острова-России» в пику реальному современному переселенческому потоку с Юга и Юго-Востока на Запад и Северо-Запад. Объявленной «островом» России приходится служить огромной узловой станцией, где транзитные пассажиры западнойской ориентации задерживаются лишь ненадолго. Спасительной пристанью, у которой можно осесть всерьез и надолго, Россия становится для

крестьянина» (Сталин И. Новая обстановка — новые задачи хозяйственного строительства. Речь на совещании хозяйственников 23 июня 1931 года // Сталин И. Сочинения. М.: Государственное издательство политической литературы, 1952. Т. 13. С. 53); «Поработать надо! — криво усмехнулся Меркулов. — В ящик сыграть всегда успеете. Потрудитесь сначала на благо Родины! Побывайте, голубчик, на 70 параллели. Ведь это же так интересно! „Жить будете!“, как говорят у нас. Вы не умеете говорить на нашем языке. Не знаете лагерных выражений, родившихся там, в Заполярье. Услышите! Станете „тонкий, звонкий и прозрачный, ушки топориком!“ Ходить будете „макаронной“ походочкой! — расхохотался генерал. — Но работать будете! Голод вас заставит! [...] Сколько раз я вспоминал слова Меркулова, ушедшего из жизни легкой и короткой дорожкой. „Жить будете!“ — говорил он отцу и мне. — „Жить и работать!“ И мы „жили“, для того чтобы работать на стройку великого социализма. Работали, для того чтобы жить!» (Краснов Н. Н. Незабываемое. 1945—1966. Сан-Франциско: Новая Жизнь, 1957. С. 78, 129); «Недавно приятель-генетик как бы в шутку сказал, что, пожалуй, согласился бы жить и работать в сталинской тюрьме-шарашке, лишь бы его избавили от навязчивых мыслей о хлебе насущном и обеспечили хорошими реактивами, необходимыми для его исследований» (Самахова И. Большой скорее жив... Новосибирский Академгородок пытается устоять // Литературная газета. 1996. 20 ноября. С. 12).

²²¹ Так, десятикратно за десять лет выросло число проживающих в Москве азербайджанцев, составлявших в 1998 году до 10 процентов населения города

тех мигрантов, кто в прежней жизни сталкивался с еще худшими условиями существования или не в состоянии добраться до более благополучных стран. Именно эта фильтрующая роль Российской Федерации быстро сокращает западное и западническое начала русской жизни, попутно наращивая восточную составляющую и помогая правящим президентам, субъектов федерации поддерживать традиции самодержавия, или *азиатчины*²²².

Открывшись, как могло показаться в разгар горбачевской перестройки, свободному, но прагматичному Западу, русский мир ельцинского периода начал проникаться ценностями деспотично-алчного Востока, далеко отойдя от идеалов, декларированных победителем августовского противостояния 1991 года (ср. ил. 139).

В западническом интеллигентском дискурсе *европеизм* кажется знакомым и своим, *азиатчина* же — чужеродной для русской жизни²²³. А между тем Азия, Восток — обыденные, а не идей-

(Гессен М. Страх побеждает всех. Каждый десятый житель Москвы — азербайджанец, но община беспомощна перед произволом милиции // Итоги. 1998. 19 мая. С. 18—19). Ср. характерное письмо, отражающее реакцию так называемого простого, или малограмотного, человека на бегущих в Россию новых соотечественников из старой империи: «Почему все эти армяне ялятся в состав России? На черта они нам здались? Не нужны они нам! Я их видеть не могу! И всю эту нёрусь! Понаехали из Карабаха. У нас своих подонков полно, а с их приездом преступность увеличилась. А вы знаете о том, что эти „бедные беженцы“ выстраивают трехэтажные дворцы высотой с пятиэтажный дом? Что у них у всех иностранные машины, что в ресторанах сидят эти черные гады. На нашей земле чувствуют себя хозяевами. А мы — никто. Нас обещают перерезать и выгнать из России» (С-ва А. [Пятигорск, Ставропольский край]. Письмо на «Радио Свобода», 20 февраля 1994 г. [орфография оригинала] // Бремен, Исторический архив Института Восточной Европы. Ф. 13). Ср. эту тему в бестселлере популярной писательницы-детективщицы: «Беженцы мы, — добавила она. — Из Таджикистана. От нас тут все шарахаются, как от чумных» (Маринина А. Иллюзия греха. Роман. М.: ЭКСМО, 1997. С. 6).

²²² См. подробнее: Мурашов В. «Крыша поехала» на Запад? Пожелайте ей счастливого пути. «Утечка умов» из России может стать выгодна нашему государству // Мегapolis-Экспресс. 1992. 16 декабря; Иконников О. А. Эмиграция научных кадров из России: сегодня и завтра. М., 1993; «По оценкам социологов, каждый пятый специалист и четверть выпускников вузов намерены уехать за рубеж при условии, что им будут предоставлены рабочие места» (Иванов А. Не шлите им вслед проклятья. «Утечка мозгов» как новый исход интеллигенции из России // Гражданин России [еженедельник]. 1993. Декабрь. № 15).

²²³ «Азия(я)тщина: противоположные европейским обычаям, т.е. грубые; отсутствие цивилизации. Ср. К ручке слуги не подходили: эта азиат-

ные, — составляли стержень русской повседневности: все зависит от оптики наблюдателя и готовности проецировать эстетическое измерение общественной жизни на социокультурную реальность.

В первом томе воспоминаний Павла Николаевича Милюкова есть такой эпизод:

Жюль Легра привез с собой [в 1881 году в Москву] живую и остроумную книгу берлинских наблюдений: «Афины на Шпрее», которая очень выгодно его характеризовала. Чтобы подчеркнуть его наблюдательность, припомню один эпизод: мы шли вместе из моей квартиры на Плющихе к Арбату, на углу Арбата и Новинского бульвара тянулась полукругом линия низеньких бакалейных и мясных лавок; над ними стоял молодой месяц. Легра остановился перед этой картиной как вкопанный. «Tiens, да ведь это — Азия!» Я был поражен: никогда я не думал, что Азия начинается так близко от моей квартиры. Потом, путешествуя по караван-сараям настоящей Азии, я всегда вспоминал это восклицание Легра. С этого времени мы с ним подружились²²⁴.

Не слишком ли много внимания уделяется здесь какому-то мелкому замечанию заезжего француза («французик из Бордо, надсаживая грудь...»)? Думаю, что нет: стоит вспомнить превращение в кочевой восточный базар стадионов и площадей у станций московского метро (ярмарочные ряды, «оптовки» и т.п.), чтобы понять оптику Легра. Что за этой экзотикой, за таинственной суетой? Круговая порука, поголовная продажность государственных чиновников и непрозрачная иерархия ведомственно-территориальных единиц, высокий социальный статус мафиози — эти и многие другие признаки азиатской метрополии читаются при должном внимании по немногочисленным, но хорошо наблюдаемым признакам²²⁵.

Это — та Азия, портрет которой — после распада СССР и миграции сотен тысяч русских в Европейскую Россию — мы найдем у поэтов 1990-х годов:

щина была давно отменена». Тургенев, «Новь»; «Мы — европейские слова и азиатские поступки». Щербина» (Михельсон М.И. Ходячие и меткие слова. СПб., 1896. С. 3).

²²⁴ Милюков П. Н. Воспоминания (1859—1917). Нью-Йорк: Издательство имени Чехова. 1955. Т. I. С. 116—117.

²²⁵ Скажем, достаточно увидеть распространенные в городах России гаражи типа «ракушка» (ил. 134), чтобы понять атомизированность русского социума, входящую в комплекс азиатчины и являющуюся оборотной стороной всякого принудительного коллективизма.

Горе младенцу, зажавшему в деснах чужой сосок,
Словно пастуший бурятский степной рожок.
Щедрая Азия, бродит во мне твое молоко.
А во хмелю, как известно, нежить — умирать легко.
Беглым волчонком прижавшись к твоей груди,
Я умоляю, Азия, прошу тебя — пощади!
Мне ли тягаться в славянской заросли вековой
С верным твоим прицелом, слезкою роковой?..
Горе плюющим в колодец небесных глаз,
Рвущимся в темный, раскосый, как лисий лаз.
Ибо не всякий пришлый, встречаемый наугад,
Суженый твой и боженный молочный брат.
Горе тому, чей рот раскроив клинком,
Глотку залили доверху — страстью ли, кипятком.
Ибо потом, невзирая на светлый лик,
Выдашь себя чередою сплошных улик.
И раздвоясь, как лукавый язык змеи,
Чуешь спиною смерть, а лицом твои
Лживые губы, Азия! Воздух ловя рукой,
Переменяешь пространство нежностью и тоской...²²⁶

Скрывавшееся в советский период преобладание так понимаемого азиатского начала в русской жизни, — следуя поэтической метафорике — 'уже выпитого молока чужой матери', — приводит в недоумение и ужас многих участников русского дискурса. Приведу фрагменты среза этого дискурса:

Глеб Павловский: Признаюсь Вам: меня настораживает такой скачок от наших бед и нехваток прямо к Миру миров. От азиатчины — к мировому лидерству. От европейской Азии — к азиатской Европе! Разве сегодня на повестке дня, честно говоря, не европеизация страны?

Михаил Гефтер: Надо понять, что мы называем «азиатчиной» и что «европеизацией». Отец последней в России — Петр, но так ли он чужд «азиатчины»? Европеизация России уперлась в рабство. Европеизируя это гигантское евразийское пространство, никакими другими средствами и способами не сводимое к единству, власть выступает в России в той роли и функции, которой Европа не знала: распоряжения человеческими судьбами, властью над судьбами²²⁷.

²²⁶ СЕМЕНОВА Е. Азия // День и ночь [Красноярск]. 1996. № 1/2 (10). С. 73.

²²⁷ Русские дома. Беседа Михаила Гефтера и Глеба Павловского // Ожог родного очага / Сост. Г. Гусейнов и Д. Драгунский. М.: Прогресс, 1990. С. 262—263.

Распряимся от давящего груза «среднеазиатского подбрюшья»²²⁸.

Спор между «демократами» и «патриотами» — это новый вариант вечного спора о том, где находится Россия — в Евразии или (как пошутил проф. Милюков) в Азеопе? «Азиатский» — слово, по-русски звучащее плохо. «Не поймут, Азия-с», — вздыхает в известном анекдоте даже такой сомнительный европеец, как поручик Ржевский²²⁹. «Азия-с» — это лень, грязь, скука, невежество. Это вечный русский бардак (кстати, «бардак» — слово турецкое, переводится как «станкан»). «Азия-с» дремлет в России, как туберкулезная палочка²³⁰.

Самое же главное, что мы начинаем ориентироваться на Восток, а не на Запад, выбираем позицию не цивилизованной европейской страны, которая ни за что не позволит себя унижить невыгодными сделками, а азиатской державы, чувствующей себя на позицию ниже, чем Европа или даже полу-Европа. В российской политике мало цинизма, естественно, здорового цинизма, основанного на ценностях современной цивилизации и партнерских отношениях. Отношения с Западом, с западными республиками СНГ, с теми партнерами, которые не очень-то нас уважают, важнее для России, чем смешные и кроваво-трагические глупости кавказцев²³¹. Там, в костеле, было культурно и ненапряженно, не было чувства порога, как в русской церкви. И после этого православие — это все-таки Азия, и Москва — это тоже Азия, да и мы сами. И почему я — азиат московский — должен становиться европейцем? — И мне подумалось — не то чтобы измена предкам — нет, не знаю, что именно, но больше не пошел²³².

Очень важно все-таки сохранить меру, не перегнуть палку, не дать возможности некоторым нашим умельцам загнать нас в беспросветную азиатчину²³³.

²²⁸ Солженицын А. И. Как нам обустроить Россию? // Комсомольская правда. 1990. 18 сентября (перифразировка слов У. Черчилля о Балканах — «мягком подбрюшьи Европы», ср.: Душенко. С. 79).

²²⁹ Соколянский имеет в виду следующий анекдот 1970-х гг.: «Корнет Оболенский на приеме у генерала предлагает поручику Ржевскому: „Развлечем публику, поручик, — нассым в рояль в две струи!“ — „Да что вы, корнет, не поймут: Азия-с“».

²³⁰ Соколянский А. Низвержение в Азию // Столица. 1992. № 34 (92). С. 1—3.

²³¹ Быстрицкий А. Чувство меры — это все // Независимая газета. 1992. 21 октября.

²³² Ерофеев В. Карманный Апокалипсис // МулетаЪ. М.; Париж, 1992. С. 32.

²³³ Котов В. Путь России к рынку: победа или поражение? // Независимая газета. 1992. 13 марта.

Департамент — в азиатских странах ткни росток в землю, и вырастет департамент. [...] Наша жизнь — азиатский вариант добружуазного общества²³⁴.

Как всегда, дело у нас на втором месте. Т.е. западный практицизм на втором месте. А на первом — азиатские, скифские наши начала — вера и жертва. Маниловщина и есть — мирная пугачевщина. На деле — азиатская идея веры и жертвы²³⁵.

— На каких же условиях богатые американцы берут в дом русских служанок?

— Бесплатное размещение, питание, одежда — все это в Америке стоит немало. Чистой же валюты собираются платить 200 долларов в месяц. Мы будем вести переговоры, оспаривать эту заниженную сумму, иначе выходит, что наших девушек ценят на уровне индианок...²³⁶

Новая форсированная модернизация при большевиках, означавшая интенсивное движение в сторону западной цивилизации, также привела к далеко идущей «азиатчине»...²³⁷

Вчера [во время революции и Гражданской войны] необходимо было, опираясь на подонков общества, перерезать европейскую верхушку, обреченно сопротивляющуюся азиатизации России. [...] В 1917 году выяснилось, что Россия 20 лет притворялась Европой. В 1990-х годах выяснилось, что 75 лет Азией Россия тоже притворялась. [...] Русские — европейцы и по азиатским законам жить никогда не смогут, всегда будут проигрывать даже ничтожным грузинам. Русские не могут жить кланами, заниматься кровной мстостью, сохранять лицо после воровства и убийств. То есть могут, но сразу проигрывают. Они слабы. Но подождите. Как только русский человек дорвется до пульта управления государством, все его враги будут уничтожены в 24 часа. Вся правовая деятельность правящей верхушки РФ и СНГ подводит русских к простой мысли: «Надо бить». Ни в какие правовые игры с азиатскими правоведами играть не нужно. Никакой предпринимательской деятельностью в этой стране азиатских воров заниматься тоже не нужно. Надо захва-

²³⁴ ЛАЗАРЕВ В., ТУГАНОВА О. Круг понятий. М.: Гуманитарный фонд, 1994. С. 20, 43.

²³⁵ САМОЙЛОВ Д. Исаич. Из книги «Памятные записки» // Столица. 1992. № 27 (85). С. 17—18.

²³⁶ ЕФИМОВА А. Нас уже покупают. Почти задаром. Беседа с Игорем Халевинским, замминистра труда Российской Федерации // Столица. 1992. № 27 (85). С. 26.

²³⁷ ЕРАСОВ Б. Россия в евразийском пространстве // Общественные науки и современность. 1994. № 2. С. 60.

тить власть в государстве и провести европеизацию страны — реконквисту — через государство, через восстановление русской государственности, через поступательное развитие законов Тысячелетней России²³⁸.

Азия — в жопу лазила. Европа — сраная жопа²³⁹.

[Из дневника 1970 года.] Уже вполне очевидны очертания гибели Белой Цивилизации — тщеславной, лживой, жадной, онанистической. Черно-желтые будут долго еще воевать, утрясаться, распределяться по планетке, облучать и кушать друг друга, покуда не образуется всемирное тоталитарное правительство, которое наведет порядок техническим геноцидом. Править будут японцы, работать — китайцы, обслуживать — индомалайцы, развлекать — латиноамериканцы, отходы обрабатывать — негры, думать — два-три уцелевших еврея²⁴⁰.

Неузнавание большинством участников дискурса ненавидимой «азиатчины» в собственном способе мышления и отсутствие идеологической цензуры — чего стоит хотя бы публикация в 1990-х расистских откровений советского интеллигента 1970-х годов в последнем фрагменте — обнаруживают тот слой общественного сознания, на котором складывается общественное согласие.

Именно здесь формулируется проблема, объединяющая большинство носителей русского языка вокруг переживания распада СССР: участники дискурса оказались в стране, которую они не ожидали увидеть и которую теперь не готовы принять как реальность. Пустотный дискурс, разобранный выше, оказывается, при таком взгляде, лишь способом избежать внятного самоопределения. Для контраста приведу стихотворение эмигрантской поэтессы первой волны, в котором победы реальной Красной армии комментируются с самого дна индивидуально-группового опыта, динамика накопления которого может быть в сжатом виде представлена так: 'отказ от наличной реальности, идолопоклонство перед прошлым, некритическое оправдание собственной жизненной стратегии и некритическое признание новой реальности как воплощенного чуда':

²³⁸ Галковский Д. Стучкины дети. Случайное совпадение с дискуссией о новой Конституции РФ // Независимая газета. 1993. 9 июня.

²³⁹ Из языка семинаристов // Бирюков В. П. Словарь Исетского говора. Шадринск, 1923. Цит. по: Русский смехоэротический фольклор / Сост. С. Борисов. СПб.: Атос, 1994. С. 74.

²⁴⁰ Леви В. Левитация // Столица. 1994. № 31 (93). С. 59—63.

Проклинали... Плакали... Вопили...
Декламировали: «Наша мать!»
В кабаках за возрождение пили,
Чтоб опять наутро проклинать.
А потом вдруг поняли. Прозрели.
За голову взялись: «Неужели?»
Китеж! Воскресающий без нас!
Так-таки великая! Подите ж!»
А она действительно, как Китеж,
Проплывает мимо глаз²⁴¹.

Местом, или пространством, из которого Советская Россия предстает «градом Китежем», становится гипостазированное *рассеяние* — страны мира, взятые в аспекте убежища для спасшихся от гибели империи россиян'. Рассеяние — это конкретизированное, картографированное зарубежье. В первом харбинском сборнике Алексея Ачаира (1896—1960), вышедшем в 1925 году, читаем:

Мы живали в суровой Немегчине,
Нам знаком и Алжир, и Сиам;
Мы ходили по дикой Туретчине
И по льдистым Небесным Горам.
Нам близки и Памир, и Америка,
И Багдад, и Лионский залив.
Наш казак у восточного берега
Упирался в Дежневский пролив.
Легче птиц и оленей проворнее,
Рассыпаясь по тысячам мест,
Доходил до границ Калифорнии
Одинокий казачий разъезд...
И теперь, когда черные веянья
Разметали в щепы корабли, —
Снова двинулись в страны рассеянья
Мы от милой чумазой земли...
На плантациях, фермах, на фабриках, —
Где ни встать, ни согнуться, ни лечь, —
В Аргентинах, Канадах и Африках
Раздается московская речь.
Мы с упорством поистине рыцарским
подавляем и слезы, и грусть,
По латинским глотая кухмистерским
Жидковатые щи á la russe [...]
В академиях, в школах, на улицах, —

²⁴¹ Крузенштерн - Петерек Ю. Россия [28 июля 1944 года] // РПК. С. 261.

Вспоминая Кавказ и Сибирь, —
Каждый русский трепещет и хмурится,
Развевая печальную быль...
Не сломала судьба нас, не выгнула,
Хоть пригнула до самой земли.
И за то, что нас Родина выгнала, —
Мы по свету ее разнесли²⁴².

Но вернемся к поссоветскому переживанию роспуска СССР и начала 'эпохи внутреннего рассеяния'. Историкософам, расположившимся в надмирном пространстве газеты «Империя», легко объявить тех, кто честно, хоть и тщетно, ищет нового самоопределения в новых исторических условиях, 'крысами, не способными разбежаться, ибо они связаны хвостами' (ил. 135). Советский поэт-шестидесятник, оказавшись наедине с собственным гипостазированным персонажем, переживает острый приступ жалости к себе самому и к своему другу-поэту:

Что же делаешь ты, мать-и-мачеха — Родина, с нами со всеми?
От словесной войны только шаг до гражданской войны.
«Россияне» сегодня звучит, как «рассеяние».
Мы — осколки разломанной нами самими страны²⁴³.

После роспуска СССР карта России представляется идеологам хрупким, рассыпающимся пространством. Ход национально-культурной автономизации, или *парада суверенитетов*, мыслится как разламывание карты, отрубание или отламывание от нее кусков (ил. 136). Судьба России рисуется не как судьба Евразийского материка, но как разбегание островов архипелага, рассыпание осколков стеклянного шара:

Не склеить нам страну, что выпала из рук²⁴⁴.

²⁴² Ачар А. По странам рассеяния. Эмигранты // Там же. С. 67—68.

²⁴³ Евтушенко Е. Автор стихотворения «Коммунисты, вперед!» [1994] [стихотворение посвящено Александру Межирову, эмигрировавшему в США в разгар перестройки] // Евтушенко Е. Мое самое-самое. М.: АО «Х.Г.С.», 1995. С. 594. Любопытной особенностью стихотворной декларации Евтушенко является вольный или невольный намек на стихотворение Осипа Мандельштама о Сталине «Мы живем, под собою не чуя страны», — намек, усиленный мотивом 'разламывания чего-то в неловких руках', восходящим к тому же стихотворению («Его толстые пальцы, как черви, жирны, / А слова, как пудовые гири, верны...»).

²⁴⁴ Там же. С. 621.

Другой вариант этой эрозии — ‘превращение самой богатой страны мира в черную дыру’ (ил. 140). Это представление о распаде СССР как начале таяния самой большой на свете льдины и стало побудительным толчком к появлению экзотических «конспирологических» концепций и проектов.

15

РОССИЯ, ИЛИ СЕВЕРНАЯ АЗИЯ

«КОНСПИРОЛОГИЧЕСКАЯ», «геополитическая» или «сентиментальная» подкладки для визиотипа, скроенные по школьным картам тридцатилетней давности (ил. 137—138), не мешают, однако, развитию иной идеологии самоопределения. Ее приверженцы, не всегда обращаясь к потребной географической конкретике, приходят к выводам через разбор визиотипов самого массового медиума — телевидения. Анализ восприятия в России необычайно популярных в первые посюветские годы латино- и североамериканских телесериалов заставил философа и политолога западнического направления Татьяну Чередниченко заявить о смене глобальной ориентации России, о переводе идеологической стрелки:

За телелатиноамериканизацией стоит глобальное «потепление» нашего геополитического статуса. С культурной оси «Восток—Запад» (на которой координируются равновеликие, хотя и сущностно разные мировые образования) Россия — не ее властный истеб-лимент, а ее рядовое население (точнее сказать, самая рядовая и самая опорная его часть — женщины, которые, собственно говоря, и смотрят телесериалы) — переориентируется на цивилизационную ось «Север—Юг». А на этой оси субординируется сильно- и слабо-развитое государства. Население уже пребывает в ситуации «Севера на Юге», тогда как правители — все еще «Востока на Западе»²⁴⁵.

Новую идеологическую матрицу в рамках старо-нового российского государства как развивающейся страны Северной Азии Чередниченко находит на самом массовом из каналов массовой коммуникации. Подобно Виктору Ильину, Вадиму Цымбурскому,

²⁴⁵ Чередниченко Т. Санта-Барбара вчера, сегодня, завтра // Сегодня. 1995. 4 ноября.

Сергею Медведеву или Михаилу Ильину, созерцающим живую и подвижную географическую карту своего детства, Т. Чередниченко предлагает совершить обобщающий скачок от частного наблюдения над избранным ею визиотипом. Но приходит при этом к другим выводам о новой генеральной линии развития России.

‘Островитянин’ Цымбурский, ‘имперец’ В. Ильин, ‘русский европеец-традиционалист’ М. Ильин, ‘русский европеец-постмодернист’ С. Медведев мыслят категориями идеологической оси «Запад—Восток» и видят опасность для России, приходящей с обоих направлений. ‘Западница’ Татьяна Чередниченко опасается новой для России роли североазиатской державы со всеми признаками слаборазвитых стран современного третьего мира, или цивилизаций Юга, научившихся быстро наращивать военный потенциал, оставляя нетронутой социальную сферу. При всех частных расхождениях во мнениях мы видим здесь окончательный отказ от советской идеологии бесконечного расширения. Но визиотип ‘благотворности государственного приращения’, на котором воспитывалось поколение названных авторов, сохранился в дискурсе — пусть часто и на уровне карикатурных проговорок.

Возвращаясь от идеологема *азиатчины* к идеологеме *пустоты*, или *вакуума*, пытаясь словесно восстановить ее как показанный предмет мысли, философы пожинаят своеобразное интеллектуальное опустошение. Как безотчетное переживание оно требует от участников общения создания новой художественной реальности, для которой их *пустота/пустоты*, или *духовный (религиозный, политический* и т.п.) *вакуум*, стали бы парадоксальной опорой мысли:

«Воды Хаоса» — это кровь, это вино, это жизнь. «Катастрофа» — это заполнение пустоты между «сепаратными реальностями», изначальными водами, над которыми вновь витает Творящий дух²⁴⁶.

Новый отсчет времени, который Россия ведет, вероятно, с начала афганской войны, ставит перед носителями языка и захватывающую задачу новой ориентировки в историческом времени и географическом пространстве. Как всегда, этот визиотип первым показал своим соотечественникам поэт. Приведу здесь полностью балладу Евгения Рейна, подчеркивая картографический элемент:

День растаял и выкипел. На «Жигулях» мы покинули Алма-Ату.
И жара залезла за 45, и слюна запеклась во рту.
Был водитель наш поэт, и казах, и лихач. Он звался Мурат,
И теперь меня никакой чухломой о чучмеках не охмурят.
С нами третьей была подруга его, начинающий китаист.

²⁴⁶ Науменко А. Воды творения [апрель 1994 г.] // Тональ. Культура иррационального. М.: Мерлин-клуб, 1995. № 1. С. 20-23.

Был всего лишь июль, но влетел в стекло пропыленный горячий лист.

Эту девушку звали так: Танакоз — это значит Угольный Глаз. По дороге нагнали мы бензовоз и заправились, и понеслась... И подъехали мы к городочку Иссык, там, где в горы был поворот. И услышал я грубый знакомый язык и увидел чужой народ. Вечерело. Сиял Иссык под луной, и на улицах городка то и дело слышалось «Данке шен», «Гуте нахт», что значит «пока». Шли мужчины в отглаженных пиджаках, дети в гольфах и бантах шли...

Дойчланд, Дойчланд, ты все-таки в дураках. Дальше двинулись «Жигули».

Разожгли мы неяркий быстрый костер. Танакоз заварила чай. Мы заели говядиной помидор. Я сказал как бы невзначай: «Ты, кто дышишь невнятно в этот огонь, покажись, раздели бас-турму».

И в ответ он погладил мою ладонь и ушел за костер во тьму.

Он спустился, по глине скользя, к ручью. «Ты вернешься?» — его я спросил. —

Я тебя от тысячи отличу, я твоих двойников отшил.

Сколько раз подсылал ты фальшивую масть. Я был зол, но кончается злость.

И не надо вино и окурки красть, ты сегодня законный гость».

Он всплакнул в темноте, задохнулся, вздохнул, наш транзистор пролаял в ответ.

И тогда сказала мне Танакоз: «Это нам из Китая привет».

Ничего не добавила мне Танакоз, ничего не добавил Мурат.

Только слабоуклончивый, как наркоз, различил я лукавый взгляд. Вот Большая Медведица — здесь она опрокинулась вниз башкой; здесь другая, обманчивая страна, даже цвет у небес другой²⁴⁷.

Это жесткая Азия. Кто сказал, будто Азия — пух и шелк?

Конь монгола здесь тропы утрамбовал, и осман заточил клинок.

Упираясь задницей в талый лед, положив на Сибирь плечо, обогретый, расслабленный, темный живот колыхала она горячо.

Протянулись медвежьи лапы сюда, и башка перевесилась вниз, и в глазах зеленые полюса, словно Магнитогорск, зажглись.

И была в них сила, была печаль и усталая пелена.

Я увидел тебя и узнал тогда, перевернутая страна.

²⁴⁷ Мотив Большой Медведицы-России находим в перформансе Игоря Бурихина и в его "Оде Большой Медведице" (1974), впервые опубликованной в России в 1992 г.: Бурихин И. Мы на мертвой волне. М.: Библиотека альманаха "Весы"; Литературно-художественное агентство ТОЗА, 1992. С. 16 и след.

Что там перед тобою? Десяток лун? Индостана пещерный топор?
В черно-желтых проплешинах Мао Цзэдун вкось отводит
тигриный взор.

Где-то там броненосные острова за Цусимой нас стерегут,
на Аляске арктическая сова... И тогда он сказал: «Я тут!»
Этот тот, кто боялся к огню подойти, кто таился за нашей спиной,
кто за нами спешил, охраняя в пути, и стоял за чертою степной.
И теперь он вышел и сел к огню, отхлебнул из кружки коньяк.
Все предам, если надо, но сохраню то, что слышал, а слышал так:
«Подними-ка голову. Над тобой разбегается звездный газ,
вороненой воронкой стекает свет под разболтанный ватерпас.
То, что было, — случайный похмельный сон, малафья любовной
игры.

Десять тысяч лет ушло под уклон в поднебесье Большой Горы.
Даже первый привал еще не разбит, и не пройден водораздел.
Сакья Муни на камне внизу сидит, на тропе стоит Агасфер.
Никогда не закладывая головы, ибо истинный путь далек.
Что за бедные знаки — Медведи, Львы? Где здесь Запад, при чем
Восток?

Приглядишься, ты видишь? Всмотрись в зенит — там колышется
тень свечи.

Это время раскачивает магнит и разбрасывает ключи.
Рассыпается замысел, что песок, горсткой падает на ладонь.
Если понял что-нибудь, то — молчок. Отойди, ничего не тронь.
Тот, кто пыль опрокинул в песочных часах, начал заново свой
урок.

Только это пойми — остальное прах, остальное пустой упрек»²⁴⁸.

Не вдаваясь в анализ этого стихотворения как произведения словесного искусства, укажу только на развитие в нем визиотипа 'азиатской медвежьей туши', чья «башка перевесилась вниз», а «плечо подперло Сибирь»; это тело пригрело в своей шерсти всю болезненную историю взаимодействия России, СССР и снова России с дальневосточными соседями — с настоящей Азией: от Цусимского поражения русского флота в мае 1905 года до разрыва с Мао Цзэдуном полвека спустя.

Вернемся теперь к упомянутому в разд. 5 предложению Д. И. Менделеева об отказе от картографического «азиоцентризма» привычной карты Российской империи и СССР и прочитаем текст этого предложения как исторический комментарий к балладе Рейна:

²⁴⁸ РЕЙН Е. Ночь на китайской границе [1982-1993] // Дружба народов. 1995. № 12. С. 42-43.

Надо же помнить, что есть страны, — такие, как Великобритания, — имеющие владения во всех частях света, разделенные между собою громадными пространствами океанов, числящие в своей общей населенности более инородцев, чем владельцев страны, и в этих отношениях вполне отличающиеся от России, целой и единой, даже в пространственно-континентальном отношении, не только в народном. Изображение всей России на географических картах, однако, чрезвычайно мало удобно, именно по той причине, что она вытянулась с Запада на Восток от Польши до Берингова пролива. [...] Когда речь идет о России, тогда следует непременно иметь в виду изображение всей ее целиком. Когда же ее изображают в целом (чаще всего в проекции Гаусса) виде, то всегда, как видно и по прилагаемому небольшому эскизу, Новгородско-Московская или Царская Россия, составляющая родоначалие всей Империи и содержащая в себе центр ее населенности, является каким-то придатком, находящимся сбоку, так что получается общее впечатление о России как стране по преимуществу Азиатской. Но [...] в настоящую эпоху Россия все же во всех отношениях страна преимущественно европейская и только в малой или побочной степени азиатская. Россия, по моему крайнему разумению, назначена сгладить тысячелетнюю рознь Азии и Европы, помирить и слить два разных мира, найти способы уравновешения между передовым, но кичливым и непоследовательным европейским индивидуализмом и азиатской покорною, даже отсталую и приниженную, но все же твердою государственно-социальною сплоченностью. Поэтому я употребил немало усилий и попыток на то, чтобы найти такой способ картографического изображения всей России, в котором Европа сливалась бы с Азией и выступало бы ныне первенствующее значение Европейской России²⁴⁹ (ил. 142—143).

Не предчувствуя грядущего распада своей «целой и единой» империи, Менделеев надеялся на поступательное движение истории по программе ушедшего XIX века — века промышленной революции. Отдавая себе отчет в важности визуального образа, в проникновенности непосредственной наглядности, некритически отпечатывающейся в сознании²⁵⁰, Менделеев не успел внедрить в это сознание соотечественников свое видение России, вступившей в полосу революций, когда было не до карт. Да и могло ли столь сложное визиотипическое вмешательство помешать триумфальному шествию идеологии с ее проповедью сметенных границ и торжеством глобуса, легко вобравшего шар царской державы?

²⁴⁹ Менделеев Д. И. К познанию России. СПб., 1906. С. 144-146.

²⁵⁰ Вспомним «увиденную во сне» таблицу Менделеева.

Прошло сто лет, и менделеевская Россия лишилась самой значительной части своих европейских владений — Польши, стран Балтии, Украины, оставив за собой скромные выходы в Черное и Балтийское моря, но географически сделавшись в гораздо большей степени именно азиатской державой — новой северной соседкой Пакистана, Индии, Китая. Работа над новым визиотипом посюветской России идет полным ходом, и восточное направление этого движения проступает все более отчетливо. Меня в этой работе интересовала не реальная академическая или политическая картография, но лишь тот образ карты и границ, что претерпевает свои превращения в сознании людей, которым довелось — помимо их воли! — пережить небывалые исторические перемены и которым приходится теперь по-новому ориентироваться в мировом пространстве.

Вернемся к стихотворению Евгения Рейна: удивленный взор поэта упирается, дальше на севере, в отданную 'мудрым американцам'²⁵¹ Аляску. Тронув взглядом этот старый мир, где Будду еще зовут Сакья Муни, а Агасфер еще не ушел за порог и не начал своего вечного странствия, поэт приходит, наконец, к малоутешительному, но столь захватывающему выводу: путникам не удалось пройти, «ничего не тронув», песочные часы перевернуты, началось новое наполнение времени. Ощущение угрозы, содержащееся в концепте границы (см. разд. 3), приводит к неожиданной смене знакомой проекции. Так фигура речи преобразует привычную идеологему, а визиотип *карты нашей Родины*, заполнявший собою весь видимый мир, снимается — как маска с незнакомого и страшного лица. Эту, азиатскую, Россию мало кто ожидал увидеть после исчезновения СССР.

²⁵¹ Арктическая сова = аттическая сова = Афина!

ВИЗИОТИПИЧЕСКИЕ МОТИВЫ КАРТЫ РОДИНЫ В ПОЭЗИИ НОВОГО ВЕКА

В издательстве «Новое литературное обозрение» в 2001 году вышла антология новой русской поэзии, говорящая о себе, что она — «первая попытка представить литературу (поэзию, короткую прозу, визуальную поэзию) российских регионов. Литературу, ведущую живой диалог с Москвой и Петербургом, с другими национальными литературами всего мира»²⁵². С одной стороны, систематика эта ни на шаг не отступает от традиции, согласно которой столица (столицы) — звезда, чьи лучи могут произвольно выхватить из провинциальной немоты любой город, включая тот в «живой диалог» с собою. С другой стороны, составитель антологии не случайно говорит о диалоге этой поэзии «с литературами всего мира». Даже поверхностное знакомство с книгой свидетельствует: в поэзии представленных авторов личная топография, ориентация в «региональном пространстве» — это часть новой глобальной стратегии, новой открытости миру.

Она обнаруживается, разумеется, отнюдь не только, собственно, визиотипически. Вот пример того, как масштабы преобразования прежней картины мира делают поэта, например, из русского Борисоглебска поэтическим свидетелем событий, например, в румынском Бухаресте: стихотворение первого же поэта сборника — Андрея Сен-Сенькова «Убийство Леночки Чаушеску» описывает расстрел Николае и Елены Чаушеску в Бухаресте, показанный по телевидению, и заканчивается ключевым для всего сборника пассажем:

Я все время вспоминаю супругов Чаушеску, когда
мою жену просят подойти к телефону, называя ее
по имени-отчеству — Елена Николаевна²⁵³.

²⁵² Нестолничная литература: Поэзия и проза регионов России / Сост. Д. Кузьмин. М.: НЛО, 2001. 592 с.

²⁵³ Сен-Сеньков А. Открытие охоты на имена // НЛ. С. 19.

Пользуясь заданной составителем географической систематикой, представим визиотипический срез антологии Дмитрия Кузьмина. Мотивы даются в порядке поступления, т.е. в алфавитном перечне городов, откуда родом цитируемые поэты.

Мотивы: *'железная дорога', 'пустота', 'клетка', 'чай без лимона', 'чай без чая'; 'власть людей с кавказскими акцентами и азиатской внешностью'.*

ВЛАДИВОСТОК:

Страна виадуков и лестниц;
страна медицины и кладбищ;
я пуст, как товарная станция,
я чист, как дешевое право.
Печальные карагачи, опухшие провода —
страна одиноких причалов [...]
Направо? Налево?
Коней теряя —
странные шахматы: страна, как клетка.
...я плавлюсь на этой ладони,
прижатый небом к стране.
Страна, как чай без лимона,
и даже без чая...
Довольно.
Отметим свой выход
сожжением немногих страниц:
любовью в загаженном дворике.
Директор кавказских акцентов,
Начальник бурятских глазниц,
я — просто Двуногое дерево...
Позвольте пройти...²⁵⁴

Мотивы: *'опостылевшее чужое', 'недооцененное свое'.*

ВЛАДИМИР:

париж, париж..
так хочется домашних щей²⁵⁵.

Мотив: *'смерть в центре имперской сети координат'.*

ВОРОНЕЖ:

между россией и польшей, между краковом и москвою
ходила смерть, трогала мое сердце рукою
ходила, смотрела на все стеклянными глазами
пришла: отпусти меня в петербург на три года
только там буду счастливой

²⁵⁴ ДМИТРИЕНКО К. Страна виадуков и лестниц // НЛ. С. 39.

²⁵⁵ ТОГУНОВ И. // НЛ. С. 44.

там холера, чума, мерзкая погода
там целые толпы черного мертвого народа
ни одного не видела без стальной бритвы и топора
лягут под моими ногами как трава
хочешь и тебя возьму с собою
станешь моей правой рукою
будем плясать на имперской площади, над невою [...] ²⁵⁶.

Мотив: *'сила, открытость, опасность и смелость русских, обманываемых западными братьями'*

я не могу здесь больше
меня истер наждак
за твердым словом из письма из польши
нечестный, мой далекий друг, мудака
я произвольно говорю по-русски
тебя я на ночь детским кремом мажу
я за тобой бреду на белорусский
ты тоже на вторую полку ляжешь
доказано — здесь не живут такие
мои задумки не попали в дело
какие, блядь, мы сильные в России
открытые, опасные и смелые ²⁵⁷.

Мотивы: *'кости от края до края'; 'Родина = оплакивание'*.

ГУЛЬКЕВИЧИ:

[...] сквозь кости, усыпанные от Владивостока до Кенигсберга
[...]

В слове Родина столько горячих слез,
что эту живительную боль не избыть и на жизнь вперед [...] ²⁵⁸.

Мотив: *'удаленность чужого идеала'*.

ЕКАТЕРИНБУРГ:

франция искусственна как осень
затянувшаяся до апреля
в середине западной сибери
например так на урале я
бесполезно к франции тянулся
чтобы трогать пальцами культуру
на белесо-рыжем языке
прочь с работы и семье мешая
франции от этого-то что?

²⁵⁶ Анашевич А. Из «Польских песен» // НЛ. С. 51.

²⁵⁷ Рубахин К. // НЛ. С. 70

²⁵⁸ Полищук В. // НЛ. С. 79-80.

эхо океана ветром дышит
океан как франция далек
и такой же сине-бело-красный
желтый и зеленый светофор
перед ярко-красным загорелся
пропасть перед ней остановись
далеко от франции до ветра
далеко от ветра до меня²⁵⁹.

Мотив: *‘все едино, все мы — в жопе’; ‘в постсоветском мире Кафка и Ельцин тождественны’.*

Наждак откинулся, Витюня подсел
приняли Хэнка с той же ханкой
новости таковы что Ханой что Париж
что Свердловск пребывают все
где-то очевидно что исключительно в жопе и
выбираться желания нет никакого
желания просто нет [...]
какая вам разница Ельцин
пончики Кафка тетя Клава еще
пятьдесят наименований различных
из жизни и сорок восемь
выдуманных персонажей на цыпочках
и с ножами в ожидании поворота
переворота спины ли
НИИ горизонта ли вертикально
появление нового ли Мисимы
или как месиво что ли [...] ²⁶⁰.

Мотив: *‘идет Троянская война, но для нас она не более чем футбол’.*

Майн Шлиманн! Ты ищешь за Трою? Пустое, поверь мне.
Нескоро найдешь, коль закладывать начал за галстук. [...]
Гомер суетился и плакал. Все ждали пенальти.
И шел я одиннадцать метров к троянским воротам...
Повозкой назойливой сзади поехало время [...] ²⁶¹.

Мотив: *‘забвение собственной страны и обидная потребность придумывать чужую с размахом утерянной своей’.*

ИВАНОВО:

Придумаю я Голландию
с размахом во всю Вселенную,

²⁵⁹ Анкудинов М. // НЛ. С. 82.

²⁶⁰ Бахрушев И. // НЛ. С. 87—88.

²⁶¹ Уваров К. // НЛ. С. 107—108.

с кремлями и динозаврами,
с глазами и под зонтом.
Прости меня, ночь с игрушками,
прости меня, Тютчев с ласточкой,
зачем разбудил Державина
не помню в какой стране²⁶².

Мотив: *‘чужая своя страна возникает как принудительная ассоциация эвфемизма матерного выражения (Епонский городской) и начинает самостоятельное существование’*.

Все дело в том, что я городской не просто,
а Епонский, недосказанный и мягкий, на углу
мой пост, мой город, моя Епония, язык
мой враг (враги) порядка, то есть гармонии, и вот
на кимоно орел двуглавый
и рыба бьется на боку.
Порой я однорук — пустой рукав.
Порой я одноног — пустой сапог.
Порой люблю — пустая голова.
Всегда не цел, всегда немного не хватает, а кругом
Епонский город — я рискую невпазд как патриот.
В деревне невозможно жить: природа.
Когда бы знать, насколько узок глаз,
когда бы знать, насколько позволяет кодекс
последовательность и завершенность в мыслях
и поступках жопа
объективный коррелят²⁶³.

Мотив: *‘невозможность расставания насовсем, а только зимовка в чужом, оскверняемом твоим присутствием уюте’*.

После работы вздремнуть в замороженном гуле
(не мычи, янычар, а купи себе танкер законный)...
В зимних лучах — бриллианты, зашитые в стуле!
Рвать и метать пух и перья, терзать заоконный
Зальцбург! ...И там зимовать окривленной мордой —
старый пейзаж волоконный с вином и беседкой [...]
Рип ван Винкль, Муссолини, какая-то сука седая...
...Глубоко так сидит купи танкер гони себе в ту
неизвестную область где двинется главный механик
«навигация на хуй намылился» скажет едва —
и начнет рисова рисова рисова рисова рисова²⁶⁴.

²⁶² Бушув Д. // НЛ. С. 115.

²⁶³ Жуков И. // НЛ. С. 120.

²⁶⁴ Лакербая Д. Навигация // НЛ. С. 133.

Мотивы: *‘счастье Родине принесет снятие с нее испорченной головы’, ‘разоблачение неоправдавшейся москвофилии: вместо «Москва, как много в этом звуке для сердца русского слилось» — «Москва, как много в этом зву... Вороны матерятся наяву»; вместо грибоедовского «Карету мне, карету!» — «Ракету мне, ракету!»*
НЕ БУДЕТ СЧАСТЬЯ, КОЛЬ НЕ СЖЕЧЬ МОСКВЫ.

Нет полноты без этой процедуры.

Подкрасться ночью — много в этом звуку...

В Москву! В Москву! Ракету мне, ракету!

...Вороны матерятся наяву,

как Челубеи в пику Пересвету²⁶⁵.

Мотив: *‘приспособиться к современному миру значит стать переменимым, как его карта, уйти от мира, в котором ничего не происходило’.*

КАЛИНИНГРАД:

В день, когда небо было похоже на карту мира,

Ты сказала: Почему с нами ничего не происходит?

В день, когда небо было похоже на карту мира,

Ты сказала: Почему с нами ничего не происходит?

Со всеми что-то случается, только не с нами.

В день, когда небо было похоже на карту мира,

Ты сказала: Мы живем в эпицентре торнадо, в самом его глазу.

В день, когда небо было похоже на карту мира,

Ты сказала: Мы живем в эпицентре торнадо, в самом его глазу.

Все вокруг рушится, и только у нас тишь да гладь. [...]

Я хочу быть со всеми вместе, милый, сказала ты

В день, когда небо было похоже на карту мира.

Я хочу, ты сказала, почувствовать — каково им живется

В дни, когда небо похоже на карту мира,

Стать частицей этой подвижной карты...²⁶⁶

Мотив: *‘незнание чужих миров, но готовность изображать их’.*
(Надпись на изображении фрагмента плана Лондона)

Азь не был здесь:

River Thames,

Но руку приложил²⁶⁷.

(Изображение карты с координатами: Север—Юг, Я—Ты)

²⁶⁵ ЛАКЕРБАЙ Д. Одеколон // НЛ. С. 134.

²⁶⁶ МИХАЙЛОВ С. Cloudy Day Blues // НЛ. С. 167.

²⁶⁷ ТОЗИК А. Из цикла «Кириллица» // НЛ. С. 181.

Многие из них
не любят
пользоваться
телефонами и другими
механическими новинками
предпочитая
электронные способы
общения на
расстоянии²⁶⁸.

Мотивы: *'гниение Родины начинается не с головы, а с детородных органов'*; *'метео-исторические координаты нашего времени — ранняя зима 1941 года в ожидании подкрепления'*.

Падение листьев до уровня курса рубля
в пандан выпадению в осадок надежды и славы.
Леса в неглиже переплюнут наряд короля,
убравшего руки с руля дребезжащей державы.
И ты, коли гол как сокол, вправду кум королю,
с размаху ударив лицом в глинозем бездорожья.
Период распада времен и пора улюлю
над полем с полегшей вповалку заржавленной рожью. [...]
Вот Родина наша, гниющая не с головы,
из лона смердя тухлой воблой и старческой спермой.
Ужо нахлебаться нам трупного яда листвы,
пока вдругорядь не нагрянет мороз сорок первый.
Коль скоро вагиной беззубою шамкает век²⁶⁹,
гусям ли спасать семихолмие Третьего Рима?
Одно лишь и греет, что загодя выпавший снег.
Достало б тепла за душой перемочь эту зиму²⁷⁰.

Мотивы: *'Россия — Атлантида и град Китеж'*; *'Сибирь еще и не начинала исторической жизни'*; *'коварство азиатов не в первый раз одолевает Россию'*; *'трещина мира разделила его на жопу и небо'*; *'еврейский заговор соединил поцелуй в жопу с поцелуем топора на морозе'*; *'встреча советских идеологов, блатного жаргона и досоветских речевых клише в одном высказывании блокирует коммуникацию: фильтруя славянский базар, укрсахарпром, наколоть хохла, Черный квадрат Малевича и черный квадратик контурной карты, наша жизнь в зазоре между*

²⁶⁸ Давлетшин А. Визуальная поэзия // НЛ. С. 195.

²⁶⁹ Намек на анекдот 1960-х годов: — Что страшнее атомной войны? — Пизда с зубами!

²⁷⁰ Самойленко С. Падение листьев // НЛ. С. 207—208.

арабской вязью и переводом на идиш и мн. др.'; *'вся крайне неудачная историческая география России не отменяет божественного Промысла в ее судьбе и ее роли любимицы Провидения'*.
Зимняя ночь на краю Ойкумены в глухом
Богом забытом медвежьем за каждым углом
справа налево арабская вязь снегопада
только и света при музыке у камелька
к чаю Чайковский внакладку четыре куска
слишком лукава слащавая речь азиата
Сказочки Шехерезады язык без костей
ночь напролет что не ждали незваных гостей
сядешь с малиной на нарах вести тары-бары
сахар дефис рафинад не наколешь хохла
ухо на шухере сладкое слово халва
тъмутаракань за монголами сразу татары
У самовара фильтруя славянский базар
до Магадана в телячьих вагонах Макар
кожа да кости гоняет этапы галопом
вплоть до упора по тракту пардон не Арбат
в контурной карте Малевича черный квадрат
каменный уголь валютный оплот рудокопа
Через кулак и Медведиц считай в телескоп
с чепью на шее из ямы ну как протопоп
твердь ли в алмазах видать никогда Аввакуме
сделай козу-дерезу и ужо
кто двояспертием в небо а кто пальцем в жо
в трещину мира промежду рахат и лукума
Думая думу стучит по железу чугуна
не подкачай бы Колчак не в почете Кучум
чуть за Урал никакая Европа в натуре
чем Чаадаев не шутит сойдешь тут с ума
опыт утопии лесоповал Колыма
то бишь глубокая рифма в угоду цензуре
Выколи глаз евразийская ночка темна
как Достоевский роман только шиворот на-
выворот Гоголь на моголь шинель наизнанку
выйдя из коей тотчас попадаешь в ощиц
в лапы Морозова слова из песни ямщик
выкинешь чижика пил да гулял не Фонтанка
Мором ли язву надуло в Петрово окно
после потопа хоть в прорубь а там все одно
камнем на дно Атлантида но выплывет Китеж
Русь прирастет к топору языком Ломонос
вся поцелуй меня в зад на морозе в засос
это и есть наша жизнь в переводе на идиш

Не протопить мертвый дом ледяную избу
в круге последнем не то что в хрустальном гробу
руки согреть чем за пазухой в месте причинном
в космосе стужа летает топор по дрова
но и из черной квадратной дыры Рождества
светит звезда отвечая запечным лучинам²⁷¹.

Мотив: *‘Россия живет в эпоху вавилонского и египетского пленений одновременно’*

КУРГАН:

Семь египетских пирамид.
Темборо.
Застывшая вечность, высокие слова,
могучие, как мумии фараонов.
Ветер над Ираном и Месопотамией.
Живой дух летит треугольником по заснеженным
полям
еще не названной Сибири.
Балеарские острова, желтое солнце, рыжие муравьи.
Рыцарь бродит в снегах Сибири.
Он заблудился, отбился от крестового похода, потерял своего
оруженосца.
Боже, пошли ему горячего чаю²⁷².

Мотив: *‘лучше прозябать в собственном городе, чем блядовать в чужом, пусть и прекрасном’.*

НОВОСИБИРСК:

У меня на кофте
Надпись одна:
«PARIS».
Вот я и парю
*над Коммунальным мостом, Оперным театром, молодежью
напротив, работами всякими, коммерсантами...*
Интересно, а каково им в городе их французском?!
Столице всемирной Моды и Бляди.
Я думаю, то же самое:
*находчивая молодежь, коммерсанты, иногда коммунисты в
галстуках...*
Нет, уж лучше парить в Н-ске,
Чем хуй сосать в городе без работы,
Где никого не знаешь²⁷³.

²⁷¹ Самойленко С. Из «Зимних сказок» // НЛ. С. 209—210.

²⁷² Голендухин А. // НЛ. С. 234.

²⁷³ Просеков И. // НЛ. С. 337.

Мотив: *‘сумрак и однотонность Москвы не мешает чернокожей чужачке видеть яркую картину африканской родины’.*

ОБНИНСК:

Высокая девочка, темно-коричневой кожей обтянутая, колесит по Москве непогожей, легко балансируя в послеполуденном мире, по смыслу существенно меньшем деревни в Заире, где, впрочем, немыслима стынущая электричка, в которой она, отчего-то студентка-медичка, насупленно едет, но видит заирское утро, где жжет оперенье цветка дальнозоркое ультра²⁷⁴.

Мотив: *‘Татарский пролив = Сцилла и Харибда’.*

ПЕНЗА:

[...]

пятно мазуга, молнии кустистой разряд в ночи над Южно-Сахалинском, над Сциллой и Харибдой... К Геллеспонтю стремниной узкой ящик из-под мыла бесстрашно мчался, возбуждая воду к процессу стирки, словно сам был мылом, пока не сгинул в синих пузырях²⁷⁵.

Мотив: *Париж.*

ПСКОВ:

Накопить бы денег
да съездить в Париж..
а то какой же я получаюсь
к чертям собачьим
русский писатель
если не был
в Париже²⁷⁶.

РЯЗАНЬ:

Все на месте. Пьют боржом.
Бомж беседует с бомжом.
Подхожу поближе...
Снова о Париже²⁷⁷.

²⁷⁴ Литвинова Е. // НЛ. С. 350.

²⁷⁵ Нин В. [Вячеслав Сауинин] // НЛ. С. 356.

²⁷⁶ Маслов А. // НЛ. С. 378.

²⁷⁷ Калакин Е. // НЛ. С. 400.

Мотив: *‘еврейское общество перед бегством в Египет — вот моральное состояние общества’.*

САРАТОВ:

Брат-вода, ты твердеешь от взглядов моих,
будешь кровью, как перед Исходом,
чтобы, в городе новом проснувшись, омыть
корни древа теченьем свободным.
Самария-Самара, Тиверия-Тверь,
видно, райские русла продолжены сердцем
в эту плоть, что скулит, как прирученный зверь,
если пробует в небо вглядеться.
Брат-вода, здесь ты снег. Оступаясь в туман,
я прошу об одном — отнеси после смерти
отраженье мое в золотой Иордан,
из небесной пробившийся тверди²⁷⁸.

Мотив: *‘Россия провалилась под землю’, ‘подземная Россия смотрит со стороны на оставленный ею глобус в ожидании нового мессии, который задерживается из-за нарушения автобусного расписания’.*

ТОЛЬЯТТИ:

и вот это случилось
то о чем никогда не думали
то чего так долго ждали
то во что сразу не всем поверилось
РОССИЯ ПРОВАЛИЛАСЬ ПОД ЗЕМЛЮ
нью-йорк таймс сообщает — это случилось вечером
айриш таймс голосит — ну что же делать нечего
шпигель сконфуженно — куда выслать гуманитарную помощь
и никто не знал на поверхности
что жизнь под землей продолжается
GRAD-KITEZ уже возрождается
в третьем риме земля не нуждается
работник что чувствуешь?
РАБОТНИК — чувствую жизни сопутствую
директор как мыслишь?
ДИРЕКТОР — ты в этом ничего не смыслишь
фермер на что живешь?
ФЕРМЕР — ты зря меня зовешь
бизнесмен что читаешь?
БИЗНЕСМЕН — то, что ты в магазине считаешь
генерал откуда идешь?
ГЕНЕРАЛ — честь отдай едрена вошь
и подумала подземная россия

²⁷⁸ Рогов О. // НЛ. С. 453.

взирая на беспомощный глобус
грядет грядет грядет мессия
вот только опаздывает автобус²⁷⁹.

Мотив: *‘Россия — тело, оттаивающее под слоем вечной мерзлоты’.*

УФА:

Глухая державная твердь! — меня от себя отруби —
и боль испытай — и поверь, что люди твои умирают.
Любимый полуночный воздух — как будто болею — не сладок.
Завяз в вычислениях разум: таких не бывает объемов...
Слепая державная твердь! — тебя я несу как надсаду.
Но тяжесть равна пустоте, если она неподъемна.
Я мал, а страна широка — друг друга нам не разглядеть.
А надо, чтоб телом своим я чуял ее целиком.
И только брусок темноты, откуда вынута твердь,
подогнан по росту — впрытык.. А кто-то стучит оселком.
Дорога лежит, как бревно. Шаги меж собою срослись,
повисли на мне, как цепа, — но я не пытаюсь бежать.
А снег под ногами визжит (чужое страдание — слизь?),
как будто давя каблуком незрячих голых мышат.
Надсада сгибает все ниже — я вовсе не чую державу.
Я снег разгребаю — земля! — в холодные губы целую.
Чужая державная твердь сама себя побеждает —
восстала дремотою всей — летящие камни уснули²⁸⁰.

Мотив: *‘географическая карта сообщает глубинную правду о моей стране и обо мне, помогающем Африке из Уфы, расположенной далеко от Магадана и ближе к Москве’.*

На моей стене — голубой квадрат,
загадочно заляпанный пятнами материков:
неведомый мне художник перемешал краски,
помахал кистью, а затем махнул рукой —
Да будет так!
Знающие люди говорят, что моя комната
и все, что я вижу из ее окна, — находится
в этом квадрате. В пяти сантиметрах от Москвы,
в тридцати от Магадана...
И тогда я понимаю, почему я не бывал в Чикаго:
мой шаг излишне широк — я шагаю даже за полюс;
а впрочем, грех жаловаться — я доволен:
комнатный «Полюс» выкачивает лед свой
из пластмассовой скважинки под сердцем Африки.

²⁷⁹ Аявенго. Андерграунд Раша // НЛ. С. 489—490.

²⁸⁰ Банников А. Держава-твердь // НЛ. С. 526.

Я рад, что спасаю ее банановые пальмы,
таким образом, от замерзания²⁸¹.

Мотив: *'моя тюрьма — моя родина, граница которой определяется новой широкомасштабной войной'*.

ЯРОСЛАВЛЬ:

Я запер изнутри свою тюрьму.
На теплых нарах всех — по одному:
Шьет женщина, ребенок кашу ест —
Все на местах, и нет свободных мест.
Война еще юна, а я уже
В осаде на последнем этаже
С небритой рожей ощущаю кожей:
Граница нашей Родины — в прихожей²⁸².

Мотив: *'Россия нуждается в средствах самообороны и самоочищения от имперского прошлого'*.

По небу скитаются черные брови.
Стеклянные бельма горят, не мигая.
Земля отоспалась и требует крови,
А ты из пещеры выходишь нагая.
Ордынским дредноутом даль надымила,
Как будто взялась извести очевидца...
Подай тебе, Господи, шила да мыла:
Отбиться, отмыться и спать завалиться²⁸³.

Мотив: *'Ленин от долгого лежания в Мавзолее превратился в идеолога Третьего Рима'*.

Это Новый Царьград
На варяга расставил объятья.
Это музы галдят,
примеряя персидские платья.
Это, лисий лукум
В дальнобойных глазницах лелея,
Протопоп Вакуум
Прорастает из недр Мавзолея²⁸⁴.

Мотив: *'побег на Луну, куда никто не хотел'*.

Человек, управлявший Россией во сне,
Чего-то хотел от меня.

²⁸¹ Глинский В. Карта // НЛ. С. 529.

²⁸² Беляков А. «Говнистым девушкам я больше не потатчик...» // НЛ. С. 575.

²⁸³ Беляков А. [Родина] // НЛ. С. 575.

²⁸⁴ Беляков А. [Ленинская Москва] // НЛ. С. 576.

А мне было так хорошо на луне,
На склоне осеннего дня
Смотреть через желтое пламя костра
На гладкие воды реки,
Которую будут чертить до утра
Невидимых рыб плавники.
По черному небу текли облака
Сквозь голые ветки берез,
И весь управитель не стоил плевка
В бесклассовом обществе звезд.
И я вспоминал золотую страну,
Отечество это свое,
В котором никто не хотел на луну,
А только лишь был на нее²⁸⁵.

Приняв правила составления антологии, руководившие Дмитрием Кузьминым, можно увидеть, что мотив географического места — страны, ее имени, своего региона, имени родного дома, соотносимого с чужим, то в форме ернического отождествления с прелестным местечком (*locus amoenus*) чужбины, то взятого в качестве третьей точки опоры, — этот мотив объединяет захваченных им поэтов в одно дискурсивное поле. Составитель не сообщает о собранных под обложкой «Нестолничной литературы» авторах никаких сведений, кроме их «прописки» на момент публикации книги²⁸⁶. Таким образом, взгляд на представленные произведения как на единый текст не произволен и задан самим издателем-составителем. Как в названии книги, типологически родственном, например, известному советскому географическому бюрократизму «Нечерноземье», так и в обезличенном «регионы России» уже содержится меланхолическая установка на дискурс 'поиска утраченного, оставленного, заброшенного отечества, которое поэт, однако, не терял, которого не оставлял, о котором никогда не переставал думать'. Один из щедро представленных в сборнике поэтов — Александр Беляков из Ярославля, обэриут конца XX и начала XXI века. Беляков работает на нескольких идеологических горизонтах — школьном, объемлющем старорусское и советское начала («матушка Волга», «Муму» Тургене-

²⁸⁵ Рудис Ю. // НЛ. С. 581.

²⁸⁶ Например, в стихах ярославца Константина Кравцова нарисован поэтический образ сибирского, а не Европейского Севера: в стихотворении «Памяти отца» это «нашей лодки на Оби прозрачный дом», а в стихотворении «Лайка по имени Чат» остов околешего друга обнаруживается «в одной из неведомых северных ям» из области отнюдь не ярославской вечной мерзлоты.

ва), позднесоветском (тема 'мутантов', 'порчи, насланной на родные места', 'кафки') и, наконец, постсоветском (идеологема ускользающего безостаточно 'своего пространства'). Идеологемы культурно-географического горизонта мощно скреплены у Белякова мотивом наркотического транса:

По матушке Волге в осеннюю тьму
От горькой судьбы уплывает Муму.
Утоплена сказка, а быль — впереди.
Бульжник сияет у ней на груди.
В дремучих лесах, на крутых берегах
Народ православный стоит на рогах:
На руку тяжел, на раскаянье скор, —
Свернешь к бережку — попадешь под багор.
Знать, нет ей пристанища, кроме реки!
Где шлепали лапы, скользят плавники.
Нырнула, — и вот уже кровь холодна,
Русалка хвостом помавает со дна.
А в дальнем краю на простынке стеной
Бродячий хозяин болеет виной:
Немое пространство хватает в кулак,
Мычит — отелиться не может никак²⁸⁷.

Очевидная и здесь, и в других стихотворениях Александра Белякова перекличка с его поэтическим предтечей — Николаем Заболоцким²⁸⁸ завершает семидесятилетний цикл, включающий несколько поэтических поколений. Возможно, эту осознанную перекличку предлагается здесь понимать как указание на то, что в поэтическом обиходе созрел своеобразный русский антиглобализм — не как идеология, а как поэтическое сопротивление всякой новой идеологии и новой индоктринации 'воссоздания', 'возрождения утраченного'. Абрис старой карты отождествляется в таком ракурсе с бесконечно чужим, бесконечно враждебным:

По улице имени палача,
С карманами, полными сорных слов,
И справкой от лечащего врача

²⁸⁷ Беляков А. // НЛ. С. 573.

²⁸⁸ *Человек, владыка планеты, / Государь деревянного леса, / Император коровьего мяса, / Саваоф двухэтажного дома, — / Он и планетою правит, / Он и леса вырубает, / Он и корову зарежет, / А вымолвить слова не может* (Заболоцкий Н. А. Искусство [1930] // Заболоцкий Н. А. Стихотворения и поэмы. М.; Л.: Советский писатель, 1965. С. 235).

О том, что хронически нездоров.
Шарманка взамен триумфальных труб,
Сивуха взамен благородных вин,
А в небе кочует имперский труп,
Похожий на вражеский цеппелин²⁸⁹.

²⁸⁹ Беляков А. [Поэт в постсоветской России] // НЛ. С. 573—574.

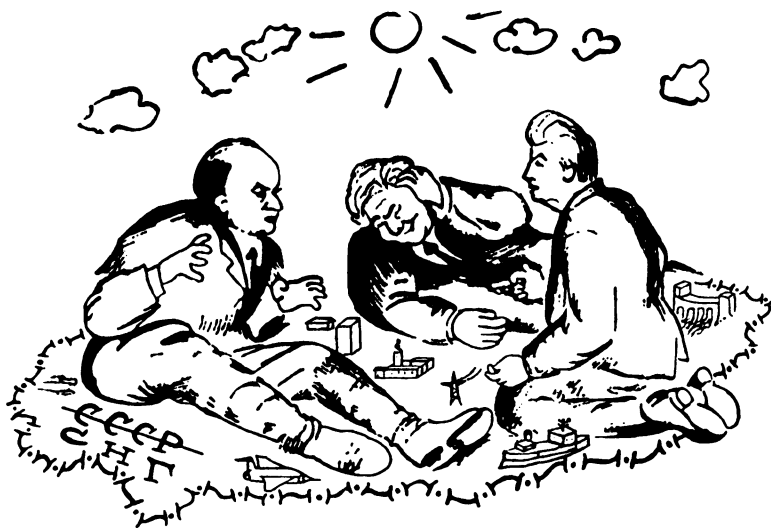
ИЛЛЮСТРАЦИИ

Ил. 1. Физическая карта полушарий // *Наша Родина. Атлас для третьего класса. М.: Главное управление геодезии и картографии при Совете министров СССР, 1990 [Атлас составлен и подготовлен к печати Производственным картосоставительским объединением «Картография» в 1972 году. Исправлен в 1989 году. Тираж 2 727 000 экз.]. С. 8—9.*

Ил. 2. Анонимная иллюстрация к статье: Назарбаев Н. Стратегия здравого смысла // Советская Россия. 1993. 13 февраля.

Н. Назарбаев (похожий отчасти и на М. Горбачева), Б. Ельцин и Л. Кравчук, сидя на карте СССР в позе «Охотников на привале» В. Г. Перова, обсуждают раздел советского наследства.

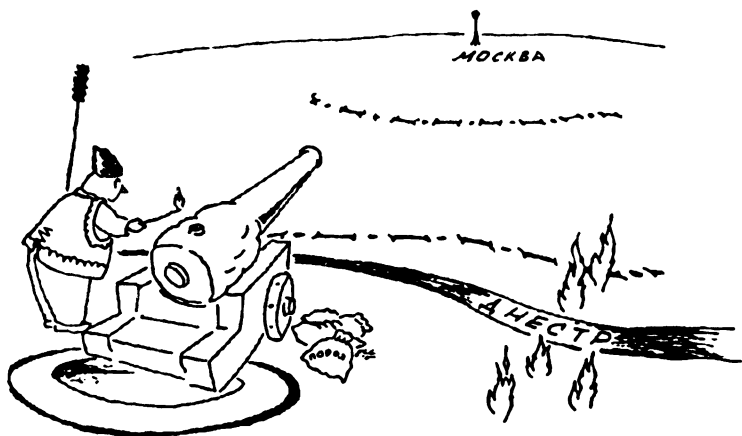

Ил. 3. Рисунок А. Талимонова // Советская Россия. 1992. 18 января.

Ил. 4. Русский Вестник. 1992. № 20 (53).

Пунктирные линии обозначают границы между Приднестровьем, Украиной и Россией, ставшими, согласно картине мира газеты, объектами агрессии со стороны молдавских националистов.

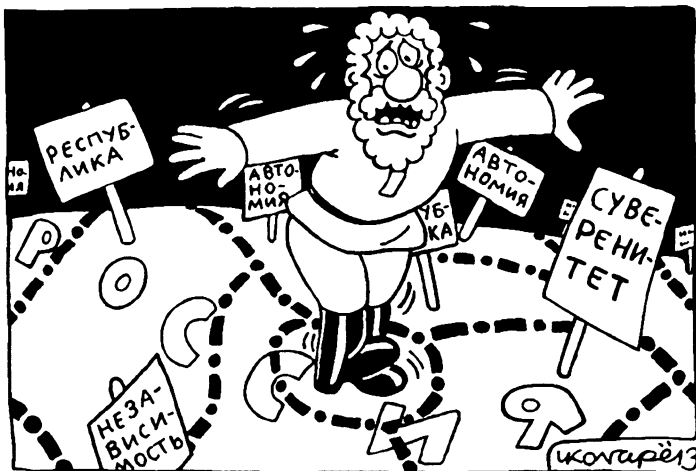
Ил. 5. Рисунок И. Колгарева // Русский Вестник. 1993.

№ 28/29 (60/61).

Пользуясь безнаказанностью суверенной страны, эстонец залезает в карман к простодушному русскому мужику.

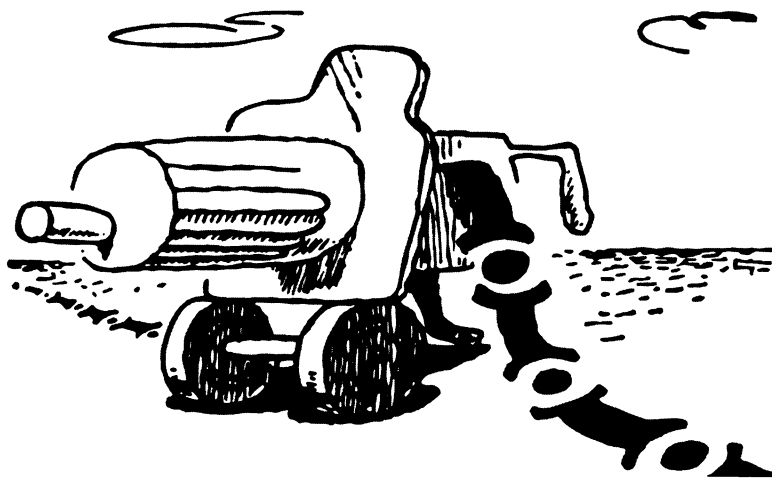
Ил. 6. Рисунок И. Колгарева // Аль-Кодс. 1992. Ноябрь. № 5 (41).
Русскому мужику даже стоять негде — так много земли у него оттяпали «освобожденные народы». В начале 1930-х годов. Сталин оправдывал коллективизацию в Советской России тем, что чересполосница губит крестьян: «Курицу некуда выпустить», — жаловался вождь.

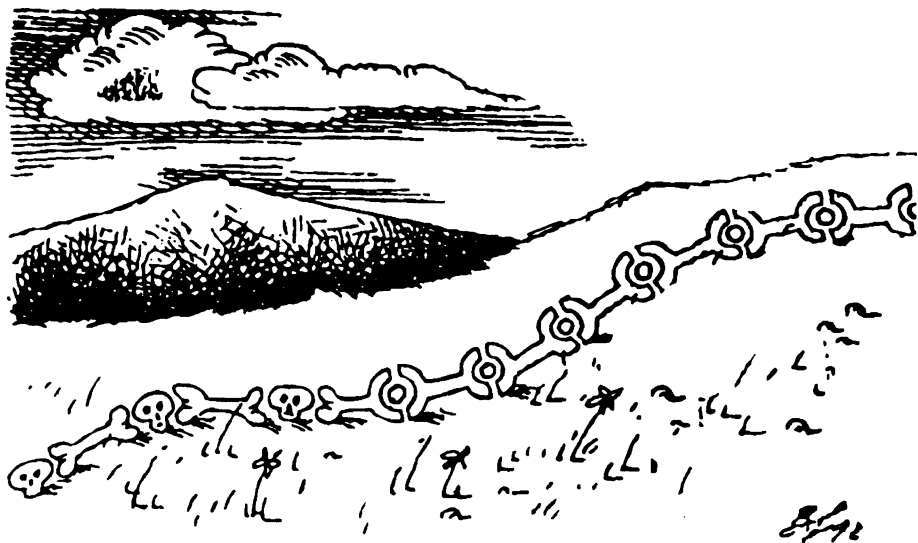
Ил. 7. Рисунок А. Умярова // Известия. 1992. 17 июля.

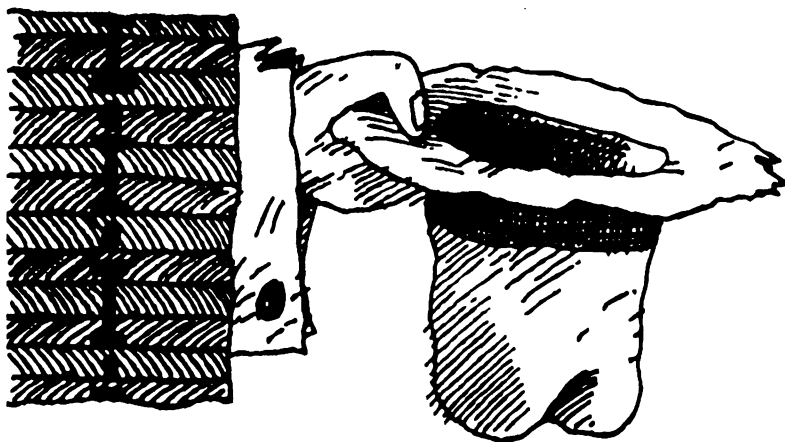
Ил. 8. Рисунок С. Федько // Известия. 1992. 7 июля.

Ил. 9. Рисунок Владимира Семеренко // Смена. 1993. 14 июля.

*Ил. 10. Рисунок М. Ларичева // Вести (Ленинградская область).
1997. 9 августа.*

*Ил. 11. Рисунок А. Меринова // Московский комсомолец. 1998. 3 апреля.
Пунктир границы разделяет «Латвию», оскорбительно повернувшуюся
заголенным задом к России, и «Русского», в чьей голове карикатурист на-
ходит единственное объяснение поведению «Латвии». Карикатура иллю-
стрирует отклик московского журналиста Марка Дейча на перепечат-
ку антирусской статьи в латвийской газете.*

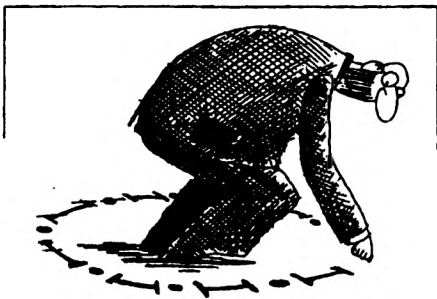
Ил. 12. Купюра достоинством 5 эстонских крон 1992 года с изображением эстонско-российской границы в городе Нарва — Ивангороде.

Ил. 13. Рисунок М. Ларичева // Вести. 1997. 7 августа.

ХРУПКАЯ ПРОЧНОСТЬ "ГРАНИТА"

ОАО "Гранит-Кузнечное" расположено в поселке Кузнечное Приозерского района. Это предприятие ведет разработку, добычу и реализацию гранита, запасы которого здесь позволяют с оптимизмом смотреть на перспективу предприятия, скажем, несколько сотен лет. Ну, куда в продукции ОАО "Гранит-Кузнечное" омуты. Например, это и щебень для подсыпки железно-дорожного полотна, это и материал для памятников (кстати, не так уж мало памятников в Санкт-Петербурге имеют гранитную родословную от Кузнечного), это и камень для надгробий и т. д. Во всяком случае, как уже понятно, банкротство предприятия от нехватки заказов не грозит. И его можно считать прибыльным.

Ил. 14. Азиона // Либерал. 1997. 18 июня. № 4.

Ил. 15. Граница на замке?! // Либерал. 1997. 18 июня. № 4.

Растерянный пограничник на фоне поваленных пограничных столбов разводит руками в ответ на гневный возглас Виктора Черномырдина; рядом с Черномырдиным — тогдашний министр иностранных дел России Андрей Козырев, представленный в иконографическом типе 'жида' (ср. богатый иллюстративный материал в книге: Fuchs E. Die Juden in der Karikatur: ein Beitrag zur Kulturgeschichte. München: Langen, 1921; ср. ил. 16, 77).

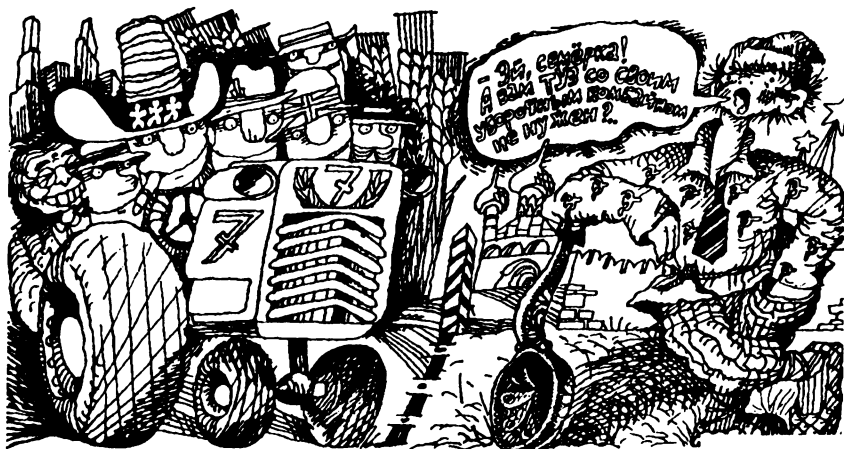
Ил. 18. Рисунок Н. Кинчарова (Волгоград) // Известия. 1994. 26 октября.
Вместо 'границы на замке' — пограничный столб, запираемый
на амбарные замки.

Ил. 19. Рисунок Л. Мельника // Вести (Ленинградская область). 1996.
3 августа. Бездельничающий пограничник одного из новых независимых
государств: «Чего нам беспокоиться...
У русских граница на замке!»

Ил. 20. Рисунок В. Арсеньева // *Радикал*. 1991. 6 июня.

Сегодня, когда советские полпреды самоотверженно добиваются приглашения за "круглый стол" "Большой семерки", проводя в ознаменование мирную инициативу "7+1", старая русская пословица звучит на новый лад: "Семеро с сошкой - один с ложкой".

Ил. 21. Рисунок М. Ларичева // *Вести* (Ленинградская область). 1997. 20 сентября.

Ил. 22. Рисунок В. Федорова // Литературная газета. 1997. 24 сентября.

Ил. 23. Рисунок Н. Астраханцева // Советская Россия. 1993. 26 января.
Мафиози вывозят за границу чемоданы с национальными богатствами.

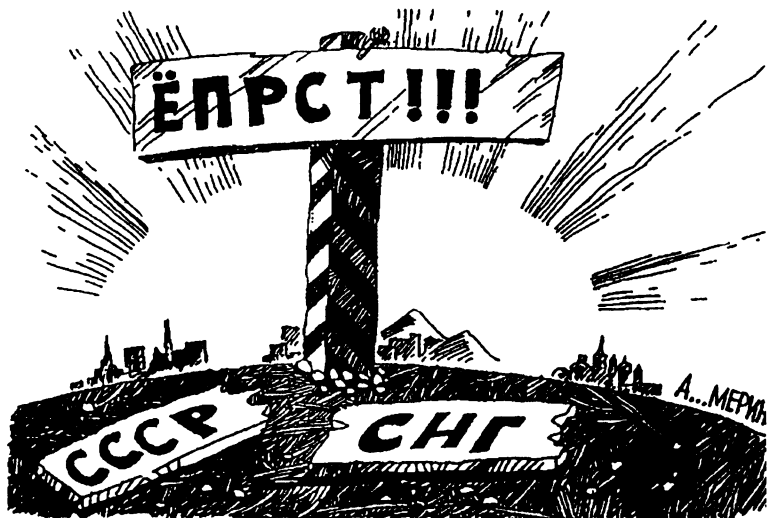

*Ил. 24. Рисунок А. Меринова // Московский комсомолец, 1996. 1 октября.
Игра слов достигается совпадением первого слога в словах «восток»
и «воруют» («Воруют!» — легендарный ответ Карамзина на вопрос о том,
как идут дела в России).*

*Ил. 25. Рисунок А. Меринова // Магазин. Иронический журнал Жванецкого.
1995. № 3 (15). С. 16.*

*Ёпрст — эвфемизм табуированного матерного высказывания «ёб твою
мать».*

Ил. 26. Рисунок А. Василенко // Известия. 1991. 20 декабря.
ССГ = Союз Суверенных Государств, несостоявшийся вариант названия
нового союза на территории бывшего СССР.

Ил. 27. Рисунок В. Шилова // Вечерний Петербург. 1998. 5 июня.
С этими словами утекают за границу обнищавшие соотечественники;
привязанный к пограничному столбу офицер роняет «скутую мужскую
слезу».

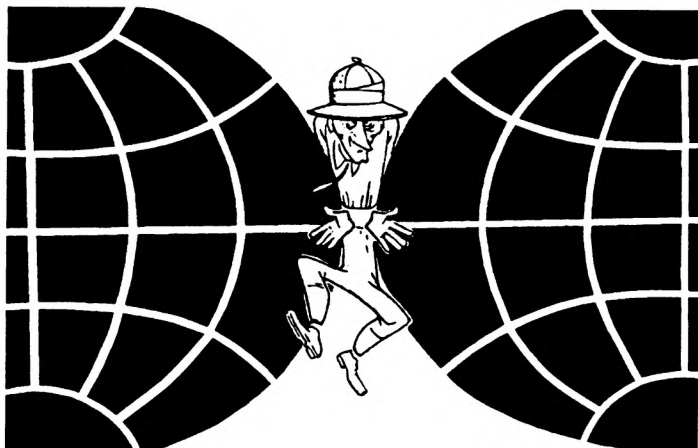
Ил. 28. Байер-Рид А. [ГДР]. Глобальная стратегия // Сатира в борьбе за мир. М.: Изобразительное искусство, 1972 (без пагинации).

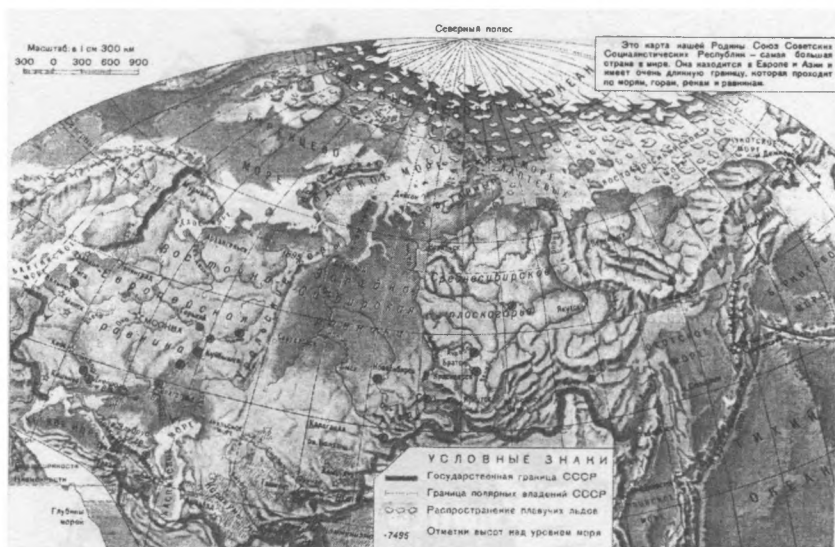
Ил. 29. Рисунок В. Брискина [СССР]. Из серии «Пролетариат в борьбе» // Сатира в борьбе за мир. М.: Изобразительное искусство, 1972 (без пагинации).

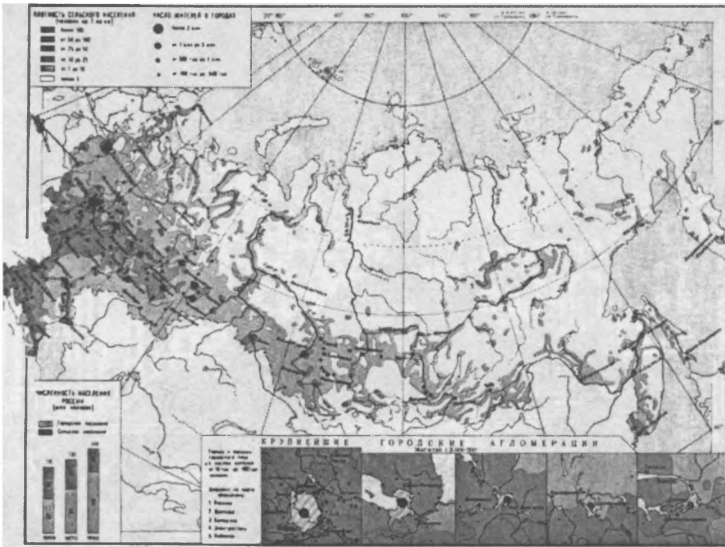
Ил. 30. Рисунок В. Брискина [СССР]. Из серии «Пролетариат в борьбе» // Сатира в борьбе за мир. М.: Изобразительное искусство, 1972 (без пагинации).

Ил. 31. Физическая карта СССР // Наша Родина. Атлас для третьего класса... С. 10–11.

Ил. 32. Население [России] // География России. Атлас для восьмого и девятого классов (с комплектом контурных карт) / Федеральная служба геодезии и картографии России. М., 1999. С. 10.

Ил. 33. Глобус на Манежной площади. Москва, 1999 год. Детали. Фото автора.

*Ил. 34. Глобус на Манежной площади. Москва, 1999 год.
Общий вид. Фото автора.*

Ил. 35. Герб ДДПР, марка газеты «Либерал».

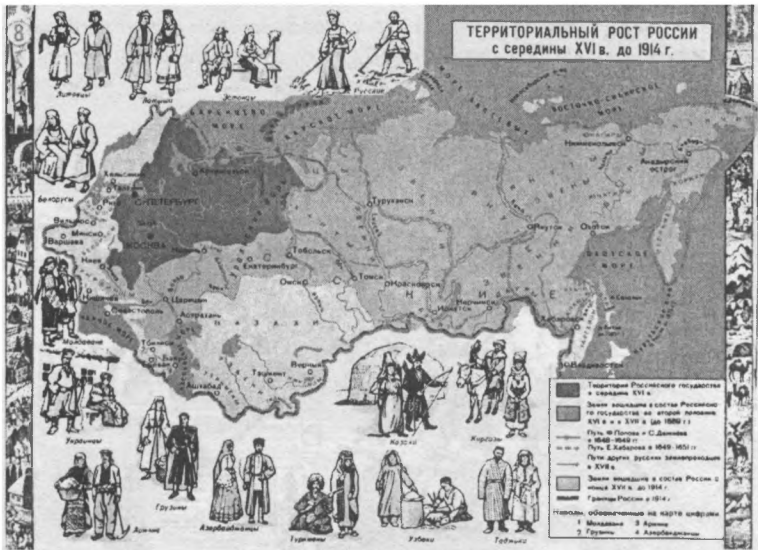
Ил. 36. Киевская Русь в IX—XI вв. // Атлас истории СССР. 5-й класс одиннадцатилетней школы / ГУПК при Совете министров СССР. М., 1990 [Атлас составлен и подготовлен к печати Производственным картосоставительским объединением «Картография» в 1973 году. Исправлен в 1989 году. Тираж 3 118 000 экз.]. С. 2.

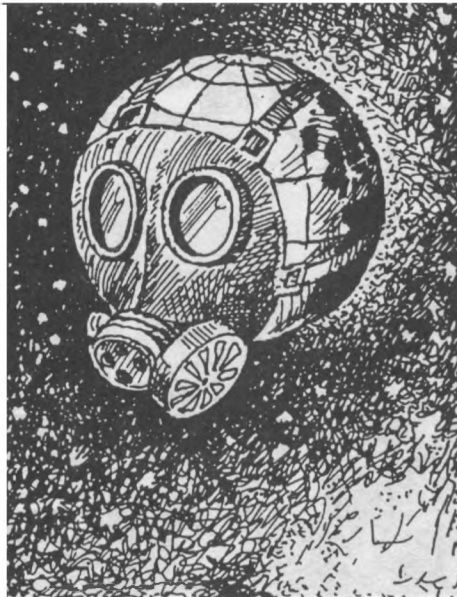
Ил. 37. Российское государство в XVII в. (Европейская часть) // Атлас истории СССР. 5-1 класс одиннадцатилетней школы... С. 5.

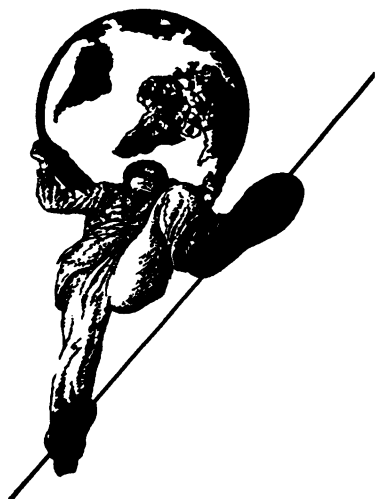
Ил. 38. Российская империя в XVIII веке. (Европейская часть) // Атлас истории СССР. 5-й класс одиннадцатилетней школы... С. 8.

Ил. 39. Рисунок И. Смирнова // Московские новости. 1988. 7 августа.

*Ил. 40. Рисунок Г. Басырова // Московские новости. 1988. 16 октября.
Канатоходец с глобусом на плечах.*

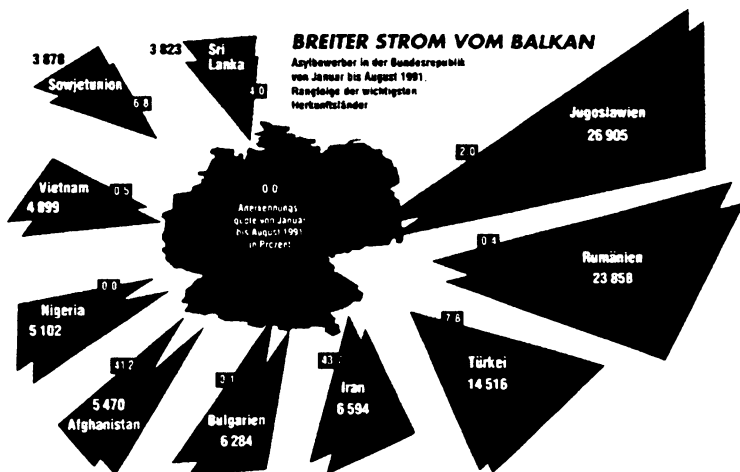

*Ил. 41. Вавилонская башня, вырастающая из Кремля и ломающая его стену; облака вокруг имеют очертания карты СССР. Новый Вавилон.
1994. № 1, обложка.*

Ил. 42. *Das umzingelte Deutschland // Der Spiegel. 1991. Sept. (воспр. по: Pörksen U. Weltmarkt der Bilder. Eine Philosophie der Visiotype. Stuttgart: Klett-Cotta, 1997. S. 51).*

Германия в осаде: стрелки указывают на источник и объем потоков беженцев с января по август 1991 года.

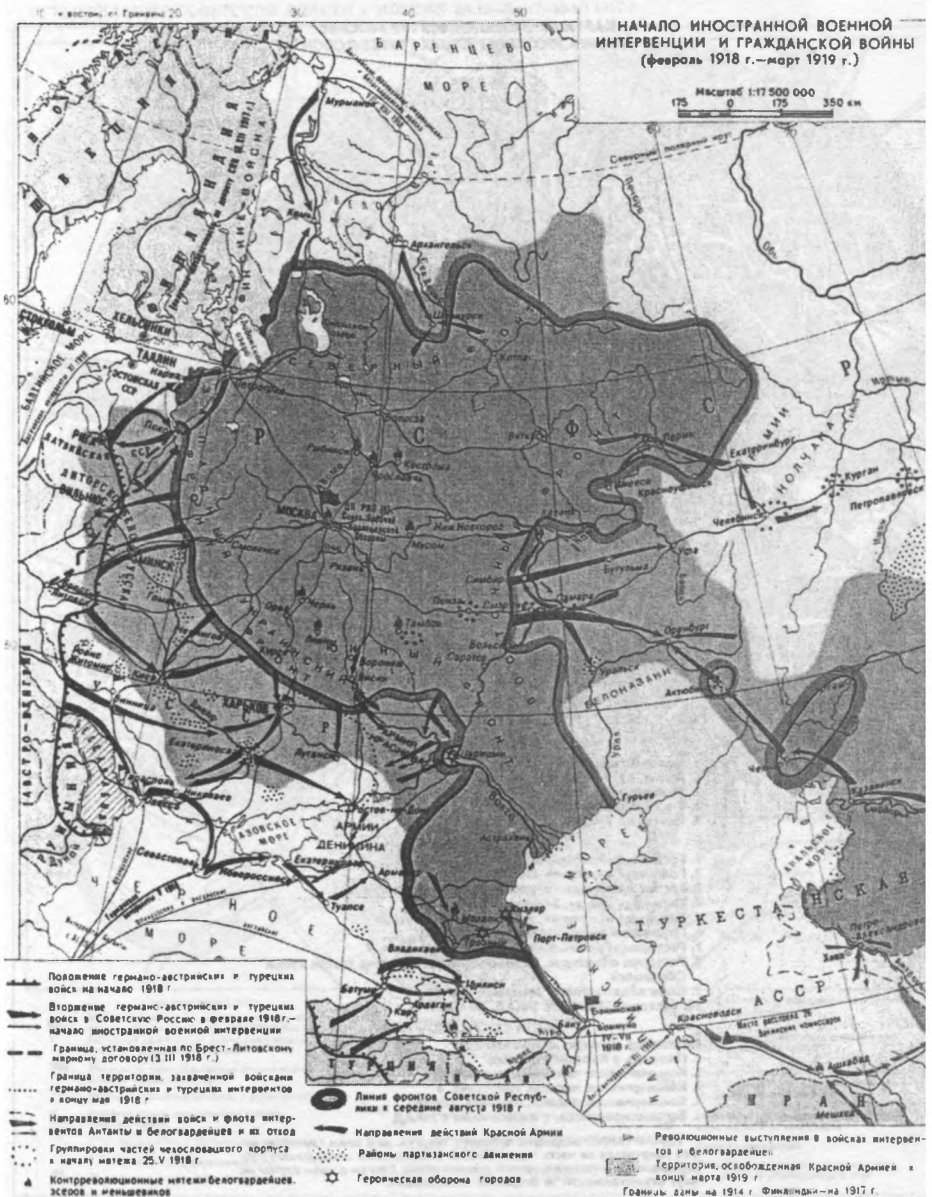

Ил. 43. Рисунок Б. Калачева. Капканы мафии. 15 миллионов потребителей наркотиков в России — это не фантастика, а вполне вероятное будущее // Век. 1992. № 4. С. 12.

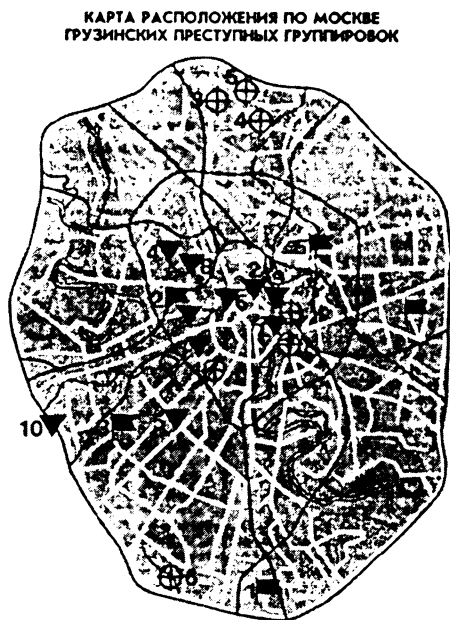
Карта-схема к статье преподавателя Московской высшей школы милиции.

Ил. 44. Интервенция империалистических государств и Гражданская война в 1918—1920 годах. // Атлас истории СССР. 9—10 классы. М.: ГУТИК при Совете министров СССР, 1988. С. 8—9.

Ил. 45. Рисунок В. Белых. Грузинский след российской мафии // Известия. 1994. 9 ноября.

- - "ШТАБНЫЕ" ЦЕНТРЫ
- ▼ - МЕСТА ОТДЫХА И ВСТРЕЧ
- ⊕ - МЕСТА СОСРЕДОТочЕНИЯ

«ШТАБНЫЕ» ЦЕНТРЫ:

1. Бирюлевская, 19
2. Арбат, 51
3. Матвеевская, 10
4. 9-я Парковая, 57
5. Почтовая, 1

МЕСТА ОТДЫХА И ВСТРЕЧ:

1. Гостиница «Россия», Варварка, 6
2. Гостиница «Москва», Охотный ряд, 2
3. Гостиница «Андалычская», Ленинский проспект, 1
4. Гостиница «Беге», Беговая аллея, 11
5. Гостиница «Спутник», Ленинский проспект, 38
6. Грузинский центр «Мазура», Арбат, 42
7. Ресторан «Гурия», Комсомольский проспект, 7
8. Ресторан «Колхоза», Садовое кольцо, напротив театра кукол Образцова
9. Кафе «Локомотив», Земляной вал, 29
10. Ресторан «Иверия», МКАД, 45-й км.

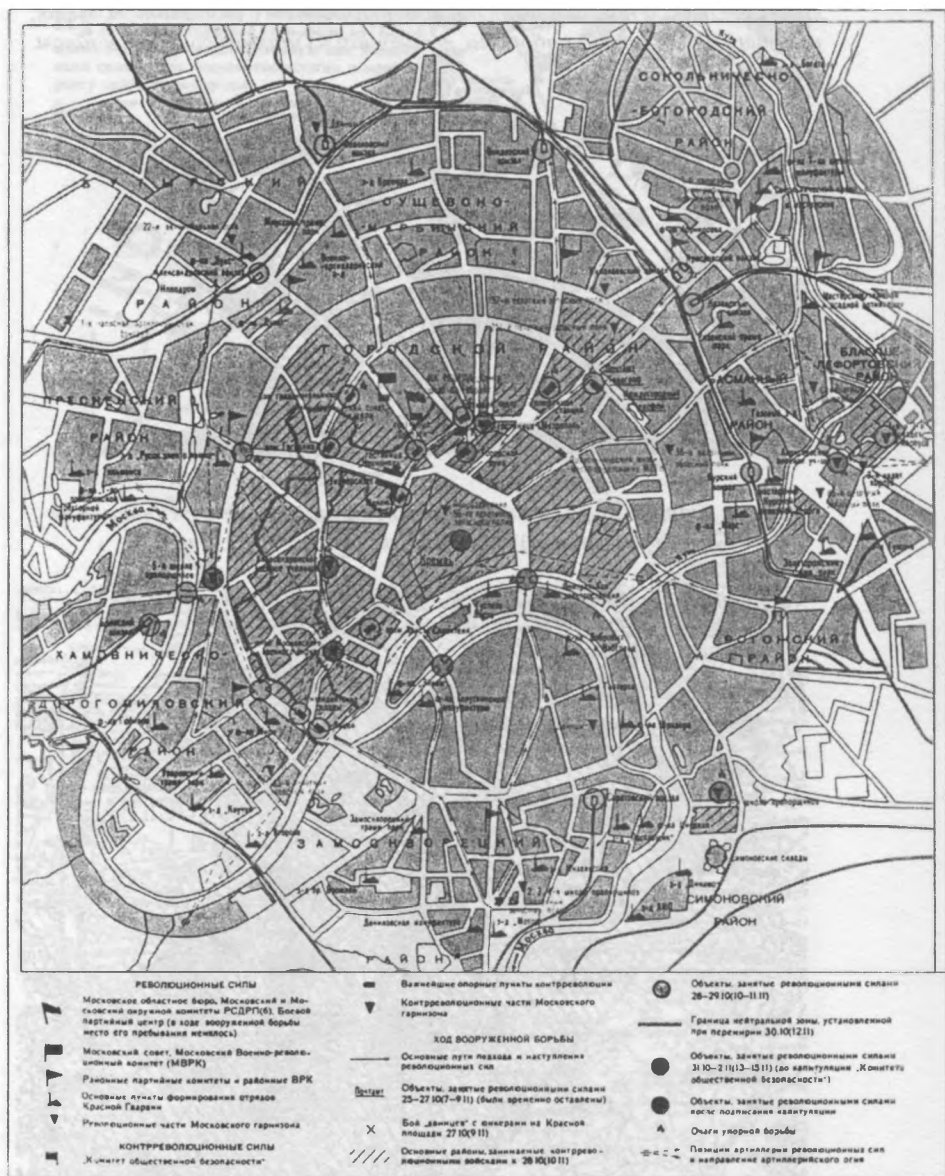
МЕСТА СОСРЕДОТочЕНИЯ:

1. Площадь у метро «Шаболовская»
1. Площадь у Курского вокзала
1. Коммерческие палатки, Пришвина, 3
1. Коммерческие палатки, Плещеева, 4
1. Коммерческие палатки, Лескова, 14-16
1. Варшавское шоссе, у пересечения с МКАД

ПРИМЕЧАНИЕ: редакция, публикуя материал, ни в коем случае не может похвалиться на честь и достоинство владельцев и сотрудников ресторанов, кафе и гостиниц, на ночь обозначенных. Они ни в коем случае не несут ответственности за людей, не посещающих.

Ил. 46. Установление советской власти в Москве 25.10—2.11 (7—15.11) 1917 года // Москва: Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1980. С. 480.

УСТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В МОСКВЕ 25.10—2.11(7—15.11) 1917 г.

Ил. 47. Хартия — наш рулевой! / Карикатура Юрия Токарева на «Хартию об общественном согласии» // Аргументы и факты.

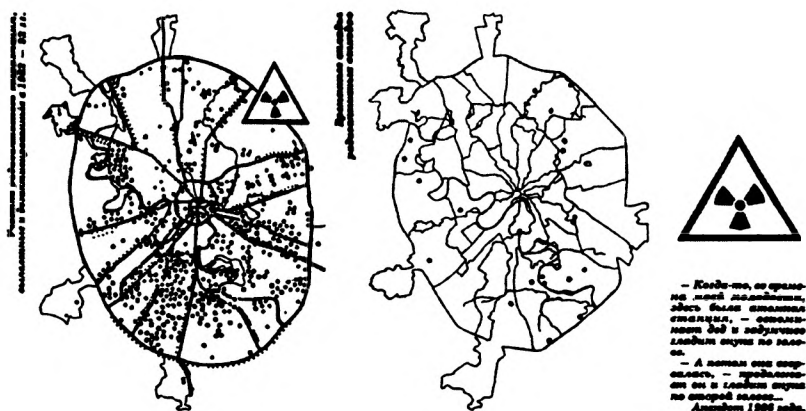
Изображены (слева направо): бюрократ, или госслужащий, интеллигент, или физик-теоретик, девушка с веслом, или спортсменка-комсомолка, лицо кавказской национальности, или террорист с автоматом, казак, шахтер, или простой работага, вышедший из шахты со своим кайлом.

Ил. 48. Карта-схема столицы, распроданной мэрией. («Проданное» выделено черным) // Советская Россия. 1992. 9 июня.

Ил. 50. Рисунок О. Минаевой. Ее «сиятельство» Москва. Радиационный фон в нашем городе специалисты называют удовлетворительным. Однако проблем радиационной безопасности более чем много // Куранты. 1993. 20 августа. С. 8—9.

Ил. 51. Реклама македонского табака для сигарет марки «Реемтсма» № 12 // Die Woche. 1926. 20 März.
Под напряженной десницей надпись: «Воля к качеству», в подтексте которой читается, конечно, «Воля к власти» (ср. ил. 52).

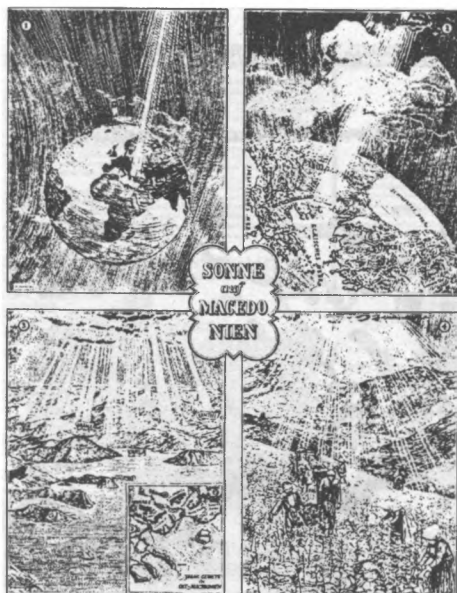

Ил. 52. Реклама македонского табака для сигарет марки «Реемтсма» № 10 // *Die Woche*. 1926. 6 März.

Под картой Европы, на которой мускулистая рука из Германии вцепилась в Балканский полуостров, надпись: «Овладение Востоком».

Ил. 53. Солнце над Македонией // *Die Woche*. 1928. 2 Juni.
Карта Балкан — реклама сигарет марки «Оверитольц».

*Ил. 54. Маттони — завоеватель мира // Die Woche. 1927. 1 Okt.
Реклама карлсбадской минеральной воды: бутылку-завоевателя везут над
глобусом как пушку или цеппелин.*

MATTONI'S GIESSHÜBLER

Bitte richten Sie Bestellungen an die Ihnen nächstgelegene Apotheke oder Mineralwassergröfhandlung
HEINRICH MATTONI A.-G. KARLSBAD

*Ил. 55. В какой среде мы живем // Московские новости. 1994. 26 июня.
№ 26. С. 11.*

Первая карта из серии материалов, заказанных АО «МММ».

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ СИТУАЦИИ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ил. 58. ТАСС-графика. Кто разрубит чеченский узел. Хроника действий Москвы // Известия. 1994. 14 декабря.

ХРОНИКА ДЕЙСТВИЙ МОСКВЫ

27 НОЯБРЯ. Обращение Е. Ява и участники вооруженных конфликтов в Чеченской республике в течение 48 часов прекратить огонь, сложить оружие, пустить все вооруженные подразделения и обеспечить безопасность в ходе переговоров с чад.

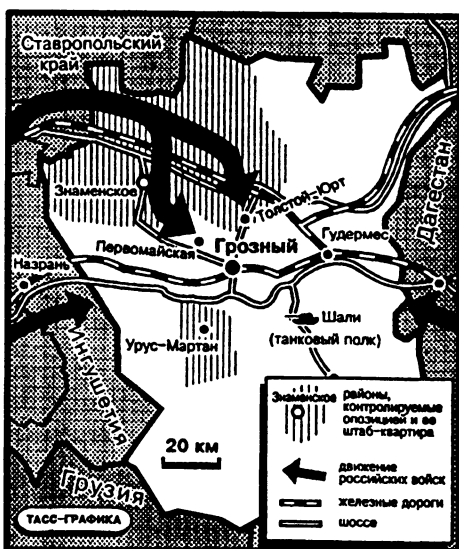
1 ДЕКАБРЯ. Указ президента о Ю ингушский народ по своему происхождению из Сибири. Кавказец потребовал от него, чтобы он немедленно покинул территорию республики, в противном случае органы безопасности России.

7 ДЕКАБРЯ. Вопрос о ходе военных мероприятий на территории конституционной законности, провозглашения и мера в не рассмотрены на заседании от безопасности.

8 ДЕКАБРЯ. Обстановку в Чечне обсудили на сессии Совет Федерации и Государственная дума. Решено не идти.

9 ДЕКАБРЯ. Президент Е. Бурицкий поручил правительству России рассмотреть все вопросы у него средства для решения национальных вооруженных формирований в Чечне и в восточно-кавказском регионе.

10 ДЕКАБРЯ. Войска Министерства обороны и Министерства внутренних дел вошли на территорию Чечни.

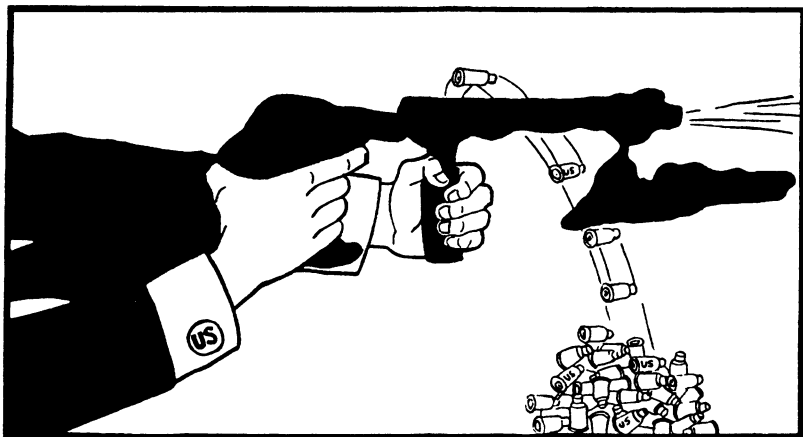

Ил. 59. Neue Zürcher Zeitung. 1994. 22 Juni. S. 27.

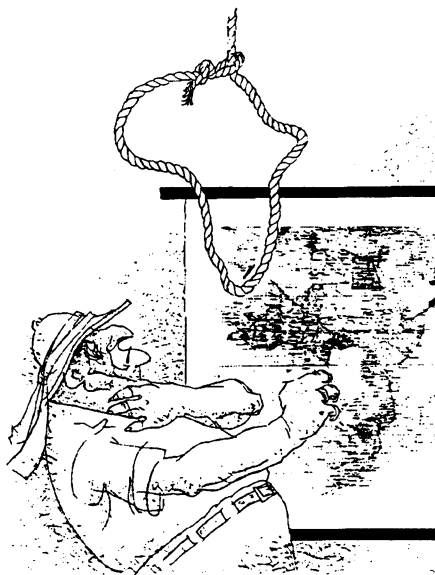

Ил. 60. Рисунок Т. Норовбанжилын (Монголия). Американское оружие против арабов // Сатира в борьбе за мир. М.: Изобразительное искусство, 1972, без пагинации.

Карта Израиля стилизована под автомат дяди Сэма.

Ил. 61. Рисунок Б. Старчикова (СССР). Без слов // Сатира в борьбе за мир. М.: Изобразительное искусство, 1972, без пагинации.

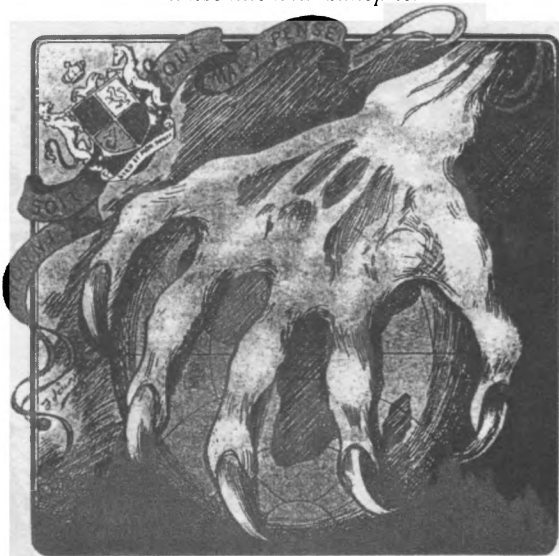

Ил. 62. Рисунок Т. Арнайн (Монголия). Крах колониализма // Сатира в борьбе за мир. М.: Изобразительное искусство, 1972, без пагинации.

Ил. 63. Raubstaal England. Herausgegeben vom Cigaretten-Bilderdienst. Hamburg-Barenfeld, 1941, обложка.

Грабительница-Англия держит глобус в своей отвратительной когтявой и когтистой пятерне.

Ил. 64. 1. j. Länder — schnell erkannt // Welt im Spiegel. 1969. Sept.
 Силуэты стран и континентов толкуются карикатуристом по известному образцу Италия = сапог: Испания = морда ньюфаундленда, Франция = мятый носовой платок, Швейцария = голова тюленя над волной, Норвегия = консервный нож, Африка = кривая макаронина, Азия = свекла, а Европа — это просто большая клякса.

Länder - schnell erkannt

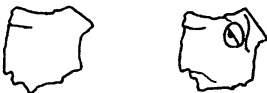
Immer wieder hört man von Schülern, die die Schule trotz glänzender Leistungen in Rechtschreibung und Kybernetik verlassen müssen, weil sie nicht imstande sind, sich die Lage — und das heißt: das Aussehen — der verschiedenen Länder und Erdteile zu merken. Bekannt ist auch der Fall eines deutschen Top-Managers, der sein Unternehmen zugrunde richtete, weil er Pudelmützen nach Sansibar, das er mit Island verwechselt hatte, exportierte. Dabei ist es alles andere als schwierig, die Länder zu identifizieren, wenn man sich nur einige einfache Vergleiche merkt. Beginnen wir mit dem einfachsten:

Italien gleicht, wie jedermann weiß, einem Stiefel

Nach dieser Methode wollen wir nun weiter arbeiten.

Spanien z. B. gleicht einem Neufundländer

Frankreich dagegen gleicht eher einem Taschentuch

die Schweiz jedoch gleicht einem Seehund

und ist daher leicht von

Norwegen zu unterscheiden, das mehr einem Flaschenöffner gleicht

Wenn wir das einmal begriffen haben, können wir es wagen, uns nach derselben Methode auch ganze Erdteile einzuprägen.

So gleicht Afrika einer Nudel

Asien jedoch einer merkwürdig geformten Mohrrübe

und Europa einem Fleck

Diese wenigen Beispiele mögen genügen. Sie zeigen, wie einfach es ist, sich Länder nach der vergleichenden Methode zu merken. Schwierigkeiten mag es bestenfalls bereiten, die Vergleiche selber — also „Stiefel“, „Neufundländer“ etc. — zu behalten.

Doch wenn man sich vor Augen hält, daß ja nicht nur Italien einem Stiefel, sondern auch umgekehrt ein Stiefel Italien gleicht, haben wir ein sehr einfaches Mittel in der Hand, uns die Vergleiche zu merken, indem wir uns einfach die Form der Länder einprägen. Und wie einfach das wiederum ist, haben wir ja gerade gelernt. 1. j.

Ил. 65. r.jg. (Brasilien) // *Welt im Spiegel*. 1973. Nov.

Бразилия = заяц, слопавший морковку, или морковка, похожая на зайца.

Denken Sie sich doch selber was aus. Ich jedoch werde hinfort dem Lustprinzip folgen. Und wissen Sie wozu ich gerade Lust habe? Ich habe Lust, ein Kaninchen zu zeichnen, das wie Südamerika aussieht. Mal sehen, ob's geht . . .)

Ил. 66. Jochen. «Schleswig-Holstein aus Plastik, sehr schön — und so sieht's von hinten aus» // *Welt im Spiegel*. 1974. Juni.

Посетитель на выставке современной скульптуры произносит:
«Пластиковый Шлезвиг-Гольштейн — прекрасно, а это — вид сзади».

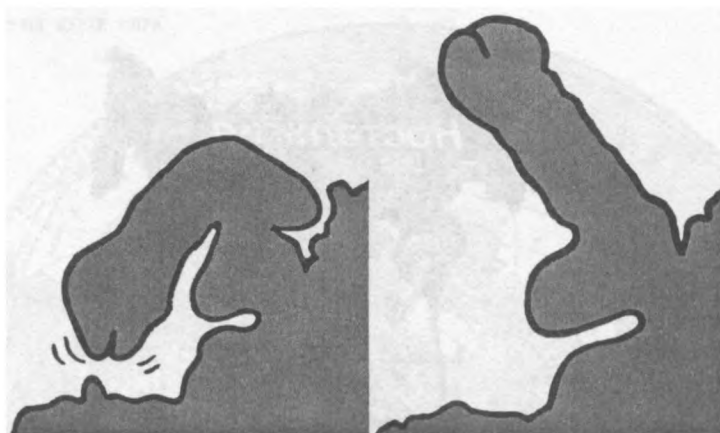

Ил. 67. *Welt im Spiegel.* 1970. Nov.

Скандинавия как фаллос, понурый в 1804-м и торчком в 1960 году.

1804

1960

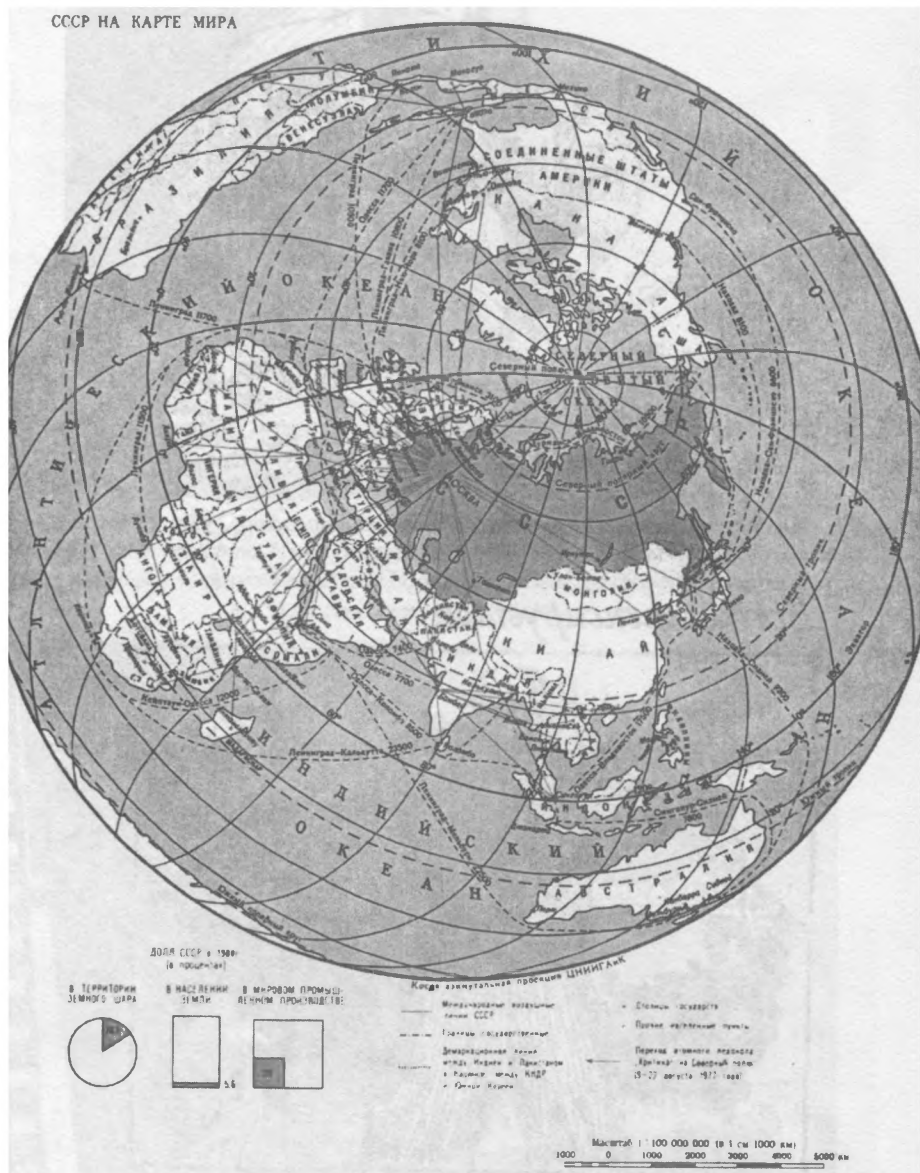
Ил. 68. Крукишэнк И. Генерал Суворов уничтожает французское войско [1799] // Некрасова Е. А. Очерки по истории английской карикатуры конца XVIII и начала XIX веков. Л.: Государственное издательство изобразительных искусств, 1935. Ил. XLVII.

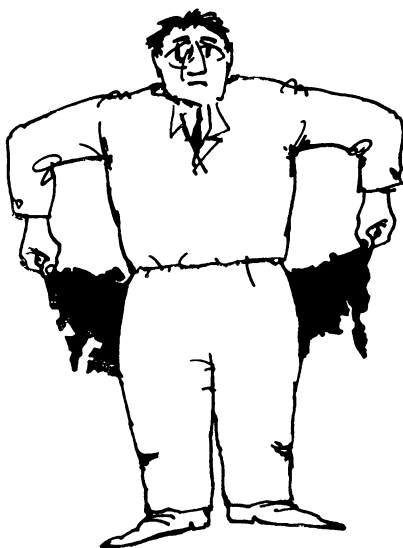
Ил. 69. Коллаж из газеты Аргументы и факты. 1993. 26. С. 1.

Ил. 70. СССР на карте мира [в косо́й азимутальной проекции ЦНИИГАиК]
 // Географический атлас. 9 класс. М.: Главное управление геодезии и картографии при Совете министров СССР, 1991. С. 1.

Ил. 71. Рисунок А. Смирнова. Осень // Крокодил. 1991. № 18. С. 5.

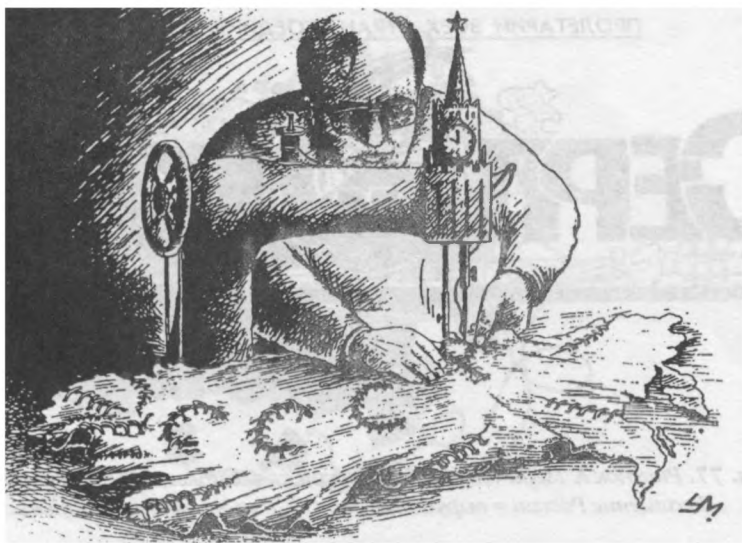

Ил. 72. Рисунок А. Смирнова // Московские новости. 1994. 27 марта — 3 апреля.

Все компенсируется

Ил. 73. Рисунок А. Умярова // Крокодил. 1991. № 9. С. 5.
М. Горбачев пытается залатать кусок кожи или ткани непонятного назначения с надписью «СССР».

Ил. 75. *Мое отечество. Избирательное объединение. Без выходных данных.*
Предвыборная листовка генерала Бориса Громова. Приобретена автором
в Москве летом 1995 года.

Ил. 76. Серп и молот. 1994. № 10 (19).

Марка газеты «Серп и молот» (Тула), основанной в апреле 1993 г.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

*Ил. 77. Рисунок А. Меринова // Московский комсомолец, 1993. 1 сентября.
Похищение России = вырубание экс-СССР из Кремлевской стены.*

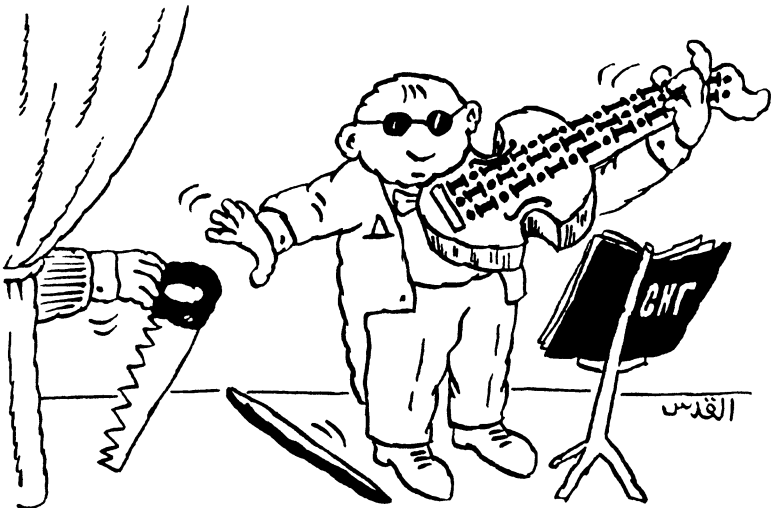

Ил. 78. Рисунок М. Кузнецова // Советская Россия. 1993. 22 июля.
М. Горбачев рвет струны-скрепы гитары-СССР.

Ил. 79. Аль-Кодс. 1993. Декабрь. № 15 (21).

Слепому скрипачу, играющему, впрочем, по нотам с надписью «СНГ» на обложке, подсовывают пилу вместо выроненного смычка, дабы он порвал струны скрипки, изображенные как пунктир границы (ср. ил. 6—9).

Ил. 80. Рисунок Ю. Никитина (Хабаровск) // Советская Россия.
1993. 23 марта.

Материализация метафоры 'пропитой России'.

«Нынче времечко такое...»

СТРУКТУРНАЯ ПЕРЕСТРОЙКА:
НАЧАЛОСЬ С ЗАСУХИ, КОНЧАЕТСЯ ПОТОПОМ... НО

Ил. 81. Рисунок Ю. Никитина (Хабаровск) // Советская Россия. 1993.
6 января.

Ельцин со свечкой в руках притворно кается в двух грехах — взрыве по его приказу дома в Свердловске (ныне Екатеринбург), где была расстреляна царская семья, и в «Беловежском взрыве», разрушившем СССР.

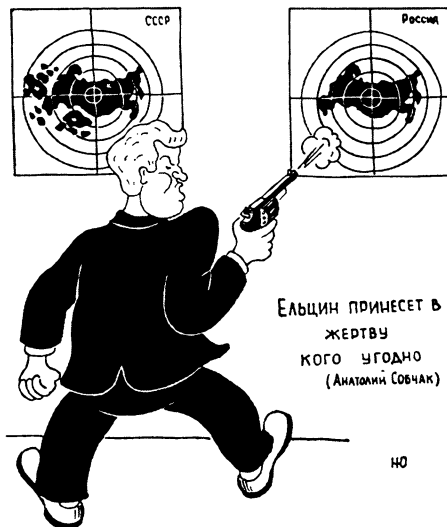

Ил. 82. Рисунок В. Резниченко (Омск) // Советская Россия. 1993. 30 апреля.
Петр I допрашивает Ельцина и Горбачева у карты раздела СССР.

Ил. 83. Рисунок Ю. Никитина (Хабаровск) // Советская Россия. 1993.
27 февраля.

Ельцин упражняется в тире: мишень «СССР» уже расстреляна,
Россия — на очереди.

Ил. 84. Рисунок И. Колгарева // Советская Россия. 1993. 11 января.
Носатые чужаки в шляпах жадно выедают самые лакомые куски из пирога-России, даже близко не подпуская к пиршеству босого русского мужика в заплатках; ср. ил. 14.

Подтянул ремень народ

Нынче времечко такое: Кто ворует, тот жнвает, Господа едят жаркое, Подтянул ремень народ, На дорогах киношаржи Вправо сдвинули рули, Фунты, доллары и марки Обесценили рубли.	— Кажись, Миша с ЦРУ: Возродил в стране разруху И ушел на рандеву!.. А старуха отвечает: — ЦРУ — на божины дер. Видишь, весь народ нщдает, Но лоснится уж Гайдер!..	— Все от сейчас страдают Ожирением за народ: Чем быстрее керман наш тает, Тем полнее забит их рот! Прислала П. ЯАНОВИЯ (Иркутск)
--	---	---

Рис. И. Колгарева.

Ил. 85. Рисунок И. Колгарева // Советская Россия. 1993. 2 марта.
Рогатый черт взорпел за разделкой России как говяжьей туши.

Ил. 86. Рисунок В. Федорова (Москва) // Советская Россия. 1993. 1 апреля.
Повар-Ельцин подносит американскому толстому блюдо с «Россией»,
приправляя ее «слезами народа».

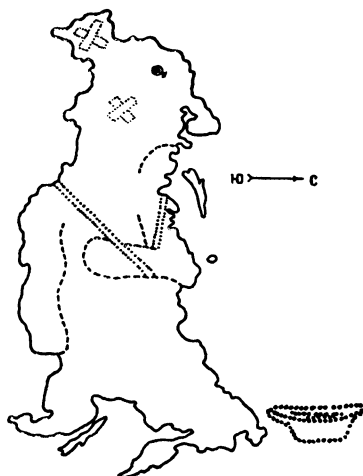

Ил. 87. Рисунок Ю. Никитина (Хабаровск) // Советская Россия. 1993.
25 марта.

Мясник-Ельцин с надписью «Хозяин» на фартуке
выставляет на распродажу говяжью тушу-Россию.

Ил. 88. Рисунок Ю. Никитина (Хабаровск) // Советская Россия. 1993. 11 февраля.
Безногий нищий — Россия просит подаяния.

„Возрожденная“ Россия лицом к Америке

Ил. 89. Рисунок И. Колгарева // Аль-Кодс. 1992. Декабрь. № 42 (6); тот же рисунок: Советская Россия. 1993. 13 февраля.
Иноземцы пускают слюни за ресторанными столиками в ожидании, когда им подадут лакомое блюдо — Россию, вынув его из аквариума; шеф-повар из Международного валютного фонда бросает в аквариум корм-доллары и призывает клиентов к терпению.

Ил. 90. Рисунок А. Кибальника (Копейск, Челябинская обл.) // Советская Россия. 1993. 24 июля.

Ельцин принимает гостей, одетых в костюмы народов СССР, восседая с ножом и вилкой над пирогом с надписью «СНГ».

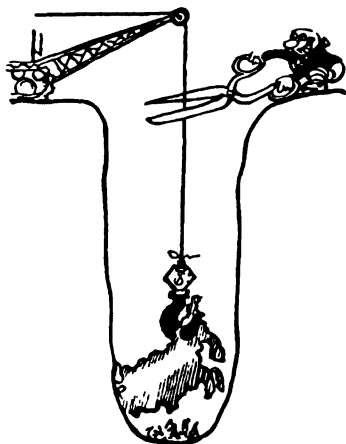
Ил. 91. Рисунок А. Кибальника (Копейск, Челябинская обл.) // Советская Россия. 1993. 13 июня.

Мужик распят на карте России, от которой интеллигенты или иностранцы в пиджаках и при галстуках отпиливают или отрубают куски пожирней.

На конкурсе «Выживание»

Ил. 92. Рисунок Е. Емельянова // Советская Россия. 1992. 12 июня.
Кран-Запад пытается с помощью крюка-доллара достать Россию со дна пропасти, но мафия нацелилась большими ножницами перерезать спасительный трос.

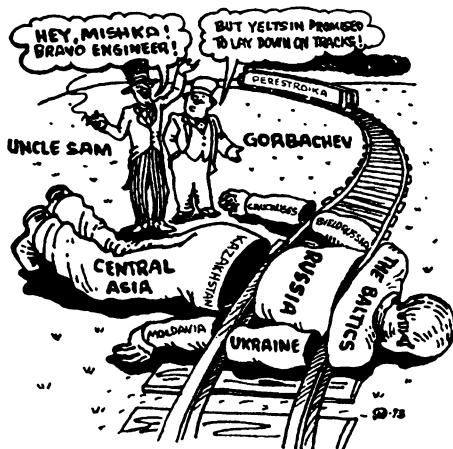

Ил. 93. Вместо меня на рельсы ляжет Россия // Ленинская правда
(Петрозаводск). 1996. Апрель.
Ельцин кладет на рельсы некое тело с надписью «Россия».

Ил. 94. Рисунок Г. Майоренко (Киев) // Советская Россия. 1993. 25 сентября.

Дядюшка Сэм и Горбачев стоят у железнодорожного полотна, наблюдая за движением поезда «Перестройка». «Привет, Мишка! Браво, инженер!» — хвалит дядюшка Сэм. А творец катастрофы выказывает удивление тем, что разрезана на части некогда великая держава, и сетует: «Но ведь это Ельцин обещал лечь на рельсы!» [Советская Россия. 1993].

Ил. 95. Кто ответит народу, на что употреблены гигантские иностранные займы // Ленинская правда (Петрозаводск). 1996. Март. «Реформы, реформы, реформы!» — вопит ворона с шевелюрой Ельцина. Хитрый Лис-Запад ловит выпавшую у вороны из клюва сыр-Россию.

Ил. 96. Рисунок к статье «Перед трупом России» // Ленинская правда (Петрозаводск). 1996. Август.

Колун-Ельцин раскалывает тело России на части с надписью: «За Ельцина 40 208 384 — За Зюганова 30 113 306 [голосов]».

Ил. 97. Рисунок И. Колгарева. Новый мировой порядок // Аль-Кодс. 1995. Октябрь. № 3 (58).

Услужливый привратник в ушанке, валенках и телогрейке бросает под ноги буржуев, оставляющих грязные следы, коврик-Россию; «Весьма! Весьма кстати!» — благодарят его буржуи.

Ил. 98. Рисунок А. Антонова (Саратов) // Советская Россия. 1992.
11 июля.

Главврач-Ельцин наблюдает, как хирурги в масках — грузин, украинец (угадывается Л. Кравчук) и молдаванин — готовятся начать операцию; на операционном столе — карта России.

Рис. А. Антонова (Саратов).

Ил. 99. Рисунок И. Колгарева. Так какой еще эксперимент проведем, пока она не проснулась? // Советская Россия. 1993. 6 марта.
Врачи-инородцы (ср. ил. 14, 78) с серпом и факелом склонились над спящей красавицей-Русью.

Ил. 100. Рисунок Н. Белевцева (Белгород) // Советская Россия. 1992.
14 июля.

Врачи склонились над безнадежной больной — экономикой России, а поп с кадиллом поглядывает на часы.

Рис. Н. Белевцева (Белгород)

Ил. 101. «Больше социализма!» // Искра (г. Инта). 1990. 18 февраля.
Обнаженная девушка — Россия, потягиваясь, стряхивает с себя остатки скорлупы с горбачевским лозунгом «Больше социализма!».

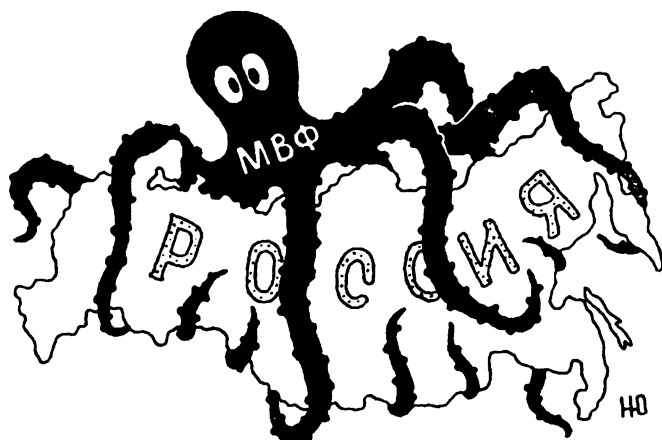
Ил. 104. Рисунок из архива // *Молодость Сибири*. 1993.
Кусок плоти в форме карты СССР с простреленными кровоточащими ранами, надписью «Здесь был Вова» и подписью «В. Ульянов (Ленин)».

Ил. 105. Рисунок Л. Емелиной // *Новая Россия*. 1994. № 3/4. С. 4.
Спящая красавица-Россия окружена чудовищами и защищена Георгием-Победоносцем (ср. подпись А. Дугина к ил. 127).

Ил. 106. Рисунок Ю. Никитина // *Серп и Молот*. 1995. № 12 (33).
Россия схвачена спрутум — Международным валютным фондом.

РОССИЯ ЕЛЬЦИНСКАЯ

Ил. 107. *Козлы сожгли родную хату...* // *Дуэль*. 1996. Сентябрь. № 15.
На расколоте камне-России стоит козел с двумя нарциссами в зубах; обыгрывается хрестоматийная строчка «Враги сожгли родную хату»; судя по изображению, вместо «сожгли» следует читать 'сожрали'.

КОЗЛЫ СОЖРАЛИ РОДНУЮ ХАТУ...

Ил. 110. Мясник // Дуэль. 1997. Май. № 10 (32).

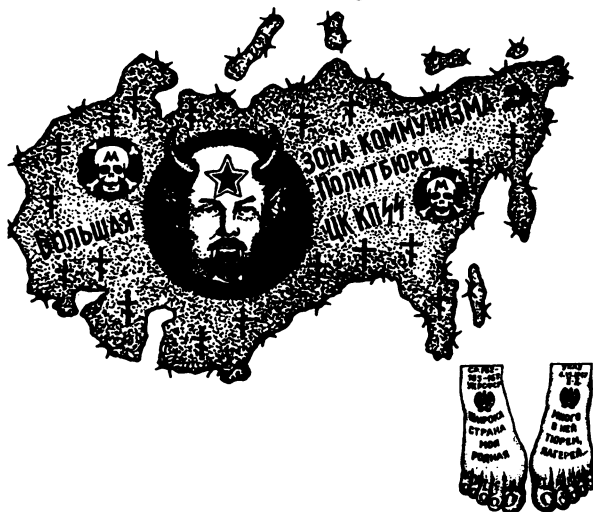
Фотомонтаж: мясник-Ельцин, опершись на топор, стоит над прилавком или тушей-картой России.

Ил. 111. Большая зона коммунизма // Балдаев Д. С., Белко В. К., Исутов И. М.

Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона (речевой и графический портрет советской тюрьмы). М.: Края Москвы, 1992. С. 344—352.

Накалывание рогатого Ленина с клыками вампира и дьявольской звездой во лбу в центре карты могло обеспечить уголовнику переход в разряд политических преступников; подобные татуировки дают некоторое представление о том, с чем связывалась на низших ступенях социальной лестницы политическая реальность СССР.

Ил. 112. ГУЛАГ НКВД // Балдаев Д. С., Белко В. К., Исупов И. М. Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона...

*Ил. 113. Кто не с нами, тот против нас! // Балдаев Д. С., Белко В. К., Исупов И. М. Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона...
Хвостатые и рогатые черти — Ленин, Троцкий (или Свердлов?) и Сталин — варят в адском котле своих сограждан.*

Ил. 114. Начальник лагеря социализма 1924—1953 // Балдаев Д. С., Белко В. К., Исупов И. М. Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона...; перепечатано: Куранты. 1993. 15 мая.

Сталин с нимбом над головой и в форме генералиссимуса изображен как наследник дела Маркса—Ленина по трудовому перевоспитанию — истреблению людей.

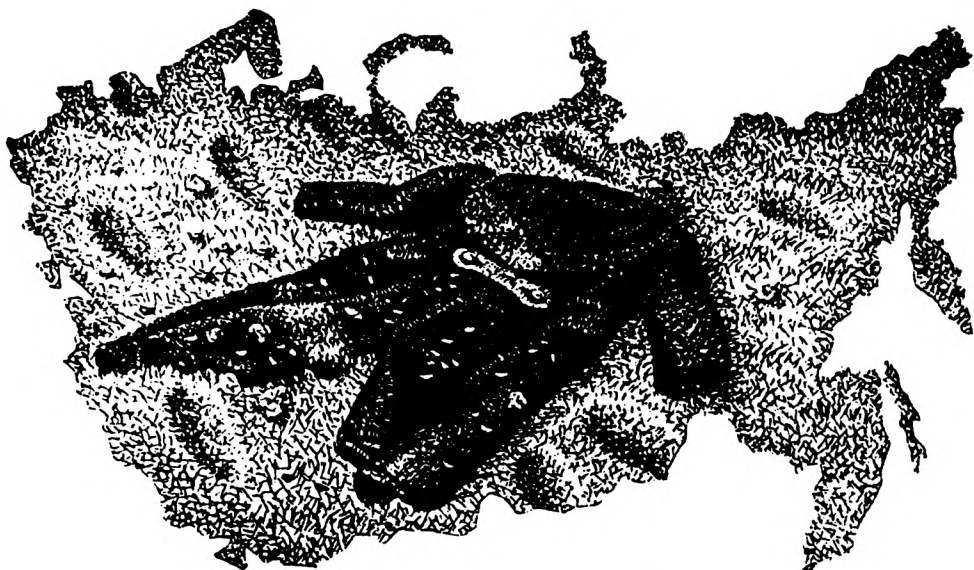

Ил. 115. Широка страна моя родная, много в ней тюрем, лагерей...; Они устали от долгого пути в светлое будущее — коммунизм // Балдаев Д. С., Белко В. К., Исупов И. М. Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона... Переименованные соответственно месту жительства лозунги строителя коммунизма, вытатуированные на ногах.

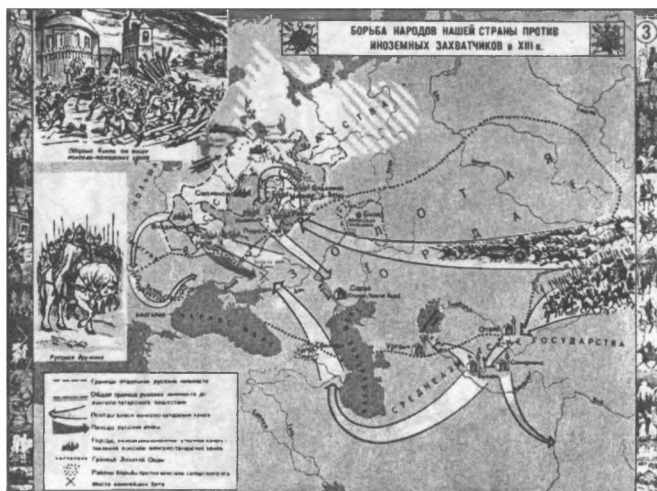

Ил. 116. Рисунок П. Кириллова. Прелюдия хаоса // Советская Россия. 1993. 10 марта.

На осыпанной опавшими листьями карте СССР лежит пустая шинель.

Ил. 117. Борьба народов нашей страны против иноземных захватчиков в XIII веке // Атлас истории СССР. 5 класс одиннадцатилетней школы. М.: ГУТК, 1990. С. 3.

Ил. 118. Рисунок А. Штабеля (Уфа). Комикс о помощи // Правда. 1993. 23 апреля. [В августе 1993 г. рисунок был перепечатан в канадском журнале «Nordstar Kompas», а оттуда — в «Советской России» (1993. 14 сентября)].

Ил. 119. Рисунок В. Тильман. Остров Россия // Крокодил. 1991. № 2. С. 2.

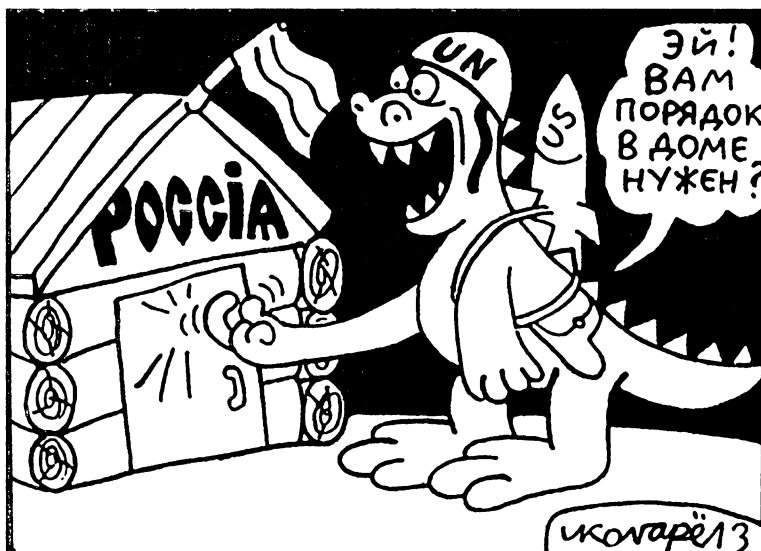

Ил. 120. Рисунок И. Колгарева // *Русский вестник*. 1992. № 28/29 (60/61).
Над изображенными в виде русского витязя и его жены приднестровцами парит Змей Горыныч со свастикой, обозначающий здесь «румынско-молдавских агрессоров».

СТАНЕТ ЛИ ПРИДНЕСТРОВЬЕ ТРАНСНИСТРИЕЙ?

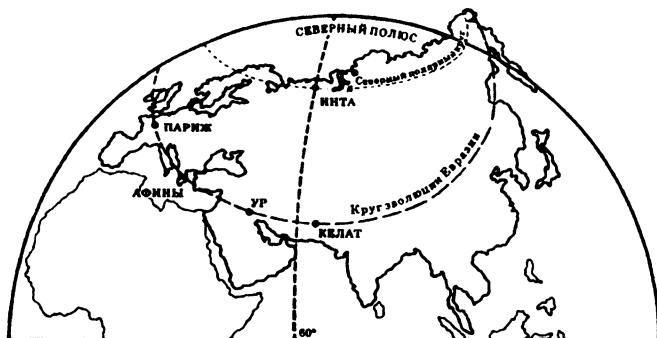
Ил. 121. Рисунок И. Колгарева // *Аль-Кодс*. 1993. 10 марта.
Дракон-полицейский в ооновской каске и с американской ракетой за спиной стучится в избенку под российским триколором.

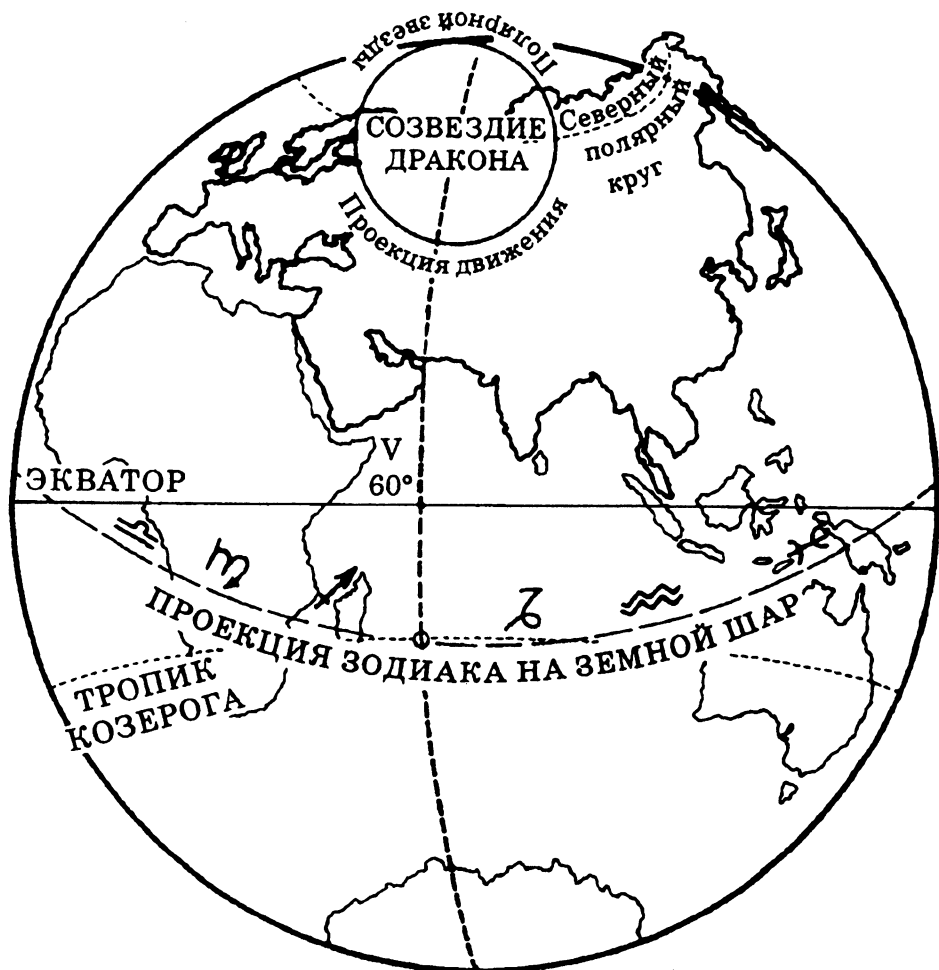
Ил. 122. Разбитый компас. Журнал Дмитрия Галковского. 1997. Январь—сентябрь. № 3, обложка.

Ил. 123. Дугин А. Мистерии Евразии. М.: Арктогея, 1996. С. 30.
 См. текст подписи к иллюстрации: «Карта из книги французского традиционалиста Гастона Жоржеля „Les quatre ages de l'Humanité“: сакральный Полос, расположенный к северу от Уральских гор, вблизи г. Инта на 60-м меридиане, является центром „круга эволюции Евразии“. Точки на периферии окружности — Келат, Ур Халдейский, Афины, Париж — разделены между собой различными дугами, которым соответствуют временные периоды по 2160 лет. Эти периоды относятся к различным цивилизациям: Эламской, Халдейской, Греческой (шире — Средиземноморской), современной Западно-Европейской. Восточнее на этой же окружности находится столица Тибета Лхаса».

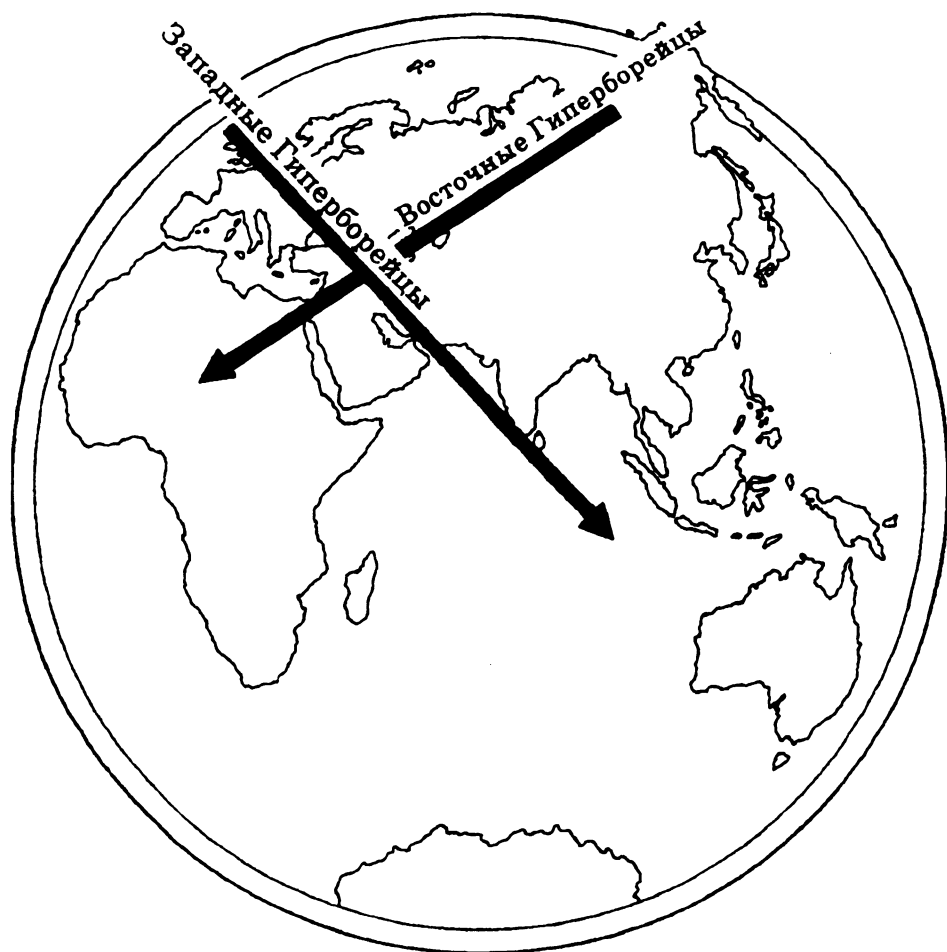

Ил. 124. Дугин А. Мистерии Евразии. М.: Арктогея, 1996. С. 32.
См. текст подписи к иллюстрации: «Проекция созвездий на земной шар. Полюс эволюции Евразии совпадает с неподвижным полюсом эклиптики. Северный полюс Земли соответствует актуальной Полярной звезде, которая совершает процессионное вращение вокруг неподвижного полюса эклиптики. Из этой карты можно сделать множество выводов относительно полной картины сакральной географии Земли (в отличие от представлений, свойственных традиционной космографии античных астрологов)».

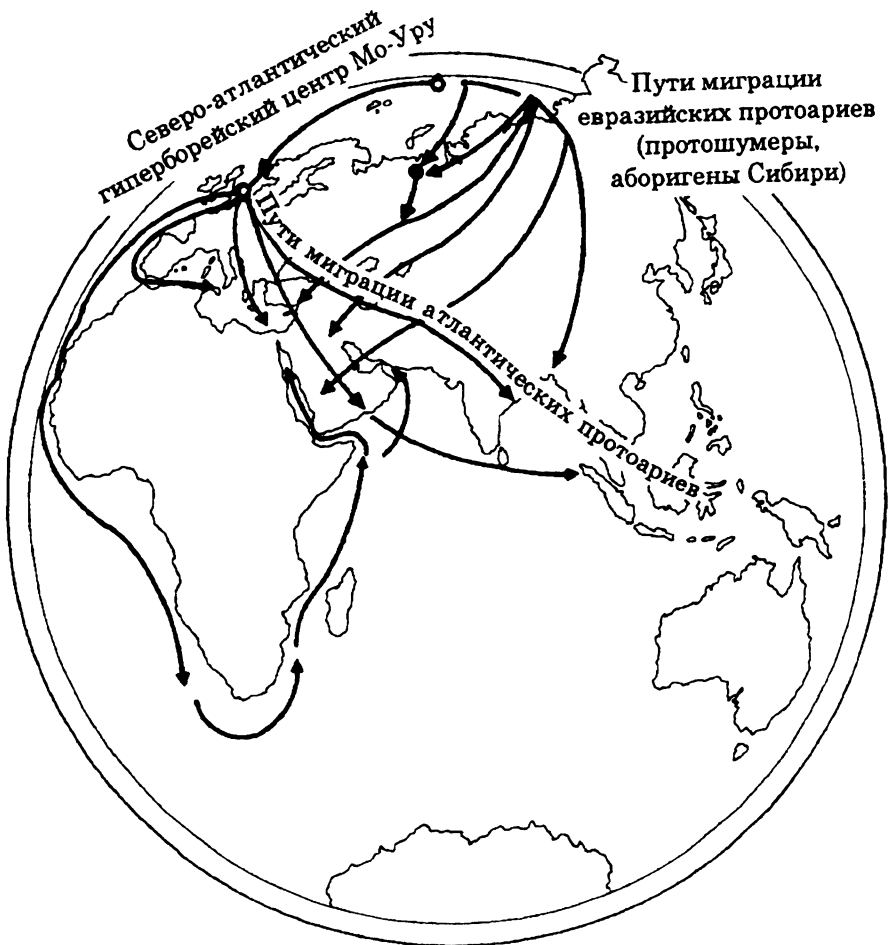

Ил. 125. Дугин А. *Мистерии Евразии*. М.: Арктогея, 1996. С. 34.

См. текст подписи к иллюстрации: «Пути сакральных миграций евразийских рас в Предыстории. Предки индоевропейцев двигались с исчезнувшей Арктогеи (полярного континента) через западную оконечность Евразии (Северо-Запад) к Юго-Востоку. Это была последняя волна гиперборейских миграций. Предшествующая волна распространялась с Северо-Востока и двигалась к Юго-Западу. Аборигены Сибири и шумерская цивилизация — прямые потомки этой древнейшей волны. Еще более древними выходцами из Арктогеи были предки североамериканских индейцев, но они спустились в Северную Америку с обратной от Евразии стороны — через Северную Атлантику».

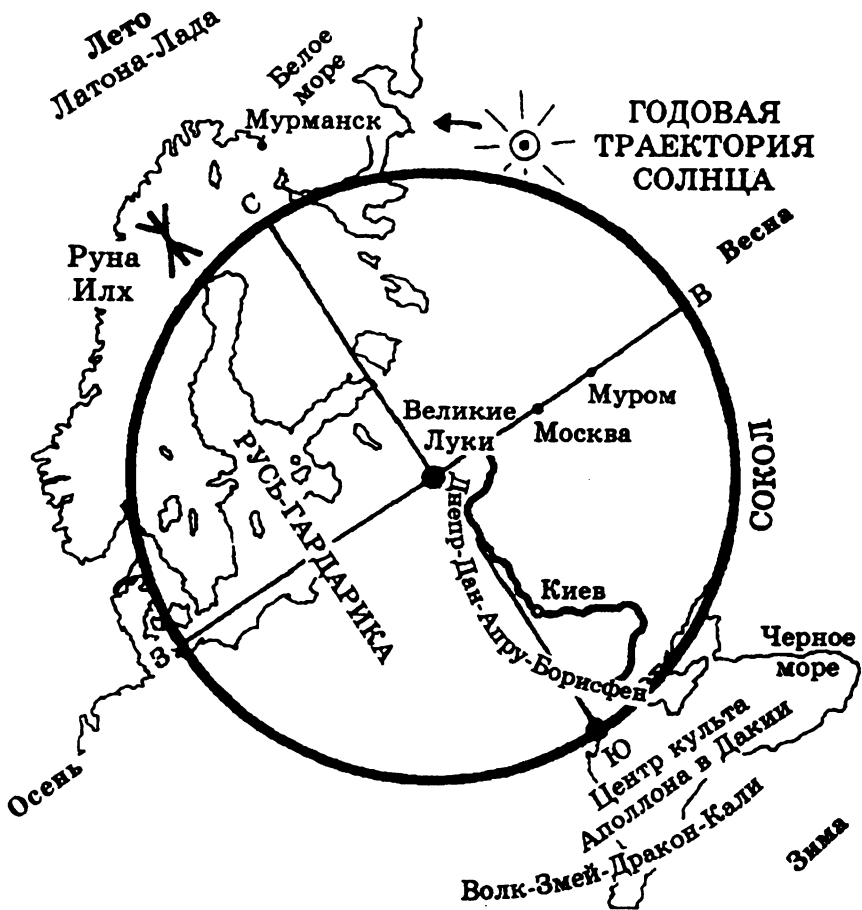
Ил. 126. Дугин А. Мистерии Евразии. М.: Арктогея, 1996. С. 36.
См. текст подписи к иллюстрации: «Карта профессора Германа Вирта, указывающая пути протоарийских миграций. В области Северного моря, соответствующей современной отмели Доггера, находился когда-то сакральный центр северо-атлантических ариев — Мо-Уру. Это — страна Форсети, принадлежавшая Бальдру, сыну Одина, и Allland хроники «Ура-Линда». Оттуда западные гиперборейцы — Тхиата, сыновья Богини (Дану) — распространялись на Юг и на Восток. [...] Вторая ветвь гиперборейцев распространялась с Северного полюса к Востоку Евразии и имела своим центром примордиальную «Инту» (неизвестный культовый центр к Северу от Урала). Оттуда протоарии спускались на Урал (к Аркаиму) и южнее к Кавказу и в Иран».

Ил. 127. Дугин А. Мистерии Евразии. М.: Арктогея, 1996. С. 75.

См. текст подписи к иллюстрации: «Сакральный круг Руси-Гардарики. Изначальный архетип русской сакральной географии, русского космоса.

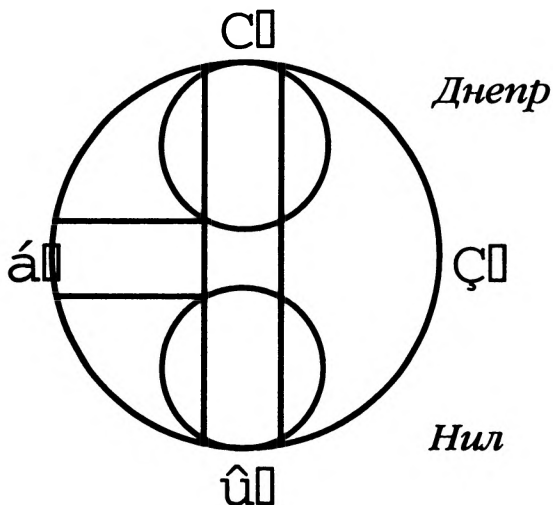
Возможно, русские унаследовали это сакральное пространство, совпадающее, в общих чертах, с Русской равниной, от какой-то древнейшей арийской цивилизации. В ряде русских легенд повествуется о том, как богатырь (Егорий Храбрый и т.д.) очистил русский круг от гор, лесов и морей, «разогнав» их по периферии, и основал Святую Русь, «ровную и круглую» (как рай) [ср. ил. 105]. Древнейшая топонимика этой территории, сопряженная с архетипами, показывает единую структуру полярного солнечного гиперборейского мифа, лежащего в основе арийской традиции, в широком смысле, и русской традиции, в частности».

Ил. 128. Дугин А. *Мистерии Евразии*. М.: Арктогея, 1996. С. 159.
См. текст подписи к иллюстрации: «Чингисхан предпринял последнюю историческую попытку объединения Евразии в единый сакрально-политический блок. Он считал себя исполнителем „Белого Обета“, и в его сакральной генеалогии явно различимы следы гиперборейского фактора. Континентальная интеграция Евразии связана с эсхатологическими мотивами арийского гнозиса».

Ил. 129. Дугин А. Мистерии Евразии. М.: Арктогея, 1996. С. 59—60.
См. текст подписи к иллюстрации: «Параллелизм двух величайших сакральных рек [Днепра и Нила] дает нам все основания для построения двух кругов цивилизаций».

Ил. 130. Фоменко А. Критика традиционной хронологии Античности и Средневековья (какой сейчас век?) // Реферат.
М.: Механико-математический факультет МГУ
им. М. В. Ломоносова, 1993. С. 222—223.

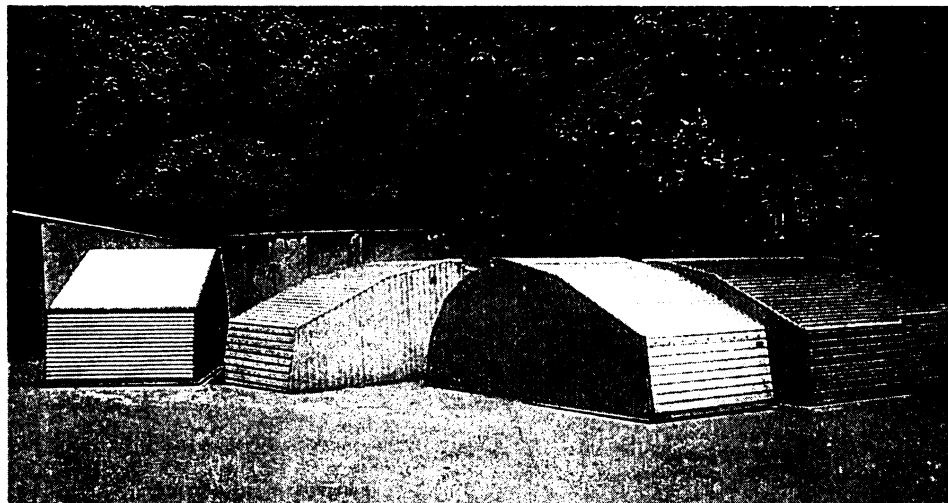

Ил. 133. Рисунок А. Бондарева к статье: Соломенко Е. «Кавказский синдром» в Питере // Известия. 1992. 12 августа.

«А почему рынок черный?» — спрашивает мальчик отца. За игрой слов — важное наблюдение: на смену подпольному (черному) рынку пришел открытый, но материализовавшийся черноту в физическом облике ненавидимых торговцев.

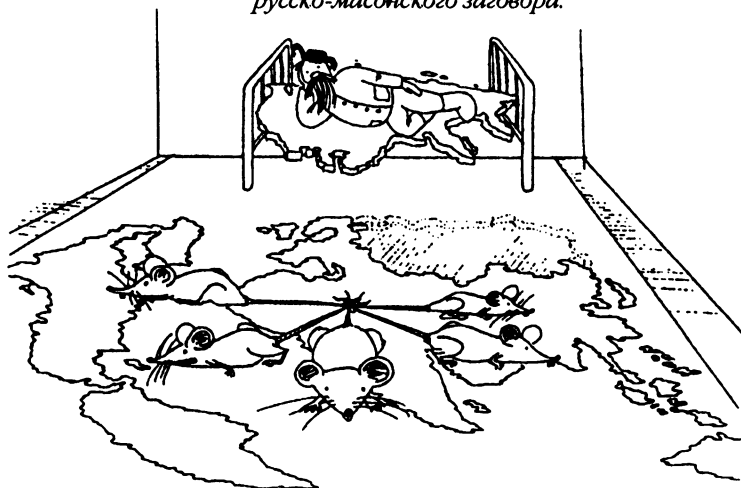

Ил. 134. Гаражи типа «ракушка» («мельница»). Москва, 1-я Аэропортовская ул., 1997 год. Фото автора.

Ил. 135. Иллюстрация к статье: Виноградов А. Всемирный русский заговор // Империя. 1997. Очередной номер [sic].

Связанные хвостами крысы украшают ковер-карту мира; русский мужик в шапке-ушанке возлежит на кровати, чей матрас — вырезанная из ковра карта России; в статье Виноградова повествуется об успехе глобального русско-масонского заговора.

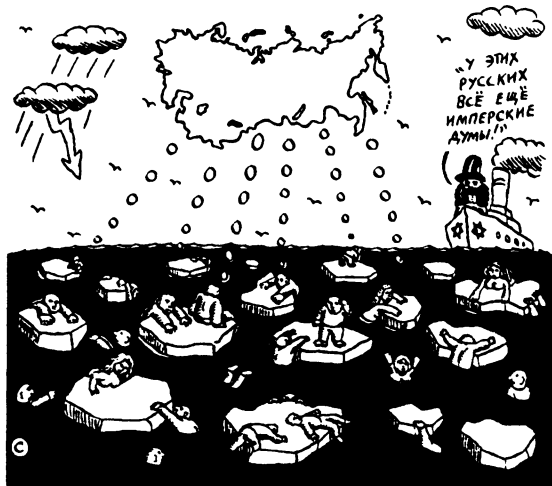
Ил. 136. Иллюстрация к статье: Сироткин В. Гены распада. Кто сохранит страну — новый Петр Великий или новые собственники? // Век. 1992. № 19. С. 10.

Карта разломов России на автономии.

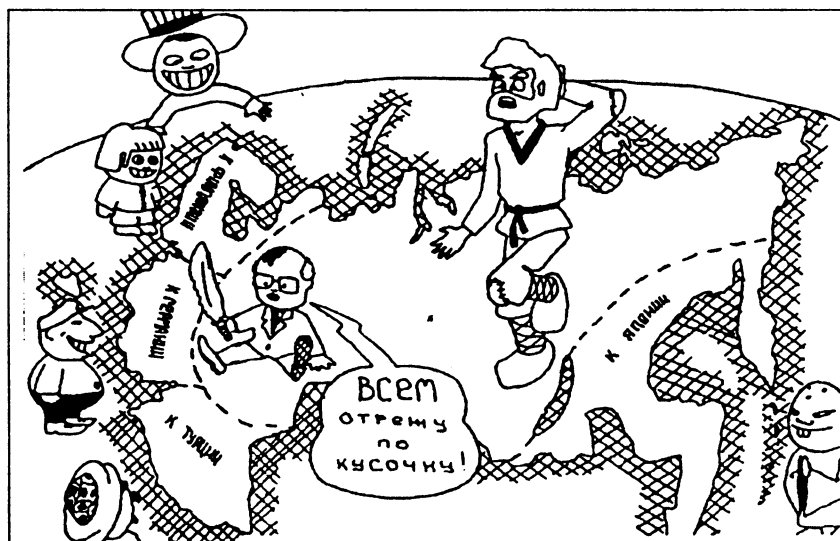
Ил. 137. «У этих русских все еще имперские думы!» // Аль-Кодс. 1993.
Сентябрь. № 15 (21).

Так рассуждает о терпящих бедствие русских американский империалист с израильского парохода.

Ил. 138. Гарусев М. «Всем отрежу по кусочку!» // Истоки. М., 1993. Вып. 1 (17).

Михаил Горбачев нацелился раздать русские земли финну, немцу, турку и японцу.

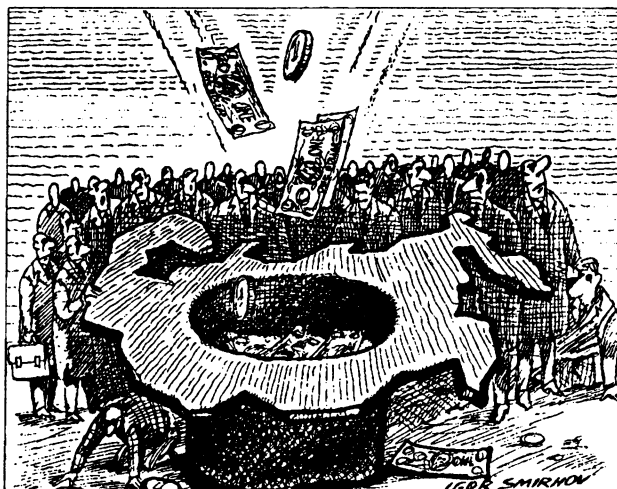

*Ил. 139. Интервзгляд. М., 1991/1992. 2 (обложка).
Ельцин-боксер завоевывает чемпионский пояс — карту России.*

*Ил. 140. Смирнов И. Страсти у черной дыры // Европа-Центр. 1999.
12—25 сентября.
Россия — громадная шляпа с рваными краями, в которую из толпы летит
подающие.*

Страсти у черной дыры

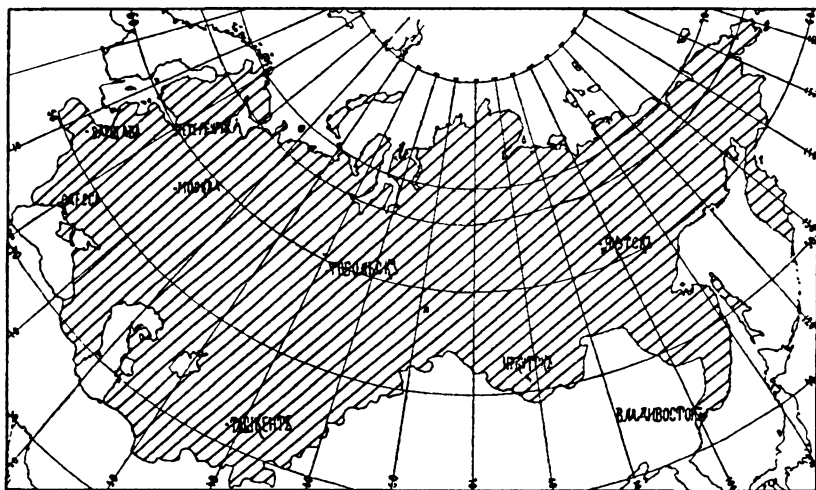

■ В России принят бюджет-1999. Месяц спустя после начала года. Но радости это вызывает мало. Во-первых, в бюджет заложены миллиарды долларов которые, во мнению правительства, долж Международной валютный фонд. А вот даст ли? Во-вторых, удастся ли собрать налоги в запланированном объеме? И в-третьих, удастся ли реанимировать промышленность, на что надеется правительство Примакова, и стало быть, хотя бы начать закладывать фундамент для здоровой экономики? Восстанавливать промышленность можно лишь с помощью инвестиций. А откуда их влять? Доверие мирового капитала к России подорвано. Ведь до сих пор вкладываемые средства нередко словно бы проваливались в черную дыру, изображенную на этой карикатуре. Что будет дальше, какой выход? Пад эти ломают голову и Россия, и мировое сообщество.

Ил. 141. Рисунок А. Рогаткина // Крокодил. 1991. № 18. С. 5.
Татуировка запечатлевает смесь просторечных («Не забуду мать родную») и административных клише («Не забудьте оплатить проезд!», «Никто не забыт, ничто не забыто»).

Ил. 142. Обычный вид карты России по проекции Гаусса // Менделеев Д.И.
К познанию России. СПб., 1906. С. 144.

Обычный вид карты России по проекции Гаусса.

УКАЗАТЕЛЬ

- Аввакум 120
Агасфер 110, 112
Азеоп 101
азиатчина 98, 100–103, 108
Азия 13, 20, 62, 89, 98–103, 107, 109, 110, 111, 163
Айвенго, поэт 75, 124
акула-людоед 65
Алл Николай 91
Алтай 47, 84
Альпы 42
Аляска 38, 110, 112
Анашевич Александр 115
Анды 42
анекдот 25, 31, 50, 101, 119
Анкудинов Максим 87, 116
Аннинский Лев 72
Анпилов Виктор 37
Аполлон, журнал 62
Арбат 17, 76, 99, 120
Аргументы и факты, газета 43, 56, 57, 154, 155, 159
Аум Синрикё 57
Ачаир Алексей 15, 42, 104, 105
Балтия 24, 95, 112
Банников Александр 43, 73, 124
Батый 90–92
Бахрушев Иван 87, 116
беженцы, ср. *вынужденные переселенцы* 97
Бельгия 30
Беляков Александр 71, 125, 127, 128
Бендер Остап 52
Берберова Н. 15
Берингов пролив 111
Берлинская стена 16
Бийск 37
Бисмарк Отто фон 47
ближнее зарубежье, см. также *дальнее зарубежье* 15, 16, 33, 55, 57, 95
Блок А. А. 14, 43, 60, 65
Богданов А. А. 28
Бодрийяр, Жан 69
Будда 112
Бурятия 47
вакуум, см. *пустота* 71, 81, 108, 125

- Веймарская Германия 50
велика Россия, а отступить некуда — позади Москва 30, 93
Вернадский В. И. 89
визиотип 9, 22, 25, 32, 39, 41, 46, 47, 49, 50, 51, 52, 53, 58, 62, 63, 82, 86, 89, 93, 94, 107, 108, 110, 111, 112
Вознесенский А. А. 43
Вологда 37
вынужденные переселенцы, ср. беженцы 9
Гагарин Ю. А. 23, 24
Гайер Дитрих 17
Галковский Дм. 86, 88, 92, 193
Геллеспонт 122
герб 22, 28, 38, 82, 83, 146
Германия 11, 12, 32, 44, 45, 48, 49, 80, 88, 95, 150, 157
Гефтер М. Я. 100
гипертекст 71, 82, 85
Глезер Ольга 94, 200
Глинский Владимир 124
глобус 22–26, 34, 39, 75, 83, 111, 123, 124, 146, 149, 158
Голендухин Алексей 121
Голландия 30, 116
голубая планета 10, 22
Гомер 116
Гренландия 24
Давлетшин Игорь 119
дальнее зарубежное, см. также *ближнее зарубежье* 15, 47
Дальний Восток 29, 47, 57, 84, 94, 96
двадцать пять миллионов русских 95
Дербенев Л. 22, 52
держава 22, 32, 33, 43, 70, 76, 82, 101, 108, 111, 119, 124, 179
джинса 50, 51
Дмитриенко Константин 114
Достоевский Ф. М. 46, 120
Дугин А. 89, 90, 92, 184, 193–199
духовный вакуум, см. *пустота* 71, 72, 108
Европа 6, 12, 13, 16, 20, 21, 36, 44, 47, 49, 59, 60–62, 64, 80, 81, 83, 89, 90, 95, 96, 100–103, 111, 120, 163, 204
европеизация России, евразийского пространства 100
Евтушенко Е. А. 18, 25, 40, 41, 105
Ейск 35
Ельцин Б. Н. 43, 48, 50, 56, 65, 77, 116, 130, 172, 173, 175, 177–181, 186, 187, 204
Емелина Л. 82, 90, 184
Ерофеев Виктор 101
Ерохин А. 52
Есенин С. А. 31

- Ещин Леонид 74, 76
 Жаров А. 22, 31
 Жданов А. 16
железный занавес 16, 18, 21
жёлтые 70, 103, 109
 Жириновский В. 33, 35, 36, 41, 63, 65, 73, 82
 Житомир 35
жить и работать 96
 Забайкалье 40
 Заболоцкий Н. А. 127
заграница 14, 15, 40
 Закавказье 24, 96
 Запад 16, 24, 35, 81, 98, 101, 110, 178, 179
 Засорина Л.Н. 15
«Затерянный мир» 82
 Звезда, журнал 16
Земшарная Республика Советов 37
 Ивангород 19, 20, 135
 Иванушка-дурачок 50
Известия, газета 38, 46, 53, 54, 57, 65, 73, 95, 132, 133, 137, 138, 142, 152, 160, 200, 201
 Ильин В. В. 70, 80, 108
 Ильин М. В. 84, 108
иммиграция 95
Империя, газета 105, 137, 183, 202
 Индийский океан 33
 Индия 48, 80, 111
 Ионеско Эжен 65
 Кавказ 24, 34, 45, 56, 57, 64, 65, 95, 97, 105, 196
 Калакин Евгений 88, 122
карикатура 19, 21, 65, 77, 79, 134, 165, 186
карта когнитивная (ментальная) 11, 21, 35
картирование 21
Катюша, песня 14
 Кафка 116
 Кенигсберг 115
 Кибиров Тимур 72
 Киевская Русь 37, 80, 147
 Килибаев Бахыт 52
 Кинг-Конг 65, 66
 Китай 27, 34, 36, 55, 80, 81, 91, 111
 Китеж-град 104, 119, 120
 Клайпеда 91
 Клочков В. 30
 Коган П. 32, 35, 37
 Козлевич Адам 52

- Кокошин А. 15
колбаса за 2 рубля 20 копеек 69, 70
Колгарёв И. 93, 131, 132, 174, 176, 180, 181, 192
Кольма 120
Конан Дойл А. 82
конспирология 82, 89, 106, 107
Корнилов Борис 37, 40, 70, 91
Кортасар Хулио 65
Коряков М. 16
космический костёр 27
космос 23, 24, 71, 121, 197
Котовский Григорий 35
Крайний Север 47
красная звезда 28, 58
Кремль 28, 29, 30, 56, 75, 91, 117, 149
Крузенштерн-Петерц Юстина 104
Кузьмин Дмитрий 43, 114, 126
Куранты, мосгоргазета 42, 48, 50, 156, 189
Лакербай Дмитрий 118
Латвия 20, 34, 55, 57, 134
Лебедев-Кумач В.И. 14, 28, 29, 30, 43
Леви Владимир 103
Легра, Жюль 99
Ленин Н. (Ульянов В. И.) 9, 30, 39, 71, 125, 184, 188, 189,
Ленинград, журнал 16
Лёня Голубков 51–55
лесоповал 120
Летучий голландец 65
Лимонов-Савенко Э. 37
Литвинова Елена 122
Лондон 18, 118
Мавроди С. 51, 52
мавродики, чеки АО «МММ» 51
Мавродистан 52, 53
Магадан 120, 124
Маккиндер Х. 83
Мамай 91
Мандельштам О. 34, 62, 89, 105
Манежная площадь, Москва 26, 90, 145, 146
маниловщина 102
Маринина А. 62, 98
Маслов Алексей 88, 122
Маяковский В.В. 26, 34, 39, 96
Медведев С. 69, 70, 77, 108
Менделеев Д.И. 24, 25, 31, 110, 111, 205, 206
Меринов А. 141, 170

- Миграция А. 15
миграция 57, 95, 99, 195, 196
 Миллюков П.Н. 99
 Михайлов Сергей 118
 Михалков С.В. 26
 «МММ», финансовая пирамида 50–52, 158
 Монголия 80, 91, 161, 162
 Москва 18, 26, 29, 30, 31, 39, 46, 48–51, 53, 55, 73–76, 90, 92, 97, 98, 99, 101, 113, 114, 118, 122, 124, 145, 146, 153, 156, 160, 175, 187
 Нагибин Юрий 71
 Нарва 19, 20, 135
наркотики 31, 45, 150
народный фронт 54
 Нарочницкая Н. А. 42, 61, 62, 64, 76
 Науменко Александр 108
 Некрасов Всеволод 21
 Несмелов Арсений 27, 34, 35, 36, 67
 Нечерноземье 96, 126
 Нин В. 122
 Nirukta 90
Новая Россия, журнал 77, 184
 Новиков Денис 32
 Новодворская В.И. 60, 65, 82
носороги 26, 65
 Н-ск, город 87, 121
 Оболдуев Георгий 13
одна шестая часть земли (мира, планеты) 30, 31, 32, 33, 69
окружение 13, 26, 45
 Октябрь 28
октябрьские события 1993 года 54
 Окуджава Б. 17, 22
 ООН 82
органичность 37
ориентировка 9, 91, 108
остров Невезения 51
остров-Россия 78, 81, 84, 97, 191
ось Восток–Запад 107, 108
ось Север–Юг 107
отдаленные районы 29, 96
отщепенец, отщепенцы 15
 Павловский Глеб 100
 Пакистан 112
парад суверенитетов 19, 105
 Париж 36, 52, 86–89, 116, 122, 193
 Парщиков Алексей 71, 77
 Пастернак Б. Л. 39

- первопроходство* 38
перестройка 18, 55, 79, 98, 105, 179
Пёрксен Уве 10, 46
Пермяков В. 53
Петр Первый (Великий) 173, 202
Петрозаводск 178–180
пластилин, опий-сырец 47
Плющиха, Москва 99
Поздняев Михаил 70
Покровский собор 26
Полищук Виктор 115
Польша 11, 12, 38, 62, 94, 111, 112, 114, 115
~ нежная 62
~ окатоличенная 61
Полякова Т. 79, 183
Полян Павел 94, 200
портянки, запашок портянок 38
предательство и расчленение 46
преступных группировок карта 48
Прибалтика 24, 55, 84, 86, 96
Примеров Борис 32, 33
присоединение, добровольное присоединение 38
Просеков Иван 87, 121
пространство 19, 28, 30, 46, 58, 65, 67, 72, 85, 86, 102, 104, 105, 108, 111, 113, 127, 197
Псковская область 57
пугачевщина 102
пустота 34, 60, 71, 73, 74, 77, 86, 108, 114, 124
Путин В. 53
Пушкин А. С. 46, 72
Рабин Оскар 18
Распутин Валентин 61, 62, 76
расчленение 46, 64, 66
Рейн Евг. 108, 110, 112
реклама 51, 156–158
Рогов Олег 123
Рубахин Константин 115
Рублев Андрей 46
Сакья Муни, см. Будда 110, 112
Самойлов Давид 102
Сан-Франциско 42
Сатуновский Ян 18
Саяны 84
Свердловск 87, 116, 172
Светлов М.А. 23, 24, 25, 32, 34, 37, 41, 80
Север 47, 96, 119, 126

- селедка* 18
 Семенова Елена 100
 Сен-Сеньков Андрей 113
Серп и молот, газета 77, 78, 170, 185
 Сибирь 24, 29, 42, 47, 86, 87, 94, 96, 105, 109, 110, 115, 119, 184, 195
 Западная ~ 87, 96, 115
 Сидоров Евг. 85
симулякр 69
слив компромата 53
 СНГ, Содружество Независимых Государств 46, 65, 95, 101, 102, 171, 177
Советская Россия, газета 77, 130, 140, 154, 171–179, 181–183, 190, 191
 Солженицын А. И. 43, 101
Солидарность, газета 54, 55
состав России 24, 39, 58, 98
социализм 85, 97, 182, 189
 Спасская башня 28, 30
среднеазиатское подбрюшье 43, 101
 Среднесибирская возвышенность 84
 Средняя Азия 24, 47, 81, 95
 СССР 10, 12, 13, 15–19, 22, 24–28, 38, 39, 41, 46, 47, 52, 55, 56, 58, 63, 64, 67, 69, 70, 76, 78, 80, 83, 84, 86, 88, 94, 95, 99, 105, 106, 110, 112, 130, 142–144, 147–149, 151, 161, 167, 169–173, 177, 184, 187, 190, 200
 Сталин И. 9, 10, 30, 39, 63, 73, 97, 105, 132, 188, 189
Сцилла и Харибда 122
 Таджикистан 47, 55, 56, 98
 Тамбов 25
татуировка 78, 79, 187, 205
тевтонский дух 61
теллуократическая стихия 80
тело родины 44
 Тёркин Василий 53
Тибет, банк 51
 Тогунов Игорь 86, 114
 Тозик Андрей 118
 Толстой Л.Н. 46
толстый-толстый слой шоколада 52
торговые меньшинства 97
триколор 83, 192
 Троя 116
 Тува 47
 Тургенев И.С. 99, 127
 Туркестан 38
 Туркменистан 47
 Туруханский край 25
Укрсахарпром 119

Улан-Батор 91
Улан-Удэ 56
Урал 24, 87, 115, 120, 196
утечка мозгов (умов) 98
Уфа 56, 124, 191
Фарерские острова 24
Финляндия 38
Фоменко А.Т. 90, 91, 92, 199
фон радиационный 49
Фоняков Илья 74
Франция 30, 38, 86, 87, 89, 115, 116, 163
Фронт национального спасения, национал-большевистская
организация 54, 55
Ханой 87, 116
Харбин 27
Хаусхофер К. (Haushofer K.) 83
Хорватия 61
Царьград 71, 125
центр населенности 24
центр пространственный 24
Центральная Азия 24
Циолковский К.Э. 92
Ципко А. 44
цитадель, цитадель Европы 47
Цымбурский В. 78, 79, 80, 81–83, 85, 92, 108
Чаушеску Николае и Елена 113
человеческий материал 60, 94
Чередниченко Т. 107, 108
Чернобыльская катастрофа 50
чёрные, черножопые 58, 97
Чёрный квадрат 119, 120
Черчилль У. 16, 101
чеченская война 16, 55, 58
чеченский узел 58, 160
Чечня 55, 58
Чикаго 124
Чистяков Борис 73
Чичибабин Борис 26, 27
Шанхай 42
шесть соток 52
шинель Гоголя 120
Шпигель, немецкий еженедельник 9, 46, 47, 74, 123
Штегмайер Вернер (Stegmaier Werner) 9
эмиграция 15, 95, 98
Эстония 19, 20, 55, 57
Юг 33, 47, 97, 107, 119, 196

Южно-Курильская гряда 84

Южный Кавказ 24

Ютландия 24

Яблочко, песня 32

Якутск 56

Янов Александр 50

Япония 32

Научное издание

Гусейнов Гасан Чингизович

**КАРТА НАШЕЙ РОДИНЫ:
идеологема между словом и телом**

Ответственный редактор: Е. Савина

Ведущий редактор О. Старикова

Объединенное гуманитарное издательство
103051, Москва, ул. Петровка, 26, стр. 8
Факс: (095) 924-5761; тел.: (095) 744-3170
e-mail: info@ogi.ru

Заказать книги ОГИ можно:
тел. (095) 744-3171, 215-0101, e-mail: info@ogi.ru, astpub@aha.ru

Оптовые продажи:
тел. (095) 744-3171, 215-0101, e-mail: info@ogi.ru, astpub@aha.ru

За пределами России наши книги можно купить:
www.esterum.com

Книга издана при техническом содействии
ООО «Издательство АСТ»

Издательская группа АСТ
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7 этаж
Отдел продаж: тел. (095) 215-0101, факс (095) 215-5110
e-mail: astpub@aha.ru
<http://www.ast.ru>

Подписано в печать с готовых диапозитивов 10.02.2005.
Формат 60 × 90¹/₁₆. Объем 13,5 печ. л. Гарнитура Garamond.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Тираж 2 000 экз.
Заказ № 82.

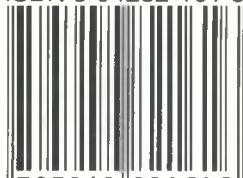
ОАО «Санкт-Петербургская типография № 6»
191144, Санкт-Петербург, ул. Моисеенко, 10.
Телефон отдела маркетинга 271-35-42.

Гасан Гусейнов

КАРТА НАШЕЙ РОДИНЫ:
идеологема между словом
и телом

Книга Гасана Гусейнова посвящена картам России. Но это книга не о физической и не об экономической, а скорее о символической географии. Почему мы регулярно встречаем изображения карты России и СССР на предвыборных плакатах, в газетных карикатурах, на татуировках и т.д.? В чем секрет невероятной притягательности подобных образов? Как эти образы и сопутствующие им речевые клише выражают и формируют представления современных россиян о своей стране, о месте России в мире, о ее прошлом и будущем? Гасан Гусейнов ищет и находит оригинальные и неожиданные ответы на все эти вопросы.

ISBN 5-94282-161-5

9 785942 821616 >